

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (8) / 2026

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 2 (8) / 2026**

**Донецк
2026**

Главный редактор	С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Заместитель главного редактора	Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>)
Ответственный редактор	В.П. Горбачев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Редакционная коллегия:	В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (<i>Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск</i>), Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донецкий государственный университет</i>), В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (<i>Костромской государственный университет</i>), И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (<i>Курский государственный университет</i>), Е.Г. Ляхов, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</i>), Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, профессор (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>), Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), И.В. Панова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), В.П. Сальников, доктор юридических наук, профессор (<i>Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ</i>), Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (<i>Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург</i>), А.Г. Хабибуллин, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова</i>), Р.В. Чикулаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Пермский государственный национальный исследовательский университет</i>), А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва</i>), А.В. Войтов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>), В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474). Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5. Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
Основатель и издатель	Министерство юстиции Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк. Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 08.06.2026 г. № 10 Язык публикации: русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес издателя:	119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
Адрес редакции:	283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 2 (8). – Донецк: ДГУЮ, 2026. – 176 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2026

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 2 (8) / 2026**

**Donetsk
2026**

Editor-in-chief	S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Deputy editors-in-chief	N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>)
Executive editor	V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Editorial board:	V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Yugra State University, Khanty-Mansiysk</i>), N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donetsk State University</i>), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kostroma State University</i>), I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kursk State University</i>), E.G. Lyakhov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot</i>), Yu.V. Mishalchenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>St. Petersburg State University</i>), T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), I.V. Panova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), V.P. Salnikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Zhukov Military Academy of the Russian National Guard</i>), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg</i>), A.G. Khabibulin, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow State University named after M.V. Lomonosov</i>), R.V. Chikulaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Perm State National Research University</i>), A.I. Chuchaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>), A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), Yu.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>), V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>)
The journal is registered	Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474). The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications that must publish the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5. The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) database.
Founder and Publisher	Ministry of Justice of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice The Minute № 10 dated 08.06.2026. Language of publication: Russian, English
Publisher's address:	All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher 119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office:	283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 2 (8). – Donetsk: DSUJ, 2026. – 176 p.

© Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Donbass State University of Justice», 2026

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Университетская хроника.....	9
Научные материалы.....	22

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гришанова Е.В.

Прекрасное и справедливое: классические эстетические категории в философии права.....	22
---	----

Клочков В.А.

Подходы к пониманию и содержанию правового воспитания в современной юридической науке.....	29
--	----

Левченков А.И., Толочко Д.Е., Кафанова О.В.

Эффективность законодательства как междисциплинарная проблема: от нормативной телеологии к эмпирическим методам оценки правового воздействия..	37
--	----

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Былинин Я.В.

Теоретико-правовые основы участия гражданского общества в региональной национальной политике.....	46
---	----

Тесленко А.А.

Государство и наука: правовое регулирование оценки стимулирования развития....	52
--	----

Тороп Ю.В.

Трансформация российской молодежной политики в условиях современных вызовов.....	62
--	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Климанова Д.Д.

Понятие владения и его защиты в гражданском праве Китая, Германии и России: сравнительно-правовой анализ.....	70
---	----

Крысов О.В.

Смешанная вина должника и кредитора: статистическая интерпретация.....	77
--	----

Куцурубова-Шевченко Е.В., Жокабине Н.Ф.

Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в финансовой сфере Российской Федерации.....	84
--	----

Швец А.В., Котляр А.В.

Нормативно-правовые гарантии прав граждан на обращение в органы внутренних дел.....	93
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Авдеев В.А., Авдеева О.А.

Законодательные и доктринальные основы формирования и развития института помилования в национальном праве.....	101
--	-----

Булавкин А.А., Данг Тхи Кам Ту

Проблемы применения беспилотных воздушных судов с элементами искусственного интеллекта при осмотре места происшествия: технические и правовые аспекты (на примере России и Китая).....	113
--	-----

Вострокнутов А.Л., Данг Тхи Кам Ту, Люев Т.Х.

Сравнительный анализ режима контртеррористической операции в Российской Федерации и правового регулирования применения мер по борьбе с терроризмом в Социалистической Республике Вьетнам: вопросы разграничения полномочий и ограничения прав человека.....	121
---	-----

Грачева Ю.В.	
Уголовно-правовое обеспечение суверенитета российского правосудия.....	128
Капица В.С., Капица Т.А.	
К вопросу профилактического значения судебных решений по делам о вовлечении несовершеннолетнего в преступления и антиобщественные действия.....	138
Косяк Е.Л., Боговая О.Ф.	
Возбуждение вражды и ненависти как уголовно-правовая и лингвистическая категория. Лингвистические приёмы, используемые при возбуждении вражды и ненависти (на примерах конфликтных текстов).....	145
Мельников В.Ю., Толочко Д.Е.	
Реализация превентивной функции уголовного права в сфере экономической деятельности: соотношение общей и специальной превенции.....	152
Мироненко С.Ю.	
Генезис международного уголовного права.....	160
Ольков С.Г.	
Теорема равновесного уголовного наказания в состязательном уголовном процессе. Равновесный и справедливый приговор.....	167

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Grishanova, Ye.V. Beautiful and just: classical aesthetic categories in the philosophy of law.....	22
Klochkov, V.A. Approaches to understanding and content of legal education in modern legal science.....	29
Levchenkov, A.I., Tolochko, D.E., Kafanova, O.V. The effectiveness of legislation as an interdisciplinary problem: from normative teleology to empirical methods for assessing legal impact.....	37

STATE AND LEGAL SCIENCES

Bylinin, Ya.V. Theoretical and legal foundations of civil society participation in regional national policy	46
Teslenko, A.A. State and science: legal regulation of assessment and stimulation of development.....	52
Torop, Yu.V. Transformation of Russian youth policy in the face of modern challenges.....	62

PRIVATE LAW SCIENCES

Klimanova, D.D. The concept of possession and its protection in China, Germany and Russia civil law: a comparative analysis.....	70
Krysov, O.V. Concurrent fault of debtor and creditor: statistical interpretation.....	77
Kutsurubova-Shevchenko, E.V., Zhokabine, N.F. Legal regulation of the use of artificial intelligence in the financial sphere of the Russian Federation.....	84
Shvets, A.V., Kotlyar, A.V. Legal guarantees of the rights of citizens to appeal to the internal affairs office.....	93

CRIMINAL LAW SCIENCES

Avdeev, V.A., Avdeeva, O.A. Legislative and doctrinal foundations of the formation and development of the institute of pardon in national law.....	101
Bulavkin, A.A., Dang Thi Cam Tu Problems of using unmanned aerial vehicles with elements of artificial intelligence in the examination of the scene of an accident: technical and legal aspects (on the example of Russia and China).....	113
Vostroknuytov, A.L., Dang Thi Cam Tu, Lyuev, T.Kh. Comparative analysis of the counter-terrorism operation regime in the Russian Federation and the legal regulation of counter-terrorism measures in the Socialist Republic of Vietnam: issues of delineation of powers and restriction of human rights.....	121
Gracheva, J.V. Criminal and legal support of the sovereignty of Russian justice.....	128

Kapitsa, V.S., Kapitsa, T.A.

On the preventive significance of court decisions in cases of involving minors in crimes and antisocial actions..... 138

Kosyak, E.L., Bogovaya, O.F.

Exciting enemy fears and hatred as a criminal and linguistic category. Linguistic techniques used in exciting enemy fears and hatred (examples of conflict texts)..... 145

Melnikov, V.Yu., Tolochko, D.E.

Implementation of the preventive function of criminal law in the sphere of economic activity: correlation of general and special prevention..... 152

Mironenko, S.Yu.

The genesis of international criminal law..... 160

Ol'kov, S.G.

The theorem of equilibrium criminal punishment in adversarial criminal proceedings. Equilibrium and fair sentences..... 167

Университетская хроника

II Донбасский юридический форум «Правовое пространство Донбасса: вектор 2026» состоялся 4-5 июня 2026 года в Донецкой Народной Республике. Это событие приобрело особую значимость в контексте правовой интеграции региона в систему Российской Федерации.

Мероприятие было организовано Минюстом России, Донбасским государственным университетом юстиции, Ассоциацией юристов России и Российским обществом «Знание».

Форум торжественно открылся в Донецке, в столице региона, где ведущие эксперты и юристы собрались для обсуждения актуальных вопросов правового развития и укрепления правовой системы Донбасса.

В работе форума приняли участие руководители органов государственной власти и местного самоуправления, представители органов судебной и исполнительной власти, образовательных учреждений высшего образования ДНР и других регионов Российской Федерации, научные работники, учёные, преподаватели, студенты и аспиранты.

Такой широкий круг участников обеспечил многоплановость дискуссий для обсуждения как практических вопросов правоприменительной деятельности, так и фундаментальных научных подходов к развитию правовой системы. Разнообразие профессионального опыта и научных интересов собравшихся – возможность рассмотреть актуальные проблемы с разных точек зрения – от реализации конкретных законодательных норм на практике до долгосрочных стратегий совершенствования законодательства и укрепления правовой культуры в обществе.

Заявленные ключевые темы для обсуждения – гармонизация регионального законодательства с общероссийскими нормами, особенности использования правовых норм, защита прав граждан, а также подготовка квалифицированных юридических кадров для новых субъектов РФ.

Открывая пленарное заседание, ректор Донбасского государственного университета юстиции, кандидат экономических наук Никита Александрович Нарыжный зачитал

приветствие от Министра юстиции РФ Константина Анатольевича Чуйченко:

«Уважаемые коллеги!

От имени Министерства юстиции Российской Федерации и от себя лично рад приветствовать вас на II Донбасском юридическом форуме «Правовое пространство Донбасса: вектор 2026».

Донбасс прошел важный этап интеграции в правовую систему Российской Федерации, в настоящее время идет донастройка в отдельных отраслях права. В этой работе значимую роль играют профессиональный диалог, обмен практическим опытом и выработка эффективных решений.

В этой связи Донбасский юридический форум становится авторитетной площадкой для обсуждения актуальных направлений развития законодательства, совершенствования правовых институтов, повышения качества юридической помощи и правового просвещения граждан.

Правовое пространство Донбасса имеет особую важность в контексте его исторической и культурной идентичности. Оно не только обеспечивает юридическую защиту, но и формирует основы для дальнейшего развития региона как неотъемлемой части Российской Федерации.

Уверен, что конструктивный характер дискуссий, высокий профессиональный уровень и практическая направленность мероприятий форума будут способствовать выработке востребованных инициатив для дальнейшего развития правового пространства Донбасса, укрепления законности и защиты государственности.

Желаю всем участникам успешной реализации намеченных проектов, новых профессиональных открытий и всего самого доброго».

Далее Никита Александрович Нарыжный обратился к присутствующим со своей вступительной речью:

«Рад приветствовать всех вас на открытии Второго Донбасского юридического форума «Правовое пространство Донбасса: вектор 2026»!

В современном мире наука и образование играют ключевую роль в прогрессе общества. Именно поэтому наш юридический форум предоставляет уникальную платформу для обмена идеями, обсуждения актуальных вопросов и поиска совместных решений.

Мы собрались здесь не случайно. Каждый из вас – учёный, практик, представитель власти или педагог – вносит огромный вклад в укрепление правового государства и создание новой правовой реальности, где справедливость, закон и защита интересов граждан становятся повседневной практикой.

На сегодняшний день можно констатировать, что научный вектор, инициированный Донбасским юридическим форумом в прошлом году, достиг поставленных целей. Дискуссионная площадка форума неуклонно расширяет свою географию, а научная проблематика открывает новые горизонты в области знания и образования.

Научная деятельность в университете играет ключевую роль, являясь неотъемлемой частью профессиональной подготовки современного специалиста и тесно интегрированной с образовательным процессом. В этом контексте наука, в широком смысле, представляет собой фундаментальное начало, от которого зависит развитие научно-кадрового потенциала Донбасса и России в целом.

Для продвижения результатов научных исследований научно-педагогических работников ДГУЮ Минюста России издаётся научный журнал «Вестник Донбасского

государственного университета юстиции» (16 декабря 2025 года включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки Российской Федерации).

На базе ДГУЮ Минюста России функционирует научно-исследовательская лаборатория изучения актуальных вопросов права, главной функцией которой является проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области юридической науки. За отчетный период результатами работы лаборатории являются издания научной и учебной литературы, публикации сотрудников в периодических научных изданиях, в материалах научных мероприятий и выступления с докладами на ведущих форумах и научно-практических конференциях различного уровня.

По решению правительства Российской Федерации в состав Президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России включен главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории изучения актуальных вопросов права ДГУЮ Минюста России, доктор юридических наук, профессор Ольков Сергей Геннадиевич.

В университете также работает Юридическая клиника «Центр юридической практики», которая оказывает бесплатную правовую помощь населению и куда с первых дней её работы обращаются граждане Республики с различными правовыми вопросами. Студенты под руководством опытных преподавателей предоставляют юридически грамотные консультации по вопросам социального обеспечения, взаимодействия с государственными органами и другим темам. Клиника также служит базой для практики студентов.

За прошедший период проведено более 50 выездных консультаций в различных населенных пунктах Республики. Клиника успешно сотрудничает с АНО «Точка опоры», предоставляя юридическую поддержку уязвимым категориям граждан.

Партнерство с Женским движением партии «Единая Россия» позволяет эффективно решать вопросы правовой защиты женщин. Взаимодействие с Союзом женщин Донбасса расширяет охват населения бесплатными юридическими услугами.

Клиника принимает активное участие в реализации федерального проекта «Будем жить!», оказывая правовую помощь пострадавшим от чрезвычайных ситуаций. Студенты университета, под руководством опытных преподавателей, получают бесценный практический опыт.

Университет планирует продолжать подобные социально значимые проекты в будущем. Сотрудничество с федеральным проектом «Будем жить!» оказалось взаимовыгодным и продуктивным. Созданные видеоматериалы имеют значительный социальный эффект.

Юридическая клиника предоставляет широкий спектр юридических услуг, включая консультации, составление документов. В работе клиники используются современные технологии и информационные ресурсы. Сотрудники клиники постоянно повышают свою квалификацию. Особое внимание уделяется просветительской деятельности, направленной на повышение правовой грамотности населения. Клиника стремится к максимальной доступности юридической помощи для всех жителей Республики. Благодаря совместным усилиям и партнерским отношениям, Юридическая клиника университета эффективно решает актуальные задачи правового обеспечения Донбасса. Она является важным звеном в укреплении правопорядка и защите прав граждан. Клиника постоянно совершенствует свою работу, адаптируясь к изменяющимся потребностям населения.

Впервые в деятельности Университета было успешно организовано обучение по дополнительным образовательным программам профессиональной переподготовки: «Налоговый юрист», «Юридическая психология», «Противодействие внешним угрозам (информационным войнам)», «Медиатор. Базовый курс».

Запущены и реализуются просветительские образовательные проекты – Школа будущего следователя, летняя Школа судебного юриста, Школа адвоката, Клуб ораторского мастерства для будущих юристов, Римское право для школьников. В социальных сетях был

запущен проект «Донецкий юрист», который направлен на консультирование населения по различным актуальным правовым вопросам.

Наша первоочередная задача заключается в сохранении лучших практик и предотвращении снижения качества подготовки специалистов, что является залогом устойчивого развития научной сферы и повышения конкурентоспособности отечественной образовательной системы.

Особую гордость вызывает Донбасский государственный университет юстиции Минюста России как лидер юридического образования в новых субъектах Российской Федерации. За одиннадцать лет он прошёл путь от инициативы до признания, от первых лекций до участия в формировании правовой политики и образовательных стандартов страны.

Работа нашего Университета строится с учетом перспектив социально-экономического и общественно-политического развития страны, потребностей рынка труда в специалистах высшей квалификации в области юриспруденции и управления.

Присоединение к Минюсту России – это знак доверия и признания его роли в интеграции Донбасса. Это открывает новые горизонты для студентов, преподавателей и всей правовой системы региона.

На данный момент предметом деятельности Университета являются:

- реализация основных профессиональных образовательных программ – программ высшего образования – программ бакалавриата, программ магистратуры, программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре;
- реализация дополнительных образовательных программ;
- проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок, экспертных, аналитических работ, а также распространение современных научных знаний в российском обществе, в том числе в профессиональных сообществах;
- распространение знаний среди специалистов и широких групп населения, повышение их образовательного и культурного уровня;
- содействие интеграции науки и образования в международное научно-исследовательское и образовательное пространство;
- научно-методическое и кадровое обеспечение развития науки и образования в Российской Федерации, обеспечение конкурентоспособности Университета по отношению к ведущим российским и зарубежным образовательным и исследовательским центрам;
- содействие распространению инновационных практик;
- создание для обучающихся и работников условий для реализации их интеллектуального и творческого потенциала, проведения спортивных, спортивно-массовых и иных мероприятий, направленных на развитие физической культуры, спорта и отдыха;
- всестороннее развитие студенческой молодежи, формирование у них гражданской и профессиональной позиции, их патриотическое воспитание и привитие им традиционных духовных ценностей.

Университет задаёт стандарты, здесь готовят не просто юристов, а правовую элиту, способную отстаивать закон в сложных условиях.

Радостно видеть столько талантливых профессионалов, собравшихся обсудить будущее права, поделиться опытом и задать вектор юридической мысли на годы вперёд.

В этом году выбрана тема для форума – «Правовое пространство Донбасса: вектор 2026». Прошлое учит нас прецедентами, ошибками и мудростью. Именно на этом опыте можно построить устойчивое и справедливое будущее.

Форум объединяет нас для поиска решений, преодоления вызовов и формирования правовой среды будущего. Круглые столы, мастер-классы и дискуссии дают возможность услышать друг друга, выстроить мосты между наукой и практикой, властью и обществом. Для студентов это шанс прикоснуться к юридической жизни и почувствовать себя частью большого дела.

Выражаю уверенность в сохранении и преумножении сложившихся отношений и надеюсь на наше дальнейшее сотрудничество. Не сомневаюсь, что каждый унесёт с форума новые идеи, вдохновение и ощущение движения в одном направлении – справедливости, закона и созидания. Благодарю организаторов, спикеров и участников за труд, преданность справедливости и веру в силу закона. Надеюсь, форум станет шагом к сильной, справедливой и единой России! Желаю плодотворных дискуссий, прорывных идей и укрепления доверия к праву. Пусть форум станет искрой для новых законодательных инициатив».

Свое приветственное обращение к участникам форума направил и проректор по научно-исследовательской деятельности Московского университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Владимир Николаевич Синюков:

«Добрый день, уважаемые коллеги. Позвольте от имени Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина сердечно приветствовать организаторов и участников второго Донбасского юридического форума.

Форум проходит в крайне важное историческое время. Тема «Правовое пространство Донбасса. Вектор-2026». Это не академическая дискуссия, а это оценка реальных перспектив состояния движения Республик Донбасса к устойчивому правопорядку, переходу от временных режимов к постоянным, таким, которые оправданы жизнью. Очень важно, что все эти годы Донбасс развивался. Да, сложная обстановка, но развитие инфраструктуры, развитие укрепления человеческих отношений, правовые отношения – вот эта повестка выражается в создании нового качества.

И это качество на форуме будет обсуждаться по ключевым направлениям. Прежде всего, это унификация, реальное вхождение правопорядков Республик Донбасса в правовое пространство Российской Федерации, гармонизация нормативной сферы, сохранение специфики этих территорий в общем федеративном пространстве России. Далее, это правовая безопасность в самых разных ее направлениях, прежде всего, в человеческом измерении, в социальных отношениях, возможности людей защищать свои права, добиваться социальной справедливости, безопасность в информационной сфере. Вот этот комплекс вопросов крайне важен.

И, наконец, это экономические вопросы. Это создание правовой среды для стимулирования инвестиционного климата, для создания творческой атмосферы, производителей в промышленности, в сельском хозяйстве.

Вот все эти вопросы, конечно, говорят о том, что Донбасс переходит постепенно, сложно, вместе с Россией в новое правовое время. И 2026 год будет здесь, безусловно, ключевым. Московский юридический университет имени Олега Емельяновича Кутафина

имеет уже традицию творческого сотрудничества и дружбы с Донбасской юридической академией, ныне Донбасским юридическим университетом Минюста Российской Федерации.

У нас за плечами целая серия проектов, обучающие программы, творческие встречи, взаимное посещение. И мы участвуем и сейчас в Донбасском юридическом форуме своей творческой площадкой, которую нам помогли организовать коллеги из Федеральной палаты адвокатов России под руководством заведующего кафедры адвокатуры МГЮА университета Светланы Игоревны Володиной.

Уважаемые коллеги, позвольте пожелать успехов форуму, позвольте выразить надежду и уверенность, что все те идеи, которые будут высказаны, послужат укреплению единого правового пространства России, территории Донбасса, содействовать будут работе органов юстиции, обеспечению и защите прав и свобод граждан.

Крепкого здоровья и творческих успехов».

Полномочный представитель Президента РФ в Уральском федеральном округе Артём Владимирович Жога записал своё видеообращение:

«Уважаемые участники, организаторы и гости Второго Донбасского юридического форума. Верховенство закона – это фундамент стабильного развития государства. Интеграция Донбасса в российское правовое поле стало мощным стимулом для восстановления региона. Сегодняшний форум объединил представителей органов власти и научной сферы, практикующих юристов и экспертов из разных областей. Вместе вам предстоит обсуждать задачи, которые стоят перед правовой системой Донбасса.

Среди заявленных тем – актуальные вопросы, от которых напрямую зависит благополучие жителей и дальнейшее развитие региона.

И, прежде всего, это обеспечение национальной безопасности. Также речь пойдёт о правовом регулировании в сфере недвижимости, развитии нотариата, работе по публично-правовым спорам. Особое внимание будет уделено юридическому образованию и формированию у молодых специалистов необходимых компетенций. Донбасский университет юстиции имеет серьёзные наработки в этом направлении.

Вуз успешно реализует образовательные программы и играет ключевую роль в подготовке специалистов для юридической сферы. Друзья, ваша работа на площадках форума – это не просто дискуссии. Это вклад в укрепление доверия и уверенность в завтрашнем дне для каждого жителя Донбасса. Желаю вам конструктивных обсуждений, свежих идей и выработки решений, которые будут способствовать дальнейшему развитию региона».

Уполномоченный по правам человека в Донецкой Народной Республике Дарья Васильевна Морозова обратилась к собравшимся с приветственным словом:

«Благодарю Вас за приглашение к участию во Втором Донбасском юридическом форуме «Правовое пространство Донбасса. Вектор 2026» и хочу поприветствовать всех его участников. Одновременно хочу отметить высокий профессиональный организаторский уровень форума. Донбасский государственный университет юстиции Министерства юстиции Российской Федерации безусловно сегодня является одним из флагманов высшего юридического образования в регионе, а организованный им Донбасский юридический форум является одной из главных площадок, объединившей представителей органов власти, юридического и делового сообществ, ученых, преподавателей, студентов профильных ВУЗов для открытого и широкого обсуждения актуальных и остро стоящих вопросов в правовом пространстве Донбасса.

С началом 2026 года завершился законодательно установленный срок интеграции республик Донбасса в правовое поле Российской Федерации. Этот процесс затронул абсолютно все государственные структуры и институты и привел к полному реформатированию правового пространства республик Донбасса.

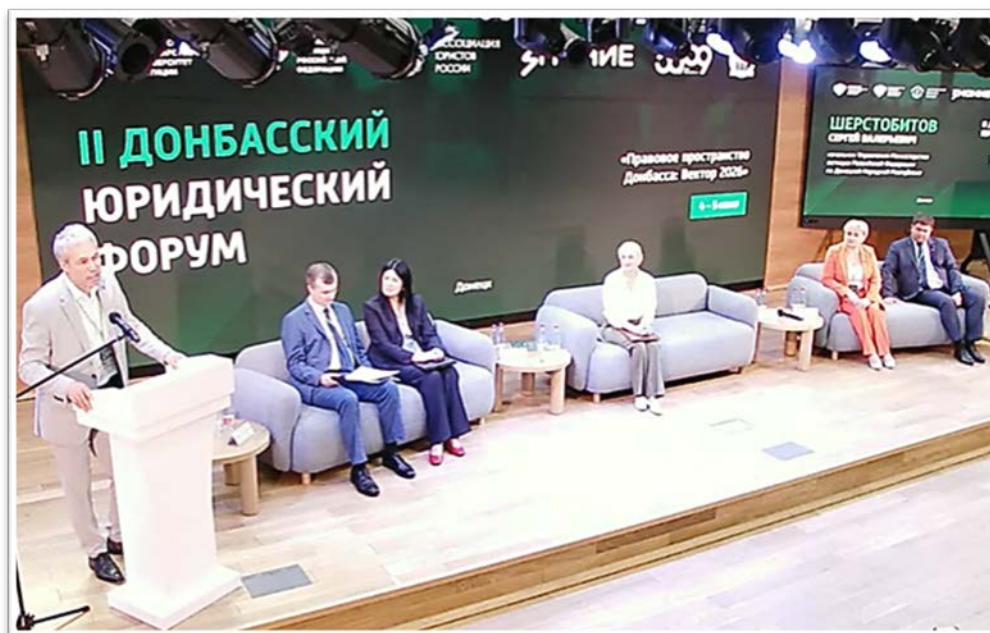
Особую роль в построении правового пространства Донбасса играет формирование правосознания граждан, высокий профессиональный уровень подготовки юристов, развитие юридической науки, правильное выстраивание диалога и эффективного взаимодействия между научным сообществом и юристами-практиками, представителями органов государственной власти.

Хочу отметить, что необходимость таких мероприятий сегодня крайне значима, поскольку мнение экспертов права и представителей научного сообщества является очень важным для выработки решений и предложений по эффективному разрешению существующих в правовом пространстве Донбасса проблемных вопросов.

Уверена, что данный форум станет не только площадкой для обмена опытом и знаниями, но и для продвижения смелых идей, новых проектов и креативных решений, формирования прочных деловых связей и продуктивного взаимодействия.

Желаю всем участникам форума интересных дискуссий, познавательных открытий и успехов в работе!»

Начальник Управления Минюста России по ДНР Сергей Валерьевич Шерстобитов назвал форум важнейшей площадкой для прямого и конструктивного диалога профессионалов.

В рамках мероприятия с приветственными словами также выступили депутат Народного Совета Донецкой Народной Республики, член Комитета Народного Совета по поддержке участников специальной военной операции Дмитрий Анатольевич Плетень, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, генерал-лейтенант в отставке Виктор Петрович Сальников, Заместитель Комитета Народного Совета по труду, занятости, социальной политике и делам ветеранов Народного Совета Донецкой Народной Республики Юлия Михайловна Крюкова, ректор Луганской академии Следственного комитета РФ, полковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент Сергей Николаевич Хорьяков.

На пленарном заседании были заслушаны доклады участников по наиболее острым социальным и правовым аспектам: Дарья Васильевна Морозова представила доклад «Актуальные вопросы правового пространства Донецкой Народной Республики», обозначив главные векторы защиты прав граждан в новых реалиях.

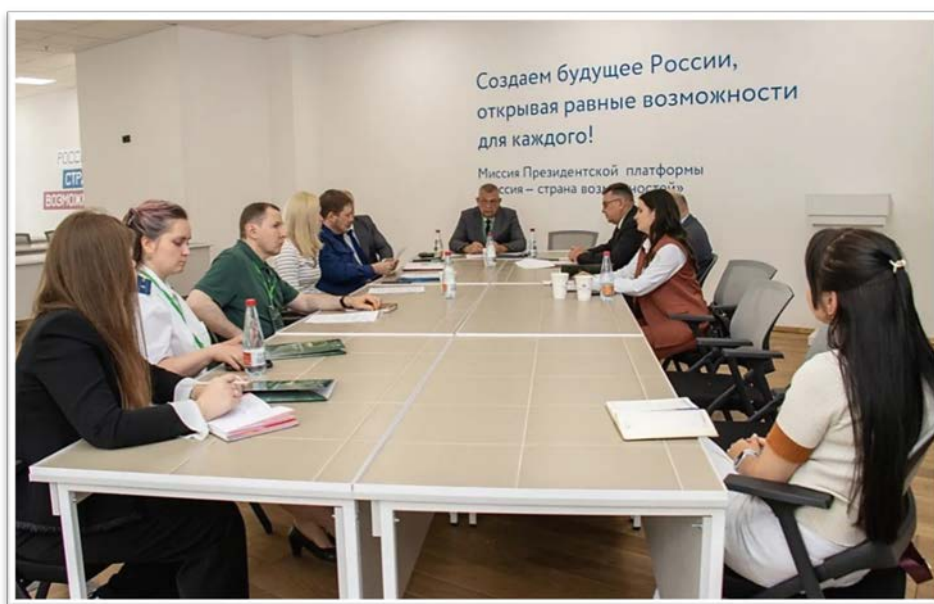
Рустам Ахтамович Базаров, главный научный сотрудник Донбасского государственного университета юстиции, заслуженный юрист России, разобрал актуальную тему «Особенности освобождения от уголовной ответственности лиц в связи с их участием в специальной военной операции».

Программа форума отличалась комплексной структурой и глубоким аналитическим подходом к рассматриваемым проблемам, что позволило обеспечить высокий уровень обсуждения и всестороннее освещение значимых вопросов.

Сразу после пленарного заседания участники II Донбасского юридического форума продолжили работу в рамках круглых столов.

Значительная часть дискуссий была посвящена вопросам противодействия экстремизму и терроризму. В частности, на одном из круглых столов детально рассматривалась криминализация деяний экстремистской направленности – в том числе в контексте Указа Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». Участники обсудили, как трансформируются концепции и меры уголовно-правовой политики в период Специальной военной операции, а также разобрали особенности расследования преступлений, связанных с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. При этом основное внимание уделялось балансу между эффективным уголовным преследованием и защитой прав граждан.

Не менее насыщенной была повестка, связанная с обеспечением национальной безопасности: эксперты проанализировали её правовые, экономические и социальные составляющие, обозначив точки пересечения разных сфер и возможные пути комплексного решения возникающих рисков и угроз.

Отдельные дискуссии вышли за рамки сугубо «охранительных» направлений и затронули прикладные и образовательные вопросы. Так, участники обозначили актуальные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики в сфере недвижимости, а также вопросы, связанные с административным порядком рассмотрения публично-правовых споров и правовой медициной.

Важное место в программе заняла тема юридического образования: на круглом столе, посвящённом формированию лингвистических компетенций студентов-юристов, говорили о том, как владение языком и навыками юридической коммуникации влияет на профессиональную эффективность будущих специалистов.

Кроме того, форум дал возможность взглянуть на развитие общества в исторической перспективе: секция о гражданском обществе позволила проследить его эволюцию, оценить современное состояние и наметить вероятные тенденции развития.

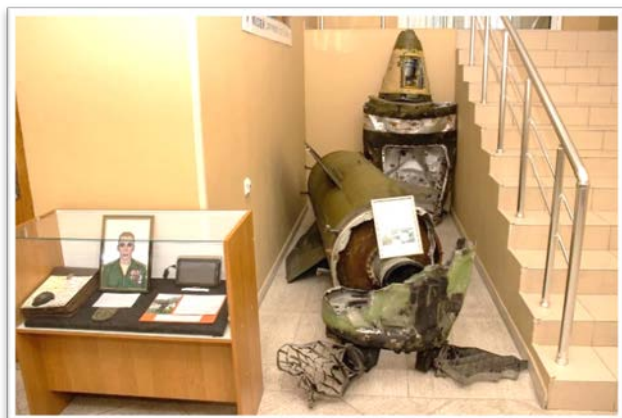
Рассмотрение роли адвоката в уголовном и гражданских процессах подчеркнуло значимость качественной правовой защиты и профессиональной этики в работе представителей юридической профессии. Адвокаты делились опытом работы в сложных делах, анализировали проблемы доступа к доказательствам, особенности взаимодействия с судом и следствием, а также этические дилеммы, возникающие в процессе защиты интересов доверителей.

Секция «Административный порядок рассмотрения публично-правовых споров и правовая медицина» объединила специалистов из смежных областей, позволив взглянуть на пересечение права и медицины через призму административных процедур. Здесь обсуждались вопросы экспертизы, правового регулирования медицинских вмешательств, а также механизмы разрешения споров между пациентами, медицинскими учреждениями и органами власти.

Форум «Правовое пространство Донбасса: вектор 2026» превратился в мощную интеллектуальную площадку для диалога юристов, политиков, философов и экспертов государственного управления. Напряжённая работа в залах заседаний сменялась неформальными беседами в кулуарах, а острые дебаты – конструктивным обменом опытом.

Современная правовая повестка оказалась в центре внимания масштабного форума, который продемонстрировал её глубину и многогранность, охватив широкий спектр тем – от стратегических позиций национальной безопасности до тонкостей отраслевого регулирования и образовательных стандартов. Проведенные дискуссии не только вскрыли существующие проблемы, но и очертили перспективные направления для дальнейших научных исследований и разработки практических решений, что свидетельствует о высокой значимости обсуждаемых вопросов в контексте текущих вызовов и тенденций в правовой сфере.

Для всех участников форума была организована насыщенная экскурсионная программа. Первым пунктом маршрута стал музей, посвящённый событиям 2014 года – переломному моменту в истории Донбасса. Этот выбор имел глубокий символический смысл: понимание процесса формирования единого правового пространства невозможно без осмысления исторического контекста и пути, пройденного регионом. Мероприятие помогло участникам отчётливо увидеть связь между историческими событиями и современными правовыми процессами. Затем гости отправились в музей Великой Отечественной войны. Экспозиция охватывала материалы различных эпох: от героических страниц военного времени до современных событий в Донбассе. Посетители увидели образцы оружия, снарядов и беспилотников, которые ВСУ использовали для обстрелов региона. Особого внимания заслужили диорамы ключевых сражений и экспозиции, рассказывающие о подвигах героев. Завершилась экскурсия осмотром монумента «Твоим освободителям, Донбасс» и Аллеи героев.

Второй день II Донбасского юридического форума был посвящён молодёжи и правовому воспитанию.

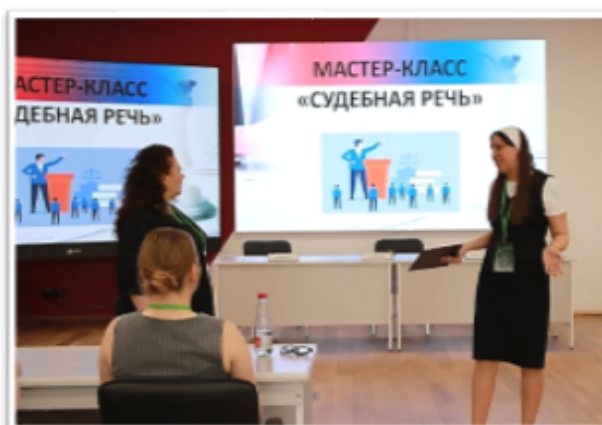
Центральное место в программе дня заняла презентация интерактивного мультсериала «Чё почём?». Авторы идеи и сценария – сотрудники Донбасского университета юстиции, а воплотили её их коллеги из ДонНТУ и его филиала – Горловского автомобильно-дорожного института. «При создании мультфильма мы использовали ресурсы искусственного интеллекта», – рассказал директор института Роман Заглада.

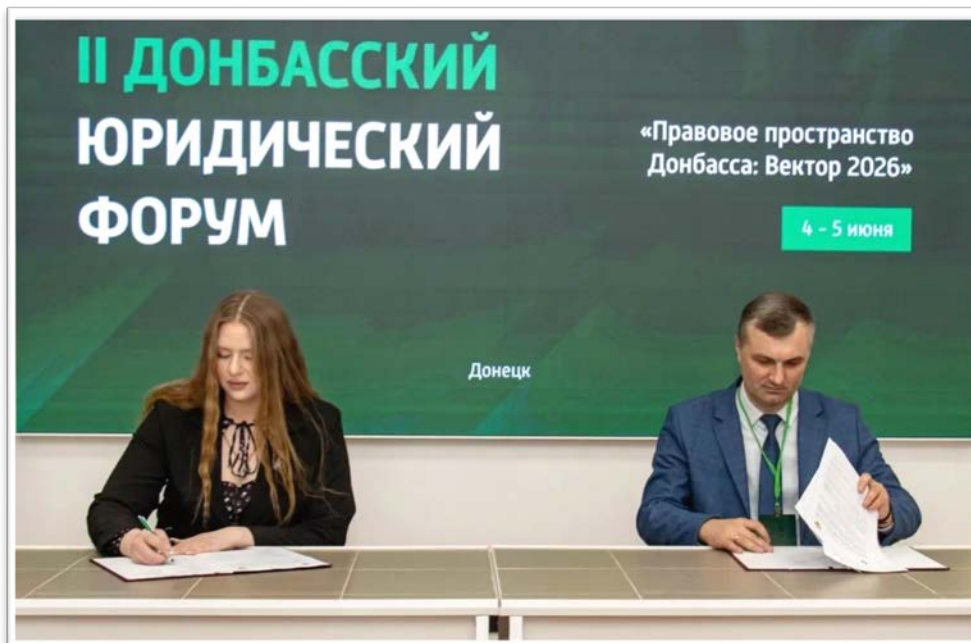
Доцент ДГУЮ Минюста России Светлана Охременко отметила важность такого проекта в преодолении разрыва между правом и его пониманием молодёжью. Начальник Управления Минюста России по ДНР Сергей Шерстобитов рассказал об идее создания мультфильма и его значении. Ректор ДГУЮ Минюста России Никита Нарыжный подчеркнул соответствие проекта воспитательной повестке форума. Председатель исполнительного комитета РО АЮР в ДНР Денис Лобов поблагодарил создателей первой серии.

Презентация завершилась показом пилотной серии и награждением всех, кто принимал непосредственное участие в создании проекта.

Для студентов и молодых специалистов были организованы и проведены практические и интерактивные мероприятия: секция «Юридические клиники как мост между образованием и правовой практикой», управленческо-правовая игра «Управленческий кодекс», интеллектуальная игра-диспут «Форум ООН по вопросам универсальной уголовной юрисдикции: Римский статут как зеркало мирового правопорядка», юридическая игра «Искусство договариваться» и мастер-класс по судебной речи.

По итогам форума была принята резолюция с рекомендациями по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в новых регионах, а также подписано соглашение о сотрудничестве между Донбасским государственным университетом юстиции и Донецкой республиканской общественной организацией «Центр молодёжной дипломатии ЛЕГАТУС», что открывает новые возможности для студентов и задает вектор долгосрочного взаимодействия.

Два дня интенсивных дискуссий, десятки круглых столов и сотни участников из разных регионов России.

II Донбасский юридический форум вышел за рамки профессионального собрания – он обозначил вектор развития региона, заложил основу для совместных проектов и дал импульс дальнейшим преобразованиям. Рождённые здесь идеи призваны сделать интеграцию не просто возможной, а продуктивной и устойчивой – на благо всего региона и всей России.

Научные материалы

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.12

ПРЕКРАСНОЕ И СПРАВЕДЛИВОЕ: КЛАССИЧЕСКИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Екатерина Валерьевна Гришанова, кандидат философских наук, доцент кафедры русского, иностранного языков и культуры речи, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: katyushka.0312@mail.ru)

Статья посвящена анализу связи между эстетическими и правовыми категориями в истории философской мысли. Исследуется, каким образом классические категории эстетики, такие как красота, гармония, мера, соразмерность и форма, повлияли на формирование представлений о справедливости и нормативном порядке. Показано, что начиная с античности прекрасное и справедливое осмысливались как родственные проявления упорядоченности бытия – в природе, человеческой душе и общественной жизни. В работе прослеживается трансформация этой связи в интеллектуальной культуре Средних веков, эпохах Возрождения и Новое время, где эстетические модели гармонии и формы получают теологическое, антропоцентрическое и рационалистическое переосмысление. Особое внимание уделяется проявлению эстетических структур в правовом мышлении: идеям пропорциональности, баланса, системной целостности и символической репрезентации правосудия. Делается вывод о том, что эстетическое измерение не является внешним по отношению к праву, а составляет важный уровень философского осмысления справедливости и легитимности правопорядка.

Ключевые слова: эстетика, философия права, прекрасное, справедливость, гармония, мера.

BEAUTIFUL AND JUST: CLASSICAL AESTHETIC CATEGORIES IN THE PHILOSOPHY OF LAW

Grishanova, Ye.V.

The article is devoted to the analysis of the relationship between aesthetic and legal categories in the history of philosophical thought. The article explores how classical categories of aesthetics, such as beauty, harmony, measure, proportionality and form, influenced the formation of ideas about justice and normative order. It is shown that since antiquity, the beautiful and the just have been understood as related manifestations of the order of being – in nature, the human soul and social life. The work traces the transformation of this connection in the intellectual culture of the Middle Ages, the Renaissance and Modern Times, where aesthetic models of harmony and form receive theological, anthropocentric and rationalistic reinterpretation. Special attention is paid to the manifestation of aesthetic structures in legal thinking: the ideas of proportionality, balance, systemic integrity and symbolic representation of justice. It is concluded that the aesthetic dimension is not external to the law, but constitutes an important level of philosophical understanding of justice and the legitimacy of the rule of law.

Keywords: *aesthetics, philosophy of law, beauty, justice, harmony, measure.*

Актуальность темы исследования. Сфера эстетического в общественном сознании нередко ассоциируется с художественным творчеством, реже – с промышленным дизайном, фольклором, спортивной сферой и т. д. Но в контексте профессионального философского понимания эстетических категорий вскрываются тесные связи ее базовых категорий практически со всеми сферами социокультурного бытия, среди которых важное место занимает правовая сфера. Связь между эстетикой и правом на первый взгляд может показаться метафорической или второстепенной. Однако в истории философии категории прекрасного, гармонии, меры и соразмерности играли важную роль не только в осмыслении искусства и природы, но и в понимании справедливости, закона и социального порядка. Уже в античной мысли прекрасное и справедливое нередко рассматривались как взаимосвязанные формы выражения космической и социальной гармонии. Актуальность данной темы обусловлена тем, что современное право, несмотря на свою формальную рациональность, по-прежнему опирается на представления о «стройности» правового порядка, «балансе» интересов и «гармонизации» общественных отношений – понятиях, имеющих явную эстетическую природу.

Анализ научных исследований. Отдельные аспекты прекрасного и справедливого показаны в работах С. Радхакришнана, М. Элиаде, А. Аврелия и др. Эстетические категории способствуют познанию правовых явлений, формированию правового мышления в трудах Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли и др.

Цель исследования – дать теоретическое обоснование идее того, что классические эстетические категории не являются внешними по отношению к философии права, а образуют глубинный уровень осмысления справедливости и нормативного порядка.

Изложение основного материала. Глубинное осознание связи красоты и справедливости проявлялось уже в культуре Древнего Египта. Для египтян красота и справедливость были неразрывно связаны через понятие Маат, которое также было именем богини истины, космического порядка и гармонии. Маат символизировала равновесие, которое фараоны обязаны были поддерживать в государстве, поднося фигурку богини богам как символ заботы о миропорядке. Она воплощала справедливость как высшую цель жизни, а красота понималась как гармония с этим божественным порядком, охватывающая как внешность, так и этические нормы поведения (см. рис. 1). Маат – это не только богиня, но и закон, управляющий звездами, временами года, восходами и заходами солнца. Она регулирует этические отношения, правосудие и мораль, являясь основой египетского законодательства – основы красоты мира. Богиня изображалась как женщина с пером страуса (известного абсолютной равномерностью правой и левой стороны) на голове и часто с крыльями. Ее иероглиф – сидящая фигурка с пером. Во время психостасии (взвешивания души) перо Маат было противовесом сердцу; легкое сердце, не отягощенное нечестивыми делами, означало оправдание. Жить согласно Маат означало для египтян следовать истине и сохранять баланс, что считалось долгом каждого человека.

Рис. 1 Древнеегипетское изображение Маат – олицетворения гармонии и справедливости

В древнеиндийских Ведах содержится важная оппозиция санскритских понятий R'ta – истина, красота, гармония, справедливость и Anrita – зло, смерть, разрушение, хаос [1, С. 87-88]. Боги хранят Риту. Особую роль в этом играл Варуна – бог воды и мирового закона [2, 186-188]. Это объединение функций отнюдь не случайно – вода с древности ассоциировалась в сознании древних людей с хаосом и беспорядком. В Библии есть слова, описывающие мир в начале творения «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие, 1:2). Имя Варуны (см. рис. 2) также не случайно созвучно с такими современными словами русского языка как «варево», «варить», «договор», «договариваться», украинское слово «сварка» и т.д. Все эти слова и сегодня указывают на присутствие или отсутствие гармонии (вплоть до гармонии ингредиентов в том или ином блюде), мира, справедливости и т.п. Согласно ведическим представлениям, человек, отличающийся праведностью и благочестием, всегда действует в согласии с Ритой. Рита определяется не извне, а из самой себя и определяет все в мироздании, включая себя.

Рис. 2. Варуна, сидящий верхом на крокодиле – повелитель вод и хранитель мирового закона в ведической культуре

В древнегреческой философии мир мыслился как космос – упорядоченное и гармоничное целое. Пифагорейцы связывали устройство мира с числовыми пропорциями, а гармония понималась как соразмерность частей целому. Эти представления легли в основу идеи, что порядок в человеческом обществе также должен соответствовать принципам меры и соразмерности.

Таким образом, эстетическая категория гармонии изначально имела не только чувственное, но и онтологическое и нормативное значение. Красота воспринималась как признак правильного устройства, а беспорядок – как искажение меры.

У Платона связь прекрасного и справедливого получает философскую разработку. В диалоге «Государство» справедливость определяется как гармония частей души и согласованность сословий в государстве [3, С. 104]. Каждая часть должна выполнять свою функцию, не нарушая целостности структуры.

Эта модель носит эстетический характер: справедливость подобна хорошо настроенному музыкальному инструменту или стройному произведению искусства. Нарушение справедливости – это дисгармония, несоразмерность, утрата формы. Тем самым правовой и политический порядок осмысливается через категории красоты и гармонии.

Аристотель развивает более конкретное понимание справедливости, вводя различие между распределительной и уравнивающей справедливостью [4, С. 78]. В обоих случаях ключевым оказывается принцип соразмерности. Справедливое – это то, что соответствует определенной мере, избегая как избытка, так и недостатка.

Здесь эстетическая категория меры становится принципом правового мышления. Как в искусстве прекрасное связано с пропорцией, так и в праве справедливость предполагает точное соотношение заслуг, прав и обязанностей. Нарушение меры воспринимается как безобразное и несправедливое одновременно.

Можно наблюдать трансформацию связи прекрасного и справедливого в Средние века, Возрождение и Новое время. В средневековой философии единство прекрасного и справедливого получает теологическое основание. Источником как красоты, так и справедливости признается Бог как высшая мера, гармония и порядок бытия. Мир прекрасен постольку, поскольку он отражает божественный замысел; правовой и моральный порядок справедливы постольку, поскольку он соответствует божественному закону.

Августин Блаженный рассматривал красоту как проявление порядка, установленного Богом [5, С. 204]. Даже страдание и наказание, с его точки зрения, могут быть «уместными» в общем строе мироздания, подобно тёмным оттенкам в картине. Справедливость здесь понимается как часть всеобщей гармонии, в которой каждому отведено своё место.

Фома Аквинский связывает красоту с такими характеристиками, как целостность, соразмерность и ясность [6, С. 220-224]. Эти же принципы лежат в основе его понимания справедливости как добродетели, упорядочивающей отношения между людьми. Закон, будучи выражением разума, должен обладать внутренней согласованностью и направленностью к общему благу – качествами, близкими эстетическому идеалу целостной формы.

Таким образом, в Средние века прекрасное и справедливое соединяются через идею божественного порядка, где эстетическая и правовая гармония имеют общий трансцендентный источник.

Возрождение переносит акцент с божественной трансцендентности на человека как носителя достоинства и творческой силы. Однако связь эстетического и правового не исчезает – она приобретает гуманистический характер.

Идеал гармонии, разработанный в искусстве Возрождения (пропорции тела, перспектива, симметрия), становится моделью для понимания гармоничного общественного устройства. Человек мыслится как микрокосм, в котором соединяются разум, воля и чувство меры. Справедливое общество должно соответствовать «природе человека», так же как прекрасное произведение искусства соответствует законам пропорции.

Политическая мысль Возрождения, несмотря на реализм Н. Макиавелли, сохраняет представление о государстве как форме, требующей внутренней стройности [7, С. 345]. Нарушение баланса сил, чрезмерность власти или хаос интерпретируются как утрата формы – своего рода безобразие политического тела.

Здесь красота и справедливость соединяются через идею антропологической меры: гармония общества мыслится по аналогии с гармонией человеческой природы и художественной формы.

В философии Нового времени происходит постепенное разделение эстетики и теории права, однако их связь сохраняется на уровне структур мышления. Рационализм стремится построить как науку о прекрасном, так и науку о праве на основе ясных и универсальных принципов.

У мыслителей естественного права (Г. Гроций [8], Пуфендорф, Дж. Локк [9]) справедливость выводится из разумной природы человека и универсального порядка. Хотя эстетические термины используются реже, идея рациональной соразмерности продолжает

играть ключевую роль: права и обязанности должны быть согласованы, наказание – соответствовать преступлению, власть – быть ограниченной.

Особенно показателен в этом контексте И. Кант. В его философии проводится различие между эстетическим и моральным суждением, однако обе сферы связаны через идею формы и всеобщности [10, С. 18]. Как прекрасное определяется «целесообразностью без цели», так и справедливое право должно обладать формальной всеобщностью и внутренней непротиворечивостью. Закон красив в особом, интеллектуальном смысле – как стройная система, подчиненная разумной форме.

Таким образом, в Новое время связь прекрасного и справедливого смещается от онтологической и теологической гармонии к формально-рациональной упорядоченности. Эстетическая категория формы становится скрытым основанием представлений о системности, логической ясности и универсальности права.

Также можно наблюдать эстетическое измерение правового порядка, а, конкретнее, формы, баланса и симметрии в юридическом мышлении. Право существует не только как совокупность норм, но и как форма организации социальной реальности. Законы структурируют общественную жизнь, придают ей определенную конфигурацию. В этом смысле право выполняет функцию, сходную с функцией формы в искусстве: оно упорядочивает материал, придает ему целостность и завершенность.

Эстетическое измерение проявляется в стремлении к внутренней согласованности правовой системы. Противоречивое, хаотичное законодательство воспринимается как «некрасивое» не только метафорически, но и в смысле утраты структурной ясности.

Современная правовая теория широко использует понятия баланса интересов, симметрии прав и обязанностей, пропорциональности санкций. Все эти принципы имеют ярко выраженную эстетическую природу, восходящую к идее гармонии.

Например, принцип пропорциональности в праве требует, чтобы меры государственного вмешательства соответствовали поставленным целям и не выходили за пределы необходимого. Это прямое продолжение классической идеи меры как основания как красоты, так и справедливости.

Судебная практика также демонстрирует связь права и эстетики. Судья не просто механически применяет норму, но выстраивает целостную интерпретацию ситуации, стремясь к внутренне непротиворечивому и «стройному» решению. Хорошее судебное решение часто характеризуется как «элегантное» или «изящное», что указывает на его формальную и логическую завершенность.

Таким образом, юридическое мышление во многом опирается на те же интуиции формы, целостности и гармонии, которые лежат и в основе эстетического опыта.

Эстетическое восприятие правопорядка и символика справедливости может наблюдаться и в сфере права. Право существует не только как система норм, но и как переживаемая реальность. Люди воспринимают социальный порядок как справедливый или несправедливый, гармоничный или уродливый. Это восприятие нередко носит эстетический характер: ощущение «перекоса», «дисбаланса» или «уродства» в общественных отношениях выражает морально-правовую оценку через эстетические категории.

Таким образом, эстетическое чувство становится одним из оснований признания или непризнания правопорядка.

Образ Феиды (см. рис. 3), архитектура судов, ритуалы судебного процесса – все это формирует эстетическое пространство права. Торжественность, симметрия, визуальная строгость служат выражением идеи беспристрастности и равновесия. Через форму право стремится продемонстрировать свою справедливость. Здесь эстетика выступает средством легитимации: красивый и упорядоченный образ правосудия укрепляет доверие к его содержанию.

Рис. 3 Статуя Фемиды в Актобе (Казахстан). Статуя установлена возле Актюбинского областного суда

Однако связь прекрасного и справедливого не лишена и серьезных опасностей. Внешняя гармония может скрывать внутреннюю несправедливость. История знает примеры, когда эстетически выверенные формы власти и закона маскировали насилие и угнетение.

Поэтому философия права должна различать подлинную гармонию, основанную на уважении к личности, и мнимую «красоту порядка», поддерживаемую подавлением. Эстетические категории не могут подменять собой этические и правовые критерии, но помогают глубже понять, почему справедливость воспринимается как нечто стройное и соразмерное.

Выводы. Таким образом, классические эстетические категории – гармония, мера, соразмерность, форма – сыграли значительную роль в формировании философского понимания справедливости и права. Начиная с античности, прекрасное и справедливое мыслились как родственные проявления упорядоченности бытия – в космосе, в душе человека и в общественной жизни.

В философии права эти категории продолжают функционировать как глубинные модели осмысления правового порядка. Они проявляются в идеях баланса, пропорциональности, системной целостности и формальной стройности законодательства и судебной практики. Одновременно они участвуют в символическом и эмоциональном восприятии права, влияя на его легитимность.

Связь эстетики и права носит не случайный, а структурный характер. Прекрасное и справедливое оказываются двумя способами выражения идеи гармоничного порядка, в котором форма и содержание, норма и жизнь, закон и человек находятся в соразмерном и осмысленном единстве.

Если в античности прекрасное и справедливое объединялись через идею космической гармонии, то в Средние века их единство обосновывалось божественным порядком, в Возрождении – человеческой мерой, а в Новое время – рациональной формой. Во всех этих эпохах эстетические категории продолжали выполнять роль моделей осмысления справедливости, даже когда сама эстетика выделялась в самостоятельную философскую дисциплину.

Это историческое развитие показывает, что связь эстетики и права носит не случайный характер, а отражает устойчивую потребность философского мышления выражать нормативный порядок через образы гармонии, меры и формы.

Список литературы

1. Радхакришнан, С. Гимны Ригведы / С. Радхакришнан // Индийская философия. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – Т. 1. – 623 с.
2. Элиаде, М. Варуна: Царь вселенной и колдун; рита и майя / М. Элиаде // История веры и религиозных идей. – М.: Критерион, 2001. – Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. – 464 с.
3. Платон. Государство / Платон; [пер. с греч. А. Н. Егунов]. – СПб.: Наука, 2005. – 576 с.
4. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: Рипол Классик, 2016. – 528 с.
5. Аврелий, А. Исповедь / А. Аврелий. – М.: АСТ, 2024. – 384 с.
6. Аквинский, Ф. О правлении государей / Ф. Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – М.: Наука, 1990. – С. 217–244.
7. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: Азбука, 2021. – 448 с. – (Мировая классика).
8. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М.: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. – 912 с. – (Вся история в одном томе).
9. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3х т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
10. Кант, И. К вечному миру / И. Кант. – М.: P-group, 2018. – 50 с.

УДК 340.1

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И СОДЕРЖАНИЮ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Владимир Александрович Клочков, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: v.a.k86@mail.ru)

Актуальность заявленной темы обусловлена значимостью и фундаментальностью теоретических подходов к пониманию правового воспитания как основополагающему элементу правовой социализации личности. Так, в статье рассматриваются сложившиеся к сегодняшнему дню в правовой доктрине подходы к пониманию правового воспитания и его сущностных характеристик. Анализируется содержание указанной категории в контексте существующих научных концепций, раскрывающих сущность правового воспитания, его цели, задачи и функции. В рамках исследования автор выявляет ключевые сходства и противоречия в понимании правового воспитания, что позволяет сформировать целостное представление о его значимости для развития правовой культуры российского общества.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая культура, правосознание, правовое образование, правовая политика, правовое государство, гражданское общество.

APPROACHES TO UNDERSTANDING AND CONTENT OF LEGAL EDUCATION IN MODERN LEGAL SCIENCE

Klochkov, V.A.

The relevance of the stated topic is due to the importance and fundamental nature of theoretical approaches to understanding legal education as a key element of legal socialization of the individual. Thus, the article examines the current approaches in legal doctrine to understanding legal education and its essential characteristics. The content of this category is analyzed in the context of existing scientific concepts that reveal the essence of legal education, its goals, objectives and functions. As part of the research, the author identifies key similarities and contradictions in the understanding of legal education, which allows us to form a holistic view of its importance for the development of the legal culture of Russian society.

Keywords: legal education, legal culture, legal awareness, legal policy, rule of law, civil society.

Актуальность темы исследования. В современных условиях государственного развития формирование системы правовых ценностей и нравственно-этических ориентиров приобретает первостепенное значение для надлежащего функционирования публично-правового механизма и регулирования общественных отношений. Создание целостной системы правовых идеалов, отвечающей общественным интересам, выступает фундаментальной задачей правовой политики. Так, в настоящее время внимание как правоведов, так и практиков уделено созданию, развитию и модернизации механизмов и институциональных основ правового воспитания, являющегося одним из инструментов формирования правового государства и гражданского общества. Особую актуальность в данном контексте приобретают научные подходы к пониманию и содержанию правового

воспитания, что позволяет рассматривать данную категорию на высоком теоретическом уровне.

При этом в данном контексте правовое воспитание следует рассматривать как многоаспектный процесс целенаправленного воздействия на правосознание и поведенческие установки индивидов, направленный на формирование устойчивых представлений о системе прав и обязанностей, развитие уважительного отношения к закону, а также на выработку навыков правомерного поведения в разнообразных жизненных ситуациях. Данный процесс не ограничивается передачей правовых знаний, но предполагает глубинное усвоение ценностно-нормативных установок, интегрированных в правовую культуру общества.

Анализ научных исследований. Вопросы правового воспитания, имеющего особый потенциал в деле развития правового государства и гражданского общества, находятся в центре внимания современных ученых и практиков, что нашло отражение в работах, посвященных месту правового воспитания в процессе укрепления национальной безопасности (например, в работах С.Н. Макаренко [1], Д.А. Скударнова [2]), формированию правовой культуры в молодежной среде (к примеру, в работах Н.В. Быковой [3], А.А. Волкова и Н.А. Ряснянской [4], Т.В. Корчагиной и А.И. Николаева [5]), воспитательному потенциалу правовой политики государства (например, в трудах В.А. Затонского [6], Б.М. Кандова и Н.Я. Алимухамедовой [7]), необходимости адаптации правового воспитания к вызовам цифровой эпохи и процессам глобализации (к примеру, в работах В.Н. Жадана [8], С.Р. Гадисова [9], К.А. Грандоняна [10], Н.М. Кропачева и В.В. Архипова [11]) и др.

В зарубежной доктрине можно встретить работы, посвященные развитию правовой культуры в условиях глобализации [12], психоэмоциональных основ законопослушного поведения и правовой культуры [13], понятию множественности правовых систем и культурных различий, важное для понимания разнообразия правовых традиций и подходов к обучению и просвещению [14].

Цель исследования – анализ теоретических подходов к пониманию правового воспитания как основополагающего элемента правовой социализации личности, а также выявление сущностных характеристик данного явления.

Изложение основного материала. Обратим внимание на то, что категория «правовое воспитание» с точки зрения практической реализации является междисциплинарной, поскольку объединяет в себе аспекты и педагогической науки, и теории права. Так, по мнению Т.В. Корчагиной и А.И. Николаева, «правовое воспитание – это во многом предмет юридической педагогики как особого направления в современной социально-гуманитарной науке» [5, С. 42]. Отметим, что содержание правового воспитания обеспечивается за счет гармоничного сочетания педагогических методов воздействия с фундаментальными принципами правового регулирования общественных отношений.

Понятие правового воспитания обретает содержательную определенность через совокупность присущих ему специфических характеристик, служащих фундаментом для последующего теоретического анализа данного социально-правового феномена.

В контексте поставленного вопроса следует учитывать, что правовое воспитание, правовая культура и правовое просвещение представляют собой взаимосвязанные процессы, направленные на формирование правового сознания общества. Правовое воспитание включает в себя образование, просвещение и практику, направленные на формирование у граждан знаний, умений и навыков, необходимых для соблюдения законов и защиты своих прав. Правовая культура отражает уровень знаний и умений граждан в области права, а также их отношение к закону и правовым нормам. Правовое просвещение, в свою очередь, представляет собой процесс распространения информации о праве и правовых нормах среди населения.

Правовое воспитание способствует повышению правовой культуры, так как оно формирует у граждан знания и навыки, необходимые для соблюдения законов и защиты своих прав. Правовое просвещение помогает распространять информацию о праве и правовых нормах, что также способствует повышению правовой культуры. Исходя из этого, правовое

воспитание включает в себя элементы правового просвещения, так как оно направлено на распространение информации о праве и правовых нормах.

Результаты систематического изучения научной литературы, затрагивающей проблематику правового воспитания, правосознания и правовой культуры, выявляют существенную вариативность подходов к трактовке указанного понятия. В частности, исследователи предлагают различные дефиниции, акцентируя внимание на разных аспектах – от механизмов трансляции правовых норм до психолого-педагогических особенностей их усвоения индивидом. Подобная многоплановость научной дискуссии отражает появление исследовательского интереса к проблематике совершенствования правовой культуры социума и эволюции правосознания граждан, что обусловлено возрастающей значимостью правовых регуляторов в условиях усложняющейся социальной организации современного общества.

Особого внимания заслуживает позиция В.Е. Лапшина и В.В. Шаханова, в соответствии с которой «правовое воспитание, являющееся одним из условий формирования правосознания и правовой культуры в обществе, представляет собой одно из базовых понятий теории права» [15, С. 14]. Представленное авторами определение акцентирует внимание на значимости правового воспитания как неотъемлемого элемента механизма правового регулирования общественных отношений, а также его существенном вкладе в развитие и систематизацию правовой доктрины.

Вопрос определения понятия правового воспитания в настоящее время особенно актуален, в связи с чем обратимся к основным подходам, которые сформировались в правовой доктрине. Так, С.С. Алексеев под правовым воспитанием предлагает понимать «процесс организационно-идеологического воздействия на сознание людей, развивающего правовое сознание, обеспечивающего высокую правовую культуру, утверждающего в жизни общества и людей все то, что характеризует право, как высоко значимую социальную ценность» [16, С. 216]. Похожее по своей сути определение дается и М.В. Саакяном, который рассматривает правовое воспитание в качестве «целенаправленного и систематического воздействия на сознание и культуру поведения индивида, которое реализуется с целью выработки у него чувства уважения к праву и привычки соблюдения права на основе личного убеждения» [17, С. 107]. Анализ представленных дефиниций правового воспитания позволяет констатировать, что исследователи акцентируют внимание на целенаправленном характере данного феномена, рассматривая его как специфическую форму правового воздействия на личность.

Несколько иначе к определению подходят Н.И. Матузов и А.В. Малько, по мнению которых «правовое воспитание – это деятельность государства, общественных институтов, средств массовой информации и трудовых коллективов, направленная на формирование правового сознания и культуры граждан» [18, С. 438]. Соответствующего подхода придерживается и А.Ч. Чупанова, которая считает, что сущность правового воспитания раскрывается через призму организованной деятельности институтов власти, общественных объединений и организаций, направленной на формирование целостной системы правовых компетенций. Данная система включает в себя не только приобретение правовых знаний и практических навыков, но и развитие особого типа правового мышления, а также формирование комплекса правовых чувств, среди которых особое место занимают чувства законности и уважения к правовым нормам [19, С. 8]. Отметим, что основой данных определений выступает понимание воспитания как государственной и общественной деятельности, проявляющейся исключительно в активной форме.

В юридической литературе встречаются и иные подходы к пониманию рассматриваемой нами категории. Например, Н.Я. Соколов и Е.К. Матевосова предлагают подходить к определению правового воспитания как к средству достижения поставленных государственной политикой целей, среди которых борьба с правовым нигилизмом [20, С. 77]. В свою очередь, М.А. Яковлева считает, что правовое воспитание есть «сегмент в системе профилактики мер по борьбе с преступностью, который должен эффективно осуществляться не только в семье и образовательных, воспитательных учреждениях, но и силами органов внутренних дел России, иных правоохранительных органов, общественных организаций,

отдельных индивидов по трансляции юридического опыта, знаний, действий по предупреждению преступности» [21, С. 258].

Проведенное исследование дефиниций правового воспитания позволило выявить концептуальное единство в трактовках данного феномена среди представителей научного сообщества. Так, в рамках современной юридической доктрины при определении данного понятия доминирует подход, опирающийся на такие категории, как «воздействие» и «деятельность». Обозначенные категории выполняют структурообразующую функцию – именно они задают траекторию формирования правовой культуры и выступают катализатором развития правосознания индивида, обеспечивая системность и целенаправленность соответствующих воспитательных практик. Однако, примечательно, что современные исследователи демонстрируют многоаспектный подход к интерпретации правового воспитания. В научной литературе данный феномен рассматривается в том числе и как превентивная мера, направленная на формирование законопослушного поведения, так и действенный инструмент противодействия правовому нигилизму.

Говоря о содержании правового воспитания, стоит отметить позицию Д.Е. Попова, который полагает, что содержание правового воспитания представляет целостную систему мероприятий и процессов, направленных на формирование правовой культуры в обществе. По его мнению, в содержание правового воспитания входят такие компоненты, как систематическое приобщение граждан к знаниям о государственном устройстве и правовой системе общества, формирование понимания принципов законности и правопорядка, освоение механизмов реализации и защиты прав и свобод личности, изучение теоретических основ правовых учений и доктрин, развитие способности к критическому осмыслению правовых явлений и процессов, а также выработка устойчивого законопослушного поведения [22, С. 3].

На наш взгляд, правовое воспитание стоит рассматривать через призму двух взаимосвязанных интерпретаций. Так, в широком понимании правовое воспитание представляет собой систему мер, направленных на постепенное накопление, систематизацию и совершенствование правовых знаний в обществе, а также на развитие и сохранение правовых традиций, являющихся неотъемлемой частью социокультурного наследия. При более детальном рассмотрении сущность правового воспитания раскрывается через механизм постоянного влияния государственных институтов и общественных организаций на интеллектуальную и волевою составляющие личности, который как процесс нацелен на формирование определенной системы ценностных установок и правовых ориентиров, стимулирование активной правовой позиции индивида с учетом исторически сложившихся культурно-генетических особенностей правового сознания общества.

Отметим также и то, что правовое воспитание представляет систему взаимосвязанных процессов и изменений, протекающих в обществе. При этом особое значение приобретает цифровизация общественных отношений, которая существенным образом меняет традиционные механизмы правового воздействия на целевую аудиторию. Так, современные информационно-коммуникационные технологии, в частности – медиаресурсы и социальные сети, выступают в качестве основополагающих инструментов формирования правовой культуры как всего общества, так и молодого поколения. Данные каналы коммуникации обладают беспрецедентным потенциалом влияния на правосознание и поведение молодежи, что обуславливает необходимость их использования в системе правового воспитания.

О важности правового воспитания подрастающего поколения отмечается и в зарубежной литературе. В этом контексте А.Д. Файн и Р. Тринкнер обоснованно обращают внимание на то, что дети начинают формировать свое отношение к праву и органам власти задолго до непосредственного столкновения с ними [23].

Вместе с этим, следует признать, что подрастающее поколение и молодежь далеко не единственные представители целевой аудитории мер по осуществлению правового воспитания. Соответствующие меры могут быть дифференцированы по различным социальным категориям и группам граждан. В частности, это могут быть представители

слабозащищенных слоев населения (пенсионеры, инвалиды, малоимущие), мигранты, прибывающие как для учебы, так и для осуществления трудовых функций.

Меры по правовому воспитанию и правовому просвещению могут быть актуальны и для представителей государственной власти. Так, еще в конце 70-х двадцатого столетия Х. Голдштейн предлагал методологию полицейского просвещения и реформирования правоохранительных органов с целью повышения доверия граждан к государству и укрепления правовой культуры [24, С. 256].

Сегодня в Российской Федерации актуальны вопросы уровня правовой культуры государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов.

Следовательно, меры правового воспитания могут коррелироваться в зависимости от конкретной целевой аудитории, выступая одним из системообразующих элементов в системе формирования и развития правового сознания и культуры социума. Его первоочередная задача заключается в передаче накопленного правового опыта, систематизированных знаний, устойчивых убеждений и представлений о правовой действительности.

О мерах, предпринимаемых государством по поддержке инициатив, связанных с правовым воспитанием, свидетельствуют данные Фонда президентских грантов [25].

Так, в 2023-2025 годах поддержку получили проекты, связанные как с правовым воспитанием в целом [26-28], так и отдельным социальным группам (например, семьи мобилизованных [29], лица с нервно-мышечными заболеваниями и ограниченными возможностями здоровья [30]). Отдельно могут быть выделены проекты, направленные на правовое просвещение детей и подростков [31, 32] в том числе детей-подростков из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дети из малоимущих семей и группы риска [33]. В указанных и других проектах институтов гражданского общества меры по правовому воспитанию достигаются посредством правового просвещения, включая в себя оказание бесплатной юридической помощи.

Указанное свидетельствует сразу о двух обстоятельствах. Во-первых, широкое распространение инициатив некоммерческих организаций в сфере правового просвещения, которое непосредственно взаимосвязано с правовым воспитанием, во-вторых, заинтересованность государства в поддержке соответствующих гражданских инициатив по правовому просвещению.

Государственная поддержка инициатив институтов гражданского общества в сфере правового воспитания и правового просвещения сегодня является неотъемлемым атрибутом социальной политики, ставящей перед собой среди задач формирование правовой культуры и повышения уровня правовой грамотности населения. Фактически посредством работы Фонда президентских грантов государство активно взаимодействует с некоммерческими организациями, предоставляя им финансовую и организационную поддержку, что находит отражение в выделении грантов на реализацию проектов, направленных на правовое просвещение различных социальных групп, а также в создании условий для повышения уровня правовой грамотности населения.

Особое внимание уделяется формированию и укреплению ценностных ориентиров, определяющих отношение личности к правовым нормам и принципам. Конечной целью правового воспитания является создание условий для укрепления законности и обеспечения правопорядка в обществе, что достигается посредством формирования законопослушного поведения граждан и развития их правовой активности.

Выводы. Подводя итог, отметим, что анализ современных научных подходов к пониманию правового воспитания позволяет сформулировать комплексное представление о данной категории. На основании проведенного исследования правовое воспитание может быть определено как систематическая социально-педагогическая деятельность, направленная на формирование у граждан устойчивых правовых установок, законопослушного поведения и развитой правовой культуры посредством трансляции правовых знаний, ценностей и поведенческих моделей в условиях современного общества.

Подчеркнем, что дальнейшее развитие теории и практики правового воспитания должно быть направлено на разработку новых современных подходов, учитывающих специфику восприятия правовой информации современными гражданами и особенности их информационной среды.

Меры по правовому воспитанию должны учитывать особенности различных социальных групп. Например, для молодежи акцент делается на образовательные программы в школах и вузах, использование современных технологий и социальных сетей. Пожилые люди нуждаются в лекциях и семинарах в местах их проживания, а также в доступной информации. Мигранты требуют разработки программ, учитывающих их культурные и языковые особенности, включая предоставление информации на их родном языке. Люди с ограниченными возможностями нуждаются в создании доступной информации и образовательных материалов, а также в использовании специальных технологий.

При этом центральным элементом системы правового воспитания остается формирование целостного правового мировоззрения, основанного на уважении к закону и правопорядку.

Список литературы

1. Макаренко, С.Н. Правосознание как фактор обеспечения национальной безопасности / С.Н. Макаренко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5-2. – С. 25-27.
2. Скударнов, Д.А. Формирование современного правосознания как инструмент реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Д.А. Скударнов // Юридическая наука. – 2022. – № 1. – С. 26-30.
3. Быкова, Н.В. Правовое воспитание в России на современном этапе / Н.В. Быкова // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек и общество. – 2024. – № 1. – С. 143-150.
4. Волков, А.А. К вопросу об условиях формирования правовой культуры и правосознания современного молодого поколения в Российской Федерации / А.А. Волков, Н.А. Ряснянская // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10 (1). – С. 116-122.
5. Корчагина, Т.В. Правовое воспитание в современных реалиях / Т.В. Корчагина, А.И. Николаев // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. – 2021. – № 4 (44). – С. 42-47.
6. Затонский, В.А. Правовая политика и ее воспитательно-обучающий потенциал как ответ на вызовы глобализации / В.А. Затонский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 43-50.
7. Кандов, Б.М. Глобализация правовых ценностей и перспективы развития правовой культуры / Б.М. Кандов, Н.Я. Алимухамедова // Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы: сборник материалов междунар. конференции, г. Прага, 17-18 сентября 2014 г. – Прага : Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. – С. 269-277.
8. Жадан, В.Н. Влияние условий цифровизации на правосознание и поведение несовершеннолетних / В.Н. Жадан // Юридическая наука. – 2022. – № 5. – С. 108-115.
9. Гадисов, С.Р. Влияние глобализационных процессов на правовую культуру российского общества / С.Р. Гадисов // Правовая культура. – 2021. – № 4 (47). – С. 116-124.
10. Грандонян, К.А. Тенденции развития правовой культуры в условиях глобализации / К.А. Грандонян // Правовая культура. – 2018. – № 2. – С. 34-39.
11. Кропачев, Н.М. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты / Н.М. Кропачев, В.В. Архипов // Вестник СПбГУ. Сер. 14: Право. – 2023. – № 2. – С. 294-306.
12. Twining, W. Globalization and Legal Theory / W. Twining. – Cambridge, 2000. – 256 p.
13. Damasio, A. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain / A. Damasio // Mariner Books. – Boston, MA, 2003. – 368 p.

14. Griffiths, J. What Is Legal Pluralism? / J. Griffiths // Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. – № 24. – 1986. – P. 1–55.
15. Лапшин, В.Е. Правовое воспитание осужденных: поиск новых подходов / В.Е. Лапшин, В.В. Шаханов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 1(41). – С. 13-18.
16. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 2. – 360 с.
17. Саакян, М.В. Правовое воспитание и обучение как средство формирования правовой культуры / М.В. Саакян // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 3. – С. 107-110.
18. Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 528 с.
19. Чупанова, А.Ч. Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры / А.Ч. Чупанова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 11. – С. 5-12.
20. Соколов, Н.Я. Правовое воспитание в современном российском обществе / Н.Я. Соколов, Е.К. Матевосова. – М.: Проспект, 2023. – 128 с.
21. Яковлева, М.А. Правовое воспитание как стратегическая мера профилактики преступности в молодежной среде / М.А. Яковлева // Гуманистические ориентиры профессионального и нравственно-правового воспитания будущих юристов : Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 22 ноября 2018 года / Составитель В.Г. Бондарев. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2019. – С. 256-260.
22. Попов, Д.Е. Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры / Д.Е. Попов // Аналитика культурологии. – 2010. – № 17. – С. 1-4.
23. Fine, A.D. Legal socialization / A.D. Fine, R. Trinkner / In R. Gurung (Ed.) Routledge encyclopedia of psychology in the real world. – Abingdon, UK: Routledge. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Adam-Fine-2/publication/341163693_Legal_Socialization/links/5ef2237f4585154d390e76b6/Legal-Socialization.pdf?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (дата обращения: 20.01.2026).
24. Goldstein, H. Improving Policing: A Problem-Oriented Approach / H. Goldstein // Sage Publications. – Beverly Hills, CA, 1979. – P. 236-258.
25. Фонд президентских грантов. Главная. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai> (дата обращения: 20.01.2026).
26. Фонд президентских грантов. Проекты: Доступная юридическая защита и правовое просвещение. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=5f983595-142d-4627-8d2d-ba20b127d549> (дата обращения: 20.01.2026).
27. Фонд президентских грантов. Проекты: Эффективное развитие системы бесплатной юридической помощи и правового просвещения в регионе. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=85034b91-e92d-404f-ba5a-9412be9cf7d2> (дата обращения: 20.01.2026).
28. Фонд президентских грантов. Проекты: Эффективное развитие системы бесплатной юридической помощи и правового просвещения в регионе с учетом законодательных новелл. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=9cc6a056-60d5-45c4-8bd8-3f6f6ad81c88> (дата обращения: 20.01.2026).
29. Фонд президентских грантов. Проекты: Центр правовой помощи семьям мобилизованных. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=3d9ccd2f-a1f1-4743-b930-d6004b924598> (дата обращения: 20.01.2026).

30. Фонд президентских грантов. Проекты: Правовое просвещение и юридическая поддержка лиц с нервно-мышечными заболеваниями и ограниченными возможностями здоровья. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=b75abcf5-4b81-48d3-85b0-b18d68df0d82> (дата обращения: 20.01.2026).
31. Фонд президентских грантов. Проекты: Курс правового просвещения для подростков «Сфера». – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=1f1da3ad-26b2-46e7-819a-a63eb94e3dfa> (дата обращения: 20.01.2026).
32. Фонд президентских грантов. Проекты: Без агрессии в сети: профилактика буллинга и деструктивного поведения подростков через правовое просвещение и развитие социальной активности – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=e17470a7-64db-4e81-a4c3-5c77b2018432> (дата обращения: 20.01.2026).
33. Фонд президентских грантов. Проекты: Правильный выбор – правовое просвещение подростков из числа детей-сирот, детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, из малоимущих семей и группы риска – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=9ff0c168-a004-45b8-993c-d810c614d0f3> (дата обращения: 20.01.2026).

УДК 340.132

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА: ОТ НОРМАТИВНОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ К ЭМПИРИЧЕСКИМ МЕТОДАМ ОЦЕНКИ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Иванович Левченков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Луганский филиал Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Луганск)
(e-mail: marta.kaf@mail.ru)

Денис Евгеньевич Толочко, технический редактор журнала «Проблемы права: теория и практика», Луганский государственный университет имени Владимира Даля (г. Луганск)
(e-mail: tolochko.denis@bk.ru)

Ольга Владимировна Кафанова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и историко-правовых дисциплин, Луганский государственный университет имени Владимира Даля (г. Луганск)
(e-mail: marta.kaf@mail.ru)

Статья посвящена теоретико-правовому исследованию категории эффективности законодательства в контексте междисциплинарного синтеза. Рассматривается эволюция доктринальных представлений от классической нормативной телеологии, фундированной априорными целями законодателя, к современным интегративным моделям, имплицитным инструментарий экономического анализа права, социологической юриспруденции и института оценки регулирующего воздействия. Обосновывается тезис о трансформации понятия эффективности из спекулятивной дефиниции соотношения цели и результата в верифицируемый критерий социальной адекватности правовой нормы. Выявляются методологические основания имплементации эмпирических подходов в догматическую традицию российского правоведения, детерминированные необходимостью совершенствования механизма правотворчества. Формулируется синтетическая концепция эффективности законодательства, эксплицирующая корреляцию институциональных параметров правовой системы с поведенческими паттернами субъектов правореализации.

Ключевые слова: эффективность законодательства, нормативная телеология, эмпирическая юриспруденция, оценка регулирующего воздействия, экономический анализ права.

THE EFFECTIVENESS OF LEGISLATION AS AN INTERDISCIPLINARY PROBLEM: FROM NORMATIVE TELEOLOGY TO EMPIRICAL METHODS FOR ASSESSING LEGAL IMPACT

Levchenkov, A.I., Tolochko, D.E., Kafanova, O.V.

The article is devoted to the theoretical and legal study of the category of legislative effectiveness in the context of interdisciplinary synthesis. The evolution of doctrinal concepts is examined from classical normative teleology, grounded in the a priori goals of the legislator, to modern integrative models that incorporate the tools of economic analysis of law, sociological jurisprudence, and the institution of regulatory impact assessment. The thesis on the transformation of the concept of effectiveness from a speculative definition of the relationship between goal and result into a verifiable criterion of the social adequacy of a legal norm is substantiated. The methodological foundations for the implementation of empirical approaches within the dogmatic

tradition of Russian jurisprudence are identified, determined by the need to improve the law-making mechanism. A synthetic concept of legislative effectiveness is formulated, explicating the correlation between the institutional parameters of the legal system and the behavioral patterns of subjects of legal realization.

Keywords: *effectiveness of legislation, normative teleology, empirical jurisprudence, regulatory impact assessment, economic analysis of law.*

Исследование категории эффективности в общей теории права традиционно сопряжено с обращением к фундаментальным вопросам юридической аксиологии и методологии правотворчества. В отечественной теоретико-правовой науке сформировался устойчивый подход, в соответствии с которым эффективность правовых норм определяется через соотношение между фактически достигнутым социальным результатом и той целью, которая была заложена законодателем в нормативное предписание. Данная телеологическая интерпретация, получившая глубокую доктринальную разработку в трудах представителей советской и современной российской юриспруденции, исходит из презумпции рациональности законодательной воли и направленности правотворческого процесса на последовательное совершенствование общественных отношений. А.К. Черненко, исследуя теоретико-методологические основания формирования правовой системы общества, подчеркивал, «что целеполагание в праве выступает системообразующим фактором, обеспечивающим внутреннюю согласованность и функциональную определенность нормативного массива» [1, С. 138].

Вместе с тем развитие юридической науки на современном этапе характеризуется отчетливой тенденцией к расширению методологического инструментария, применяемого для оценки регулятивного воздействия законодательства. Если традиционная догматическая юриспруденция оперирует преимущественно формально-логическими процедурами толкования и систематизации нормативных предписаний, то междисциплинарный подход предполагает интеграцию в правоведение познавательных средств и приемов, разработанных в рамках смежных социальных и поведенческих наук. Подобная методологическая экспансия обусловлена объективной потребностью в более полном и всестороннем учете многообразных факторов, влияющих на процессы правообразования и правореализации в условиях усложняющейся социальной действительности. В.С. Курчеев, анализируя актуальные проблемы теории государства и права, обоснованно отмечает, «что методологический плюрализм выступает необходимым условием повышения эвристического потенциала правовых исследований и их соответствия запросам современной юридической практики» [2, С. 21].

Представленная работа посвящена комплексному теоретико-правовому осмыслению феномена эффективности законодательства в качестве междисциплинарной научной проблемы, требующей синтеза догматических, социологических и экономических подходов к анализу правовой реальности.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью дальнейшего совершенствования механизмов правотворчества и правореализации, повышения качества законодательных решений и оптимизации их социальных последствий, что составляет одно из приоритетных направлений государственной правовой политики.

Цель статьи – на основе междисциплинарного синтеза нормативной телеологии, экономического анализа права и социологической юриспруденции разработать теоретическую модель оценки эффективности законодательства, интегрирующую формально-юридические, эмпирические и институциональные критерии.

Категория цели в праве принадлежит к числу фундаментальных понятий, определяющих сущностные характеристики механизма правового регулирования. Целеполагание в правотворческой деятельности отражает объективную направленность законодателя на упорядочение общественных отношений в соответствии с господствующими

в обществе представлениями о социальной справедливости и целесообразности. В юридической литературе традиционно выделяются материальные и юридические цели правовых норм, их ближайшие и перспективные задачи, что позволяет выстроить развернутую иерархию нормативных установлений и обеспечить их системное взаимодействие. Телеологическая интерпретация эффективности законодательства исходит из того, что качество правовой нормы подлежит оценке исключительно в контексте степени реализации заложенных в ней целевых установок.

С.В. Шишкин, рассматривая методологические основания соотношения правового государства и эффективности законодательства, подчеркивает, «что телеологический подход обладает несомненными достоинствами, поскольку позволяет установить четкие критерии оценки правотворческих решений и ориентирует правоприменителя на достижение социально значимых результатов» [3, С. 52]. Действительно, без учета целевых параметров нормативного регулирования любые суждения о его результативности утрачивают объективную основу и приобретают произвольный характер. Законодатель, формулируя конкретное нормативное предписание, всегда исходит из определенного представления о желаемом состоянии регулируемых общественных отношений, и именно степень приближения к этому идеальному состоянию служит мерилем успешности предпринятых правотворческих усилий.

Вместе с тем углубленный теоретический анализ обнаруживает, что классическая телеологическая модель эффективности нуждается в определенном уточнении и дополнении с учетом современных представлений о механизме социального действия права. Во-первых, правовые нормы нередко продуцируют последствия, которые не охватывались первоначальным целеполаганием законодателя, но при этом оказывают существенное влияние на динамику регулируемых отношений. Данное обстоятельство было отмечено еще в трудах дореволюционных российских правоведов, указывавших на имманентную ограниченность возможностей человеческого предвидения в сфере социального управления.

Во-вторых, реализация правовых предписаний осуществляется в конкретной социальной среде, характеристики которой могут существенным образом модифицировать содержание и направленность нормативного воздействия.

В этой связи представляется теоретически обоснованным и практически значимым дополнение телеологического подхода элементами социологического и экономического анализа, позволяющими более полно учесть многообразие факторов, детерминирующих эффективность законодательства. Речь идет не о противопоставлении различных методологических парадигм, а об их взаимном обогащении и синтезе в рамках единой концепции правового регулирования. С.С. Алексеев, определяя структуру и ценность права, подчеркивал, «что подлинно научное познание правовой реальности возможно лишь на основе сочетания формально-юридического, социологического и философского подходов, каждый из которых раскрывает определенную грань многомерного феномена права» [4, С. 201].

Формирование экономического анализа права в качестве самостоятельного направления юридических исследований связано с фундаментальными работами зарубежных ученых, обосновавших применимость микроэкономического инструментария к изучению правовых институтов и процессов. Центральной категорией данного подхода выступает понятие эффективности, интерпретируемое в терминах оптимального распределения ограниченных ресурсов и минимизации транзакционных издержек. Применительно к законодательству экономический анализ позволяет оценить, в какой мере то или иное нормативное решение способствует повышению общественного благосостояния и создает стимулы для социально полезного поведения участников правоотношений.

В российской юридической науке методология экономического анализа права получила развитие в трудах А.Г. Карапетова, М.И. Одинцовой и других исследователей, обосновавших ее эвристическую ценность для решения широкого круга теоретических и прикладных задач. В.Ю. Панченко, исследуя инструментальную ценность правовых средств, отмечает, «что экономический подход позволяет эксплицировать те аспекты регулятивного воздействия, которые остаются латентными для традиционного формально-юридического

анализа» [5, С. 38]. В частности, экономическая теория предлагает развитый концептуальный аппарат для анализа поведенческих реакций субъектов права на нормативные стимулы и ограничения, что имеет первостепенное значение для прогнозирования последствий законодательных новаций.

Особого внимания заслуживает разработанная в рамках экономического анализа права концепция регуляторной конкуренции, раскрывающая механизмы оптимизации правового регулирования под воздействием объективных экономических закономерностей. Субъекты хозяйственной деятельности, осуществляя выбор юрисдикции для ведения бизнеса, ориентируются на сравнительные характеристики правовых режимов, что создает предпосылки для последовательного совершенствования национального законодательства в направлении повышения его экономической эффективности. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о механическом копировании зарубежных правовых институтов, а о творческом учете объективных закономерностей взаимодействия правовой и экономической систем.

Другим значимым аспектом экономического подхода к оценке эффективности законодательства выступает анализ проблемы интернализации экстерналийных эффектов. Правовое регулирование призвано обеспечить включение в структуру издержек хозяйствующего субъекта тех негативных последствий его деятельности, которые в отсутствие надлежащего нормативного воздействия перекладываются на иных лиц или общество в целом. Степень решения данной задачи может рассматриваться в качестве одного из критериев эффективности соответствующего законодательного акта или института. Е.В. Вавилин, исследуя механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, подчеркивает, «что адекватное распределение бремени несения издержек между участниками правоотношений является необходимым условием стабильности и предсказуемости гражданского оборота» [6, С. 72].

Применение экономической методологии к анализу правовых явлений предполагает активное использование количественных методов и статистических данных, что позволяет придать выводам об эффективности законодательства характер верифицируемых суждений. В отличие от чисто умозрительных оценок, базирующихся на априорных представлениях о желательных свойствах правовой нормы, эмпирически обоснованные заключения опираются на объективные показатели динамики регулируемых общественных отношений. Данное обстоятельство обуславливает возрастающее значение экономического анализа права в контексте реализации государственной политики, направленной на повышение качества законодательства и оптимизацию регуляторной нагрузки на экономику.

Социологическая юриспруденция, концептуальные основания которой были заложены в трудах Е. Эрлиха, Р. Паунда и их последователей, исходит из принципиального различия формально-юридического и фактического аспектов бытия права. С этой точки зрения эффективность законодательства не может быть адекватно оценена посредством анализа одних лишь текстуальных источников и материалов правоприменительной практики, поскольку реальное функционирование правовых институтов в конкретном социальном контексте нередко существенно отклоняется от нормативной модели, предусмотренной законодателем. Для получения объективного представления о результативности правового регулирования необходимо обращение к эмпирическим методам, позволяющим зафиксировать фактические поведенческие реакции адресатов правовых предписаний.

В.В. Лапаева, анализируя социологию права «как научное направление, подчеркивает, что социологический подход ориентирует исследователя на изучение права в его социальной обусловленности и социальном действии» [7, С. 104]. Право рассматривается не как самодостаточная нормативная система, функционирующая по собственным имманентным законам, а как социальный институт, включенный в широкий контекст общественных отношений и испытывающий на себе влияние многообразных внеправовых факторов. Эффективность законодательства в социолого-правовой интерпретации предстает как степень его реального воздействия на поведение людей и социальные процессы, причем данное

воздействие может как совпадать, так и не совпадать с целями, декларированными законодателем.

Эмпирические исследования эффективности законодательства, проводимые в русле социолого-правовой методологии, предполагают применение широкого спектра конкретно-социологических методов. К их числу относятся анкетирование и интервьюирование участников правоотношений, позволяющие выявить их субъективное восприятие нормативных предписаний и мотивацию правового поведения. Метод включенного наблюдения обеспечивает возможность непосредственной фиксации реальных практик реализации правовых норм в различных социальных контекстах.

Контент-анализ правоприменительных актов, равно как и других источников юридического характера, способствует формированию достаточно целостной картины относительно сложившихся подходов к толкованию и реализации законодательных предписаний в деятельности уполномоченных органов. Изучение массива подобной документации позволяет с известной долей достоверности реконструировать типичные модели профессионального поведения должностных лиц в тех или иных категориях юридических дел.

Экспертные же опросы, будучи одним из методов сбора первичной социологической информации, дают возможность обобщить профессиональный взгляд представителей юридического сообщества на факторы, способствующие либо препятствующие должной реализации нормативных установлений. Ценность данного инструментария состоит в его направленности на выявление латентных обстоятельств, редко попадающих в поле зрения при сугубо догматическом разборе текста закона.

Данные, получаемые по итогам социологических исследований права, надлежит расценивать в качестве эмпирической базы, наличие которой выступает существенным подспорьем для законодателя в деле совершенствования нормативной материи. Опираясь на конкретные показатели общественного мнения или правоприменительной статистики, субъект правотворчества обретает возможность предметно судить о том, какие именно сегменты регулирования обнаруживают признаки недостаточной функциональности и нуждаются либо в точечной правке, либо в более развернутой регламентации.

Принципиально значимо отметить, что социологический ракурс рассмотрения правовой действительности не вступает в противоречие с установками юридического позитивизма. Напротив, он расширяет горизонты познания, обогащая формально-юридический анализ представлениями о реальном социальном контексте действия правовых норм.

М.Н. Марченко, характеризуя современное состояние сравнительного правоведения, обоснованно указывает на «необходимость сочетания формально-юридических и социологических методов при исследовании правовых систем и институтов» [8, С. 187].

Практическим воплощением междисциплинарной методологии оценки эффективности законодательства в современной правотворческой деятельности выступает институт оценки регулирующего воздействия (ОРВ), получивший нормативное закрепление и широкое распространение в правовых системах многих государств. Оценка регулирующего воздействия представляет собой процедуру анализа проектов нормативных правовых актов на предмет выявления в них положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

В российской правовой системе институт оценки регулирующего воздействия прошел значительный путь развития от экспериментального внедрения в отдельных сферах государственного управления до общеобязательной процедуры, интегрированной в процесс подготовки и принятия нормативных правовых актов федерального и регионального уровней.

Ю.А. Тихомиров, обращаясь к проблематике создания действенных инструментов правотворческой деятельности, вполне обоснованно указывает на то обстоятельство, что

«оценка регулирующего воздействия способствует повышению качества правотворческих решений за счет всестороннего анализа их возможных экономических и социальных последствий» [9, С. 26]. Приведенное суждение заслуживает самого пристального внимания, поскольку в нем зафиксирована сущностная характеристика процедуры ОРВ, состоящая в обеспечении прогностической функции юридической науки на начальных этапах движения законопроекта. Именно предварительная экспертиза рисков позволяет своевременно скорректировать текст документа, не дожидаясь наступления нежелательных результатов после его вступления в силу.

Методологический фундамент оценки регулирующего воздействия покоится на сопряжении приемов качественного и количественного анализа, которые были выработаны в лоне различных отраслей научного знания и адаптированы к специфике юридической материи. Посредством количественных методик становится возможным исчисление предполагаемой экономии бюджетных средств либо, напротив, дополнительной финансовой нагрузки на субъектов предпринимательства, равно как и прогнозирование изменений параметров деловой среды.

Качественный же анализ нацелен на раскрытие содержательной стороны нововведений, их соответствия общему вектору государственной политики и характеру влияния на положение различных групп населения. Нельзя обойти вниманием и институт публичных консультаций, выступающий неотъемлемой составляющей рассматриваемой процедуры. Вовлечение в обсуждение проектов представителей деловых кругов, общественных объединений и экспертного сообщества призвано обеспечить максимальную прозрачность нормотворчества и учет широкого спектра позиций.

Внедрение института оценки регулирующего воздействия в практику российского правотворчества свидетельствует о последовательной реализации государством принципа научной обоснованности законодательных решений. Посредством данной процедуры обеспечивается более полный учет объективных закономерностей функционирования регулируемых общественных отношений, что в конечном итоге способствует повышению эффективности законодательства и оптимизации его воздействия на социально-экономические процессы. Д.А. Керимов, анализируя методологию права, подчеркивал, «что подлинно научный подход к правотворчеству предполагает опору на достоверное знание о реальных потребностях общественного развития и прогнозируемых последствиях нормативного регулирования» [10, С. 293].

Проведенный анализ различных методологических парадигм в исследовании эффективности законодательства позволяет заключить, что каждая из них обладает несомненной эвристической ценностью, но при этом ни одна не может претендовать на исчерпывающее объяснение сложного и многогранного феномена правового воздействия на общественные отношения. Телеологический подход, акцентирующий внимание на целевых параметрах нормативного регулирования, обеспечивает необходимую ориентацию правотворческой и правоприменительной деятельности на достижение социально значимых результатов. Экономический анализ права позволяет выявить объективные закономерности взаимодействия правовых и экономических институтов, а также оценить регулятивное воздействие в категориях издержек и выгод. Социолого-правовая методология раскрывает реальные механизмы функционирования правовых норм в конкретном социальном контексте и обеспечивает эмпирическую верификацию теоретических построений.

Синтез указанных подходов в рамках единой концепции эффективности законодательства представляет собой не механическое соединение разнородных элементов, а органичное взаимодополнение различных познавательных перспектив, каждая из которых освещает определенную грань исследуемого объекта. Подобный синтетический подход в полной мере соответствует традициям отечественной теоретико-правовой науки, всегда отличавшейся стремлением к целостному, интегративному осмыслению правовой реальности. В.С. Нерсисянц, разрабатывая либертарно-юридическую концепцию правопонимания,

подчеркивал, «что адекватное познание права требует учета как его формально-юридических характеристик, так и социально-содержательных аспектов бытия» [11, С. 178].

В контексте синтеза различных методологических парадигм задача измерения эффективности законодательства требует применения системы разнопорядковых, но органически связанных между собой оценочных критериев. Так, целевая эффективность призвана отразить степень, в которой нормативный акт справился с разрешением тех задач, что непосредственно послужили поводом к его принятию. Экономическая составляющая эффективности ориентирует на сопоставление полученного социально полезного эффекта и объема ресурсов, задействованных для его достижения, включая анализ косвенного влияния нормативного регулирования на хозяйственный оборот.

Социальная же эффективность обнаруживает себя в плоскости субъективного восприятия правовых велений гражданами и организациями, в уровне их добровольного подчинения требованиям закона и в общем состоянии правопорядка на вверенной территории.

Важно подчеркнуть, что комплексная оценка эффективности законодательства, основанная на синтезе различных методологических подходов, не является самоцелью, а служит средством совершенствования правотворческой деятельности и повышения качества правового регулирования общественных отношений.

Полученные в результате такой оценки данные создают информационную основу для принятия обоснованных решений о сохранении, изменении или отмене действующих нормативных предписаний, а также о выработке новых подходов к правовому регулированию соответствующих сфер социальной жизни. Тем самым обеспечивается реализация конституционного принципа правового государства, предполагающего связанность законодателя требованиями разумности, обоснованности и социальной адекватности принимаемых нормативных правовых актов.

Дальнейшее развитие междисциплинарной методологии оценки эффективности законодательства связано с совершенствованием процедур сбора и анализа эмпирических данных, характеризующих реальное воздействие правовых норм на регулируемые общественные отношения. Существенное значение имеет также углубленная теоретическая разработка проблематики правовой аксиологии, позволяющая более четко определить ценностные основания оценки эффективности законодательства и критерии ее измерения.

Дальнейшее движение научной мысли в обозначенной сфере видится, помимо прочего, в направлении освоения правоведением познавательного инструментария тех дисциплин, которые изучают закономерности человеческого поведения. В частности, немалый интерес представляет обращение к наработкам поведенческой экономики и когнитивной психологии, позволяющим с большей точностью описать и спрогнозировать реакции субъектов права на те или иные нормативные стимулы, запреты или дозволения.

Изучение указанных закономерностей способно придать дополнительную обоснованность выводам о возможной результативности проектируемых правовых новаций.

Выводы. Резюмируя итоги предпринятого теоретико-правового анализа, следует зафиксировать ряд положений, значимых как для углубления доктринальных представлений, так и для нужд правотворческой практики.

Во-первых, классическая телеологическая трактовка эффективности, ставящая во главу угла соотношение между реально достигнутым результатом и нормативно зафиксированной целью, никоим образом не утрачивает своего значения фундаментальной методологической установки. Обращение к конкретно-социологическому инструментарии позволяет в известной мере компенсировать ограниченность формально-догматического метода, давая в руки исследователя объективированные данные о фактическом влиянии закона на ткань общественных отношений.

Именно социологический замер эффективности поставляет достоверную эмпирическую основу, без которой любая корректировка правовой материи рискует остаться лишь кабинетным умозрением, оторванным от реальных запросов социального развития.

Целеполагание в праве выступает необходимым условием осмысленности и целенаправленности правотворческой деятельности, обеспечивая ориентацию законодателя на решение актуальных задач социального развития. Вместе с тем выявлена объективная потребность в дополнении телеологического подхода инструментарием смежных социальных наук, позволяющим более полно учесть многообразие факторов, детерминирующих реальное функционирование правовых норм в конкретной социальной среде.

Во-вторых, обосновано, что экономический анализ права представляет собой перспективное методологическое направление, обогащающее теоретический арсенал юриспруденции категориями эффективности в понимании оптимального распределения ресурсов и минимизации транзакционных издержек. Применение экономической методологии к оценке законодательства позволяет эксплицировать латентные последствия нормативного регулирования для хозяйственного оборота и создает предпосылки для принятия более обоснованных правотворческих решений. При этом экономический подход не подменяет собой юридический анализ, а органично дополняет его, расширяя горизонты познания правовой реальности.

В-третьих, подтверждена высокая эвристическая ценность социолого-правовой методологии, ориентированной на эмпирическое изучение реального функционирования правовых институтов. В ходе работы установлено, что институт оценки регулирующего воздействия выступает в роли практического проводника междисциплинарной методологии непосредственно в процесс подготовки и рассмотрения проектов нормативных правовых актов. Факт нормативного закрепления процедуры ОРВ в действующем отечественном законодательстве со всей определенностью указывает на неуклонное следование принципу научной обоснованности подготавливаемых государственных решений.

В-четвертых, посредством данного института создаются и поддерживаются организационно-правовые гарантии, обеспечивающие надлежащий учет экономических и социальных последствий вводимого регулирования. Представляется, что дальнейшая эволюция ОРВ должна быть сопряжена с повышением глубины аналитической проработки проектов и распространением данной процедуры на новые области нормотворческой деятельности.

В-пятых, сформулирована синтетическая концепция эффективности законодательства, интегрирующая телеологический, экономический и социологический подходы в рамках единой теоретико-методологической модели. Эффективность законодательства в данной интерпретации предстает как комплексная характеристика нормативного регулирования, отражающая степень достижения законодательно закрепленных целей, оптимальность распределения ресурсов и издержек, связанных с реализацией правовых предписаний, а также фактическое воздействие правовых норм на поведение субъектов права и состояние регулируемых общественных отношений. Подобный синтетический подход в полной мере соответствует традициям отечественной теоретико-правовой науки и отвечает актуальным потребностям совершенствования механизма правового регулирования.

В-шестых, определены перспективные направления дальнейших исследований проблематики эффективности законодательства, к числу которых относятся углубленная разработка аксиологических оснований оценки правовых норм, совершенствование методик сбора и анализа эмпирических данных о реализации законодательства, а также изучение возможностей интеграции в правоведение достижений поведенческой экономики и когнитивной психологии. Решение указанных задач будет способствовать дальнейшему повышению качества законодательства и оптимизации его регулятивного воздействия на общественные отношения.

Таким образом, междисциплинарный подход к исследованию эффективности законодательства, предполагающий синтез догматических, экономических и социологических методов, открывает новые перспективы для развития общей теории права и совершенствования правотворческой практики. Дальнейшее углубление междисциплинарного синтеза в правоведении выступает необходимым условием адекватного

познания сложных и многогранных процессов правообразования и правореализации в современном обществе.

Список литературы

1. Черненко, А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества : монография / А.К. Черненко. – Новосибирск : Наука, 2020. – 304 с.
2. Курчеев, В.С. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / В.С. Курчеев. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 256 с.
3. Шишкин, С.В. Эффективность правового регулирования: теоретико-методологические аспекты / С.В. Шишкин // Журнал российского права. – 2021. – № 8. – С. 32-47.
4. Алексеев, С.С. Общая теория права : учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2021. – 576 с.
5. Панченко, В.Ю. Теория государства и права в терминах и определениях : учебное пособие / В.Ю. Панченко. – Москва : Эксмо, 2022. – 384 с.
6. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. – Москва : Статут, 2015. – 415 с.
7. Лапаева, В.В. Социология права : учебник для вузов / В.В. Лапаева. – Москва : Норма, 2022. – 432 с.
8. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М.Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2022. – 768 с.
9. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2020. – 416 с.
10. Керимов, Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – Москва : Аванта+, 2001. – 560 с.
11. Нерсисянц, В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. – Москва : Норма, 2020. – 848 с.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.722

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Ярослав Владимирович Былинин, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: y.v.bilinin@mail.ru)

Статья посвящена теоретико-правовым основам участия гражданского общества в реализации государственной национальной политики на уровне региона, особенностям его нормативно-правового регулирования, направлениям взаимодействия гражданского общества и органов региональной власти.

Ключевые слова: регион, субъект федерации, гражданское общество, институты гражданского общества, государственная национальная политика

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF CIVIL SOCIETY PARTICIPATION IN REGIONAL NATIONAL POLICY

Bylinin, Ya.V.

The article is devoted to the theoretical and legal foundations of civil society's participation in the implementation of state national policy at the regional level, the specifics of its legal regulation, and the areas of interaction between civil society and regional authorities.

Keywords: region, federal subject, civil society, civil society institutions, state national policy

Актуальность темы исследования. Государство, являясь аппаратом управления обществом, и реализуя свое социальное назначение как интегрирующая всевозможные структуры общества сила, призвано формировать и реализовывать национальную политику на своей территории. Очевидно, что решение проблем государственной национальной политики не может быть достигнуто исключительно возможностями и ресурсами государства в лице его аппарата. Привлечение к решению данных проблем органов публичной власти, призванных решать вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения – органов местного самоуправления, приблизит поставленную цель, но не позволит в полной мере решить указанные проблемы. В свою очередь, задействование возможностей субъектов, не наделенных функциями публичной власти, но при этом принимающих участие в обеспечении гражданского единства, решения вопросов национального, этнического характера – гражданского общества и его институтов, позволяет применить к указанной проблематике качественно иной инструментарий. Участие гражданского общества, отдельных его институтов в реализации государственной национальной политики на уровне региона приобретает существенные особенности, что обусловлено в целом федеративным устройством Российской Федерации, ее территориальными особенностями и национальным многообразием, так и соответствующей спецификой самого региона.

Анализ научных исследований. Проблемам формирования и функционирования гражданского общества уделяли внимание представители теоретико-исторических правовых

наук А.В. Гаврилов, О.И. Касич, М.А. Липчанская, С.В. Михейкин, отрасли конституционного права В.В. Гриб, С.В. Калашников, А.М. Яхьяева и др. Вопросам функционирования гражданского общества и его отдельных институтов в регионах посвятили свои работы И.С. Вершинин., А.Н. Гадиева., А.В. Соколов и др. Различные аспекты национальной политики рассмотрены в публикациях В.Ю. Зорина, М.С. Каменских, Е.В. Каменской, А.А. Субботина и др.

Целью исследования является определение теоретико-правовых основ участия гражданского общества в региональной национальной политике.

Изложение основного материала. 25 ноября 2025 Указом Президента Российской Федерации была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года [1] (далее – Стратегия). Очевидно, что Стратегия по своему содержанию, особенностям ее реализации, запланированным в ней мероприятиям, имеет ряд существенных отличий от предшествовавшей ей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2]. Одним из существенных факторов, определяющим такие отличия стало историческое событие – воссоединение Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Воссоединение с Россией исторических территорий и образование новых субъектов Российской Федерации в Стратегии определено как значимое событие для укрепления общероссийской гражданской идентичности.

Отдельный раздел Стратегии посвящен реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации, которая предусматривает среди прочих ряд мероприятий, реализуемых в процессе взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества. Ряд положений стратегии непосредственно указывают на новые субъекты, и как на участников предусмотренных документом мероприятий, и как на объекты воздействия со стороны органов публичной власти, гражданского общества и его институтов в направлении достижения целей и задач, определенных Стратегией.

Для определения основ участия гражданского общества в обеспечении государственной национальной политики на региональном уровне необходимо охарактеризовать функционирующие в данном регионе его институты.

Здесь следует отметить, что использование в нормах современного законодательства Российской Федерации термина «институт гражданского общества» (в т.ч. его использование в Конституции Российской Федерации), при отсутствии его законодательного закрепления, предполагает доктринальный подход к его понятию. Так как интерпретация и анализ существующих определений понятия гражданского общества не являются целью данной работы, как не являются ее целью и авторское его определение, то считаем достаточным (при отсутствии общепринятого) остановиться на следующем понимании данного явления: гражданское общество – это совокупность индивидуальных и коллективных субъектов, их образований, сформировавшихся с целью реализации законных прав и интересов их участников, населения, и осуществляющих для этого активную деятельность.

Традиционно институциональную характеристику гражданского общества представляют в двух аспектах: функциональном и субъектном. Институциональная характеристика предусматривает выделение в качестве системообразующих гражданское общество элементов различные группы общественных отношений, в сфере которых должны быть реализованы права и интересы участников такого общества: политических, социально-экономических, духовно-культурных и других. Предложенное выше определение гражданского общества в большей мере соответствует субъектному подходу к его институциональной характеристике и указывает на первичную классификацию элементов его системы на индивидуальных и коллективных.

К индивидуальным субъектам мы относим физических лиц. Конечно, здесь нельзя не согласиться с преобладающей в современной теоретико-правовой литературе позицией, предполагающей, что гражданское общество состоит из граждан. Однако в данном случае мы считаем, что к данной позиции следует подходить, используя расширительное толкование –

таким образом, под гражданами, составляющими гражданское общество будем считать, как граждан отдельного государства, так и других физических лиц, не состоящих в надлежащей юридической связи с таким государством – иностранных граждан, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, беженцев, переселенцев. Последняя группа лиц, как указано, не находятся в юридической связи, порождающей признаки гражданства с отдельным государством, однако ее представители обладают отдельной совокупностью прав и интересов, которые также могут быть реализованы такими субъектами, через их участие в деятельности институтов гражданского общества.

Что касается коллективных субъектов, то очевидно, группа, их объединяющая, более разнообразна, что определяется и организационно-правовой формой таких субъектов, и особенностями их участия, как в отдельных сферах общественной жизни: политических (политические партии и др.), социально-экономических (профсоюзы и др.), духовно-культурных (религиозные организации и др.), так и в деятельности гражданского общества в целом.

В федеративном законодательстве отсутствуют ограничения для участия в реализации государственной национальной политики каким-либо из вышеуказанных субъектов. На территории Донецкой Народной Республики, до момента ее принятия в состав Российской Федерации, по данным, опубликованным на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации, численность населения на фактической территории Республики на 1 июня 2022 года составляла 2576738 человек [3]. Стоит отметить, что образование нового субъекта в составе Российской Федерации – Донецкой Народной Республики было осуществлено с закреплением за ним статуса республики, хотя данный субъект не обладает признаками национального государственного образования. Учитывая проведение Специальной военной операции на территории республики, на настоящий момент сложно говорить о количественном соотношении представителей разных национальностей, однако можно утверждать, что на территории республики, кроме преобладающих здесь представителей русского и украинского народов, проживают исторически населяющие районы Приазовья греки, значительное количество татар, армян, евреев и др. Так 28 января 2026 года Глава Донецкой Народной Республики в ходе заседания по межнациональным и межконфессиональным отношениям отметил, что «исторически Донбасс сформировался как многонациональная и многоконфессиональная территория. На сегодняшний день в Республике проживает около 130 национальностей» [4]. Отдельные общественные объединения, зарегистрированные на территории региона, в своем наименовании указывают на этнический характер, и цели формирования, связанные с сохранением национальной самобытности и культурного наследия: Региональная национально-культурная автономия греков Приазовья, Еврейская община г. Донецка, Донецкая городская Общественная Организация «Общество Татарской Культуры «Йолдыз» и ряд др. В связи с вышеуказанными обстоятельствами (проведение Специальной военной операции), такие объединения в данный момент не могут в полной мере осуществлять активную деятельность, т.к. демографические характеристики региона в настоящее время отличаются высокой динамичностью и низкой прогнозируемостью. Однако считаем, что при организационной поддержке региональных властей представленные, и другие не указанные здесь объединения могут оказывать существенное содействие в достижении цели государственной национальной политики на уровне субъекта федерации.

В качестве одного из «инструментов реализации государственной национальной политики», Стратегия определяет «документы стратегического планирования, разработанные на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, и планы по их реализации» [1]. На данный момент в Донецкой Народной Республике отсутствует документ, определяющий задачи региональных органов власти по обеспечению государственной национальной политики, который соответствует, по целям и содержанию, группе указанных выше инструментов и мог бы быть использован в таком качестве. Считаем, что таким документом

может быть Стратегический план реализации государственной национальной политики региона (далее – Региональный план), хотя допускаем иное наименование документа.

Составление и принятие указанного плана, как официального документа, предполагают некоторые особенности. Первая особенность – использование в качестве основы плана конкретных данных, характеризующих состояние межнациональных отношений на территории республики в настоящий момент. Вторая особенность – принятие участия в его составлении как органов публичной власти (региональных и муниципальных), так и представителей отдельных институтов гражданского общества, осуществляющих свою деятельность на территории Донецкой Народной Республики. Сам Стратегический план, как документ, направленный на достижение определенных результатов, должен содержать перечень мероприятий организационного, правового и др. характеров, а также целевые показатели, к достижению которых необходимо стремиться в ходе реализации данного документа. Остановимся подробнее на выделенных особенностях.

Конкретные данные, характеризующие состояние межнациональных отношений на территории республики, в настоящий момент должны обладать характеристиками качественной информации. Как ранее было указано в одной из предшествующих работ, «качество информации как правая категория представляет собой комплексное явление, характеризующееся такими свойствами как достоверность, объективность и своевременность» [5, С.12]. Рассматривая своевременность информации, под которой мы понимаем «хронологический период, в течении которого информация не теряет своей актуальности и эффективности применения» [5, С.13], необходимо исходить из того, что применительно к Стратегическому плану его конкретные календарно-временные показатели могут быть определены инициаторами его составления. Сама Стратегия, являясь документом федерального значения, не указывает на конкретные сроки принятия региональными властями «документов стратегического планирования» и не содержит отсылочную норму для определения сроков его составления. Очевидно, данная особенность обусловлена принципом федерализма, учтенным при составлении Стратегии, и подчеркивает равноправный статус субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти в вопросах реализации государственной национальной политики.

Достоверность информации о состоянии межнациональных отношений на территории республики может быть обеспечена, среди прочего, и привлечением к ее формированию соответствующих институтов гражданского общества региона. «Под достоверностью информации следует понимать такое свойство качественного проявления информации, при котором обеспечивается ее доказательность, отсутствие смысловой неопределенности, точность ее обозначения» [5, С. 13]. Конечно, в данном случае, в обеспечении достоверности информации со стороны институтов гражданского общества существенную роль играют общественные объединения, целью которых является обеспечение национально-культурных потребностей отдельных народов, этнических общностей, деятельность которых в настоящее время на территории Донецкой Народной Республики, в силу указанных выше обстоятельств, ограничена. Однако, считаем, что само привлечение таких объединений к работе в обозначенном направлении, послужит фактором, активизирующем их деятельность. Для этого, прежде всего, считаем целесообразным составить региональный реестр таких объединений, с учетом их организационно-правовой формы, связи с отдельным этносом и пр. Следует отметить, что в настоящее время федеральные органы власти уже ведут подобного рода реестры, с внесением данных относительно отдельных видов общественных объединений, как например Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 [6]. На настоящий момент в Донецкой Народной Республике систематизированная информация (реестр) об общественных объединениях, целью которых является обеспечение национально-культурных потребностей отдельных народов, этнических общностей отсутствует. Составление такого реестра позволит обеспечить организационную и

информационную основу возможности участия соответствующих институтов гражданского общества в разработке Стратегического плана.

В свою очередь, во взаимодействии региональных органов власти с институтами гражданского общества обеспечивается и объективность информации, которую мы определяем, как «свойство информации, которое не допускает возможности изменения ее сущности в ходе передачи или воспроизведения информации в полном объеме или отдельной ее части» [5, С. 13]. Так, отдельные субъекты гражданского общества могут принимать участие в обеспечении объективности информации о состоянии межнациональных отношений на территории республики путем участия в разработке и реализации форм и методов соответствующих социологических исследований: опросе и анкетировании населения в целом и представителей отдельных национальностей в частности, создании независимых онлайн-площадок для обсуждения, обобщении полученной информации и представления ее региональным органам власти для дальнейшего использования и пр. Иначе – информация, используемая в качестве основы составления Стратегического плана, должна быть аккумулирована при участии всех вышеуказанных групп субъектов.

Составление стратегического плана предусматривает также либо наделение отдельных субъектов публичной власти соответствующими статусами, либо создание новых субъектов, ответственных за работу в указанном направлении, с сопутствующим формированием нормативной базы, регламентирующей их деятельность. Как указывают А.А. Штокалова и М.Г. Абдурахимова, «с увеличением числа специализированных государственных органов, попечительства и надзорных функций возникает потребность в четком правовом регулировании их статуса и полномочий. Это позволяет повысить эффективность их работы и упрощает механизм взаимодействия с другими ветвями власти» [7, С. 129]. На данный момент в системе региональной власти в Донецкой Народной Республике отсутствует специальный орган, наделенный исключительными компетенциями по регулированию национальных отношений и реализации целей и задач национальной политики на территории субъекта. Считаем, что при наделении соответствующими правовыми статусами отдельных региональных органов власти Донецкой Народной Республики уместно заимствовать практику формирования государственного аппарата Российской Федерации в указанной сфере. Так, Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 2012 года был образован Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям [8]. С 2011 года при Правительстве Российской Федерации осуществляла свою деятельность Межведомственная рабочая группа по межнациональным отношениям, а в настоящее время – Правительственная комиссия по вопросам реализации государственной национальной политики Российской Федерации [9]. В самой Стратегии указано, что «за период с 2012 года в субъектах Российской Федерации» среди прочего «сформированы консультативно-совещательные органы с участием институтов гражданского общества» [1]. На распространение практики создания органов власти субъектов Российской Федерации, компетенцией которых являются вопросы государственной национальной политики указывает также Е.В. Каменская [10, С. 29]. Таким образом, представляется логичным образование при Главе Донецкой Народной Республики коллегиального органа, деятельность которого направлена на обеспечение реализации целей государственной национальной политики, в состав которого наряду с представителями публичных органов власти должны войти на постоянной основе представители общественных объединений, целью которых является обеспечение национально-культурных потребностей отдельных народов, этнических общностей и других субъектов гражданского общества, осуществляющих деятельность в указанной сфере. Координацию деятельности субъектов, реализующих полномочия в сфере государственной национальной политики, считаем целесообразным возложить на созданную по аналогии с системой федеральных органов исполнительной власти межведомственную комиссию при Правительстве Донецкой Народной Республики.

Выводы. Учитывая многонациональный состав населения Донецкой Народной Республики, представляется целесообразным привлечение к участию в реализации

региональной национальной политики институтов гражданского общества. С этой целью считаем целесообразным формирование особого организационно-правового механизма, который предполагает следующие этапы: составление регионального реестра общественных объединений, деятельность которых направлена на обеспечение национально-культурных потребностей отдельных народов, национальностей, этнических общностей, групп; формирование в структуре регионального механизма нового субъекта, решения которого будут направлены на обеспечение реализации целей государственной национальной политики, носить рекомендательный характер, и приниматься в результате обсуждения с представителями общественных объединений – участников гражданского общества региона; составление Стратегического плана реализации государственной национальной политики региона в рамках работы предложенного выше коллегиального органа. Предложенная к созданию по аналогии с системой федеральных органов исполнительной власти, межведомственная комиссия при Правительстве Донецкой Народной Республики осуществляет координацию деятельности субъектов, реализующих полномочия в сфере государственной национальной политики.

Список литературы

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858.
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666.
3. Донецкая Народная Республика (справка по схеме). – Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-dnr/1838788/> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Доброе отношение народов друг к другу формировалось в Донбассе много лет: Денис Пушилин на Совете по межнациональным отношениям. – Текст: электронный // Глава Донецкой Народной Республики. – URL: <https://glavadnr.ru/news/dobroe-otnoshenie-narodov-drug-k-drugu-formirovalos-v-donbasse-mnogo-let-denis-pushilin-na-sovete-po-mezhnatsionalnym-otnosheniyam/> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Былинин, Я.В. Качество информации как правовая категория / Я.В. Былинин // Право Донецкой Народной Республики. – 2021. – № 1. – С. 8-13.
6. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Штокалова, А.А. Правовой статус государственных органов, не относящихся ни к одной из ветвей власти / А.А. Штокалова, М.Г. Абдурахимова // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 3(5). – С. 128-135.
8. О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.06.2012 № 776.
9. О Правительственной комиссии по вопросам реализации государственной национальной политики Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2025 года № 2125.
10. Каменская, Е.В. Конституционно-правовые основы национальной политики и национальных отношений в Российской Федерации / Е.В. Каменская // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2019. – № 2(20). – С. 22-30.

УДК 342.5

ГОСУДАРСТВО И НАУКА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ

Александра Андреевна Тесленко, стажер-исследователь, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, Центр технологий государственного управления (г. Москва)
(e-mail: teslenko-aa@ranepa.ru)

В условиях усиления геополитической конкуренции и бурного технологического развития особую значимость приобретает правовое регулирование оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере науки и технологий. В статье исследуются теоретические и правовые основы оценки эффективности и результативности инструментов и мер государственного управления в сфере научно-технологического развития (НТР) Российской Федерации. Отсутствие единого комплексного подхода к организации такой оценки ведет к снижению качества государственного управления в сфере НТР, что, в свою очередь, снизит возможность для реального достижения Россией технологического лидерства как национальной цели развития. В статье обоснованы предложения по устранению выявленных пробелов правового регулирования оценки государственного стимулирования научно-технологического развития и ее информационного обеспечения.

Ключевые слова: наука, научно-технологическое развитие, государственное управление, технологическое лидерство, результативность, эффективность, информационное обеспечение.

STATE AND SCIENCE: LEGAL REGULATION OF ASSESSMENT AND STIMULATION OF DEVELOPMENT

Teslenko, A.A.

In the context of increasing geopolitical competition and rapid technological development, the legal regulation of assessing the effectiveness and efficiency of public administration in the field of science and technology is of particular importance. This article explores the theoretical and legal foundations for assessing the effectiveness and efficiency of public administration tools and measures in the field of scientific and technological development (S&T) in the Russian Federation. The lack of a united comprehensive approach to organizing such assessments leads to a decrease in the quality of public administration in the field of S&T, which in its turn reduces the possibility for Russia to achieve technological leadership as a national development goal. The article substantiates proposals for eliminating the identified gaps in the legal regulation of the assessment of state incentives for scientific and technological development and its information support.

Keywords: science, scientific and technological development, public administration, technological leadership, effectiveness, efficiency, information support.

Актуальность темы исследования. В эпоху глобальных трансформаций и обострения геополитической конкуренции наука и научно-технологическое развитие (далее по тексту – НТР) приобретают значение ключевого фактора обеспечения технологического суверенитета

и конкурентоспособности страны. В современной реальности достижение технологического лидерства представляет собой ключевой фактор национальной безопасности и технологического суверенитета. Это последовательно отражается в поручениях Президента Российской Федерации (перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам от 01.09.2022 № Пр-1553, п.1; послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023г.; Постановление СФ ФС РФ от 16.07.2025 № 310-СФ «О мерах по обеспечению технологического суверенитета Российской Федерации»; перечень поручений Президента РФ по итогам Петербургского международного экономического форума 2025 г.) и документах стратегического планирования (указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»).

Обновлённая Стратегия научно-технологического развития (утв. указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145) закрепляет приоритеты, ориентированные на формирование технологического лидерства, повышение устойчивости экономики и усиление роли науки как ключевого источника структурных преобразований. В ряде положений данного документа подчеркивается необходимость трансформации научного и технологического потенциала в определяющий фактор развития государства, а также указывается, что именно наука формирует условия для опережающего развития и решения различного комплекса задач, стоящих перед Российской Федерацией.

В России исторически сформировалась модель взаимодействия государства и науки, отличающаяся тесной связью и направленностью на решение задач общегосударственного значения. В отличие от опыта некоторых зарубежных стран, где наука развивалась преимущественно как сфера частной инициативы и академической автономии [1], отечественная наука изначально формировалась как институт, интегрированный на решение государственных задач в области развития страны.

Такая идея отражена в нынешнем Уставе Российской академии наук, где одной из основных целей является «проведение и развитие фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России» [2]. Данная особенность, с одной стороны, обеспечивает концентрацию ресурсов на стратегических направлениях, а с другой – возлагает на государство особую ответственность за создание условий для эффективной научной деятельности.

Указанные стратегические ориентиры предполагают активную разработку и использование государством комплекса инструментов и мер государственного управления по стимулированию НТР, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о правовом регулировании оценки их результативности и эффективности. Отсутствие комплексной оценки результативности и эффективности приводит к снижению качества государственного управления и правового регулирования в данной сфере. Актуальность проблем правового регулирования такой оценки государственного управления в области стимулирования науки обусловлена стратегической ролью научно-технологического развития (НТР) в достижении национальной цели технологического лидерства Российской Федерации.

Основным принципом при этом должна стать изначальная ориентация государственного управления в области НТР на поддержку и стимулирование именно развития, то есть на обеспечение качественных преобразований. Реализация указанного принципа осуществляется на основе соответствующего правового регулирования оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР, включая вопросы информационного обеспечения такой оценки. В практическом выражении данная задача предполагает формирование особого правового механизма, который будет призван создавать оптимальные условия для генерации научных результатов высокой общественной, экономической и технологической значимости. В данном случае роль права в

контексте научно-технологического развития заключается в способности создавать необходимые правовые, организационные и стимулирующие предпосылки для НТР.

Анализ научных исследований. В государственном управлении в области научно-технологического развития России применяется значительное число инструментов и мер, реализация которых требует соответствующей оценки результативности и эффективности. Однако в современной юридической науке уделяется недостаточное внимание вопросам самой оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере НТР [3], также такая оценка характеризуется фрагментарностью как в контексте нормативно-правовой базы, так и в части применяемых методик и показателей [4, 5]. Достижение национальной цели «Технологическое лидерство», фундаментом для которой служит обеспечение технологического суверенитета, объективно зависит от двух взаимосвязанных факторов.

Во-первых, это рациональное использование государственных ресурсов. Во-вторых, корректная разработка и целевое применение инструментов и мер государственного управления, изначально нацеленных на обеспечение именно развития. Под развитием в данном контексте следует понимать качественный, необратимый процесс, а не просто количественное увеличение существующих процессов [6].

Ключевым условием для стимулирования развития выступает внедрение регулярной и системной оценки как потенциала самих управленческих инструментов и мер, так и реальных итогов их применения. Актуальность оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР многократно возрастает в условиях конкуренции за доступ к ограниченным государственным ресурсам, отмечает А.Е. Шастико [7]. Научная дискуссия о государственном управлении в научно-технологической сфере также отражает этот пробел. Учёные-юристы, такие как В.В. Акбердина, Г.Б. Коровин [8] констатируют «рассогласованность механизмов государственного управления и научно-исследовательской результативности». Обоснованно А.Г. Барабашев [9] указывает на потребность в глубокой трансформации системы управления в ответ на комплексные технологические вызовы, в переходе к проектной модели. В ряде исследований Л.Г. Руденко, Ц.К. Чан, Т.В. Усковой, К.А. Устиновой, А.А. Борисовой акцентируется внимание на важности проведения оценки научно-технологического потенциала [10], научно-технологического прогресса регионов РФ [11], инновационного потенциала [12]. Лишь в отдельных исследованиях, в частности А.Н. Швиндта [13], поднимается вопрос о слабой эффективности механизмов оценки НТР, а также в исследованиях С.В. Кабышева [14] прямо обозначена необходимость формирования правового механизма оценки, способного стать драйвером качественного научно-технологического развития.

В научной литературе отмечается актуальность преобразований в системе государственного регулирования научной деятельности. В частности, исследование В.С. Плетникова и К.А. Плясова [15] подчёркивает значимость и насущную потребность такого реформирования, однако аспекты, связанные с оценкой результативности и эффективности государственного регулирования, в нём не затрагиваются. Анализ работы В.А. Сивицкого [16] указывает на ключевую роль законодательства о науке для обеспечения действенности реализации Стратегии-2024, ограничиваясь при этом констатацией необходимости создания соответствующих механизмов достижения эффективности, без их детальной проработки. Такие авторы, как Е.В. Комбарова, К.В. Музалевская [17] обращают внимание на фрагментарность действующей модели управления, а именно на дублирование функций между ведомствами, а также на недостаточную вовлеченность институтов развития в реализацию единой государственной научно-технической политики. Авторы акцентируют внимание на потребности в оценке результативности деятельности институтов в сфере НТР. В статье Т.В. Усковой и К.А. Устиновой [18] предложен интегральный, рейтинговый подход к оценке научно-технологического потенциала регионов, в основу которого авторы закладывают построение интегрального показателя путем сравнительного анализа. Однако не

разрабатывается специальная комплексная методика оценки результативности и эффективности собственно инструментов и мер государственного управления в сфере НТР. В противовес данному подходу, в своей работе О.С. Сухарев [19] обосновывает иной подход к оценке, который сосредоточен на критическом переосмыслении существующих практик оценки результативности научно-технологической деятельности, прежде всего в контексте применения наукометрических, балльных и рейтинговых методов. Автор показывает, что такие методы имеют серьезные ограничения и не позволяют в полной мере отразить реальные результаты научной и технологической работы. В основе находится именно результативность научной и технологической деятельности, однако в статье отсутствуют положения, посвященные эффективности инструментов и мер и разработке самой комплексной оценки результативности и эффективности инструментов, и мер государственного управления в сфере научно-технологического развития. В работе Д.Н. Пескова, А.Л. Силинга, Е.Н. Грибова [20] предложен методический подход, ориентированный на определение приоритетов технологического развития и формирование национальной модели суверенного технологического развития. Авторы акцентируют внимание на методологии отбора критических и сквозных технологий, базирующейся на пяти критериях, а также на оценке степени владения технологиями. Но вопросы, касающиеся разработки комплексной оценки результативности и эффективности непосредственно инструментов и мер государственного управления в данной сфере также не рассматриваются. Анализ статьи Е.С. Чугуновой и Э.И. Басыровой [21] показал, что авторский подход ориентирован преимущественно на оценку научно-технологического потенциала регионов как совокупности ресурсных характеристик, а не на анализ и оценку результативности и эффективности конкретных инструментов и мер государственного управления в сфере научно-технологического развития. В работе разработана система показателей и интегральный индекс, позволяющие сопоставлять регионы по уровню развития научных кадров, инновационной активности, инфраструктуры и финансового обеспечения, а также формировать типологию лидеров.

К сожалению, и вопросам информационного обеспечения такой оценки в научной литературе уделяется незначительное внимание. В работе М.Х. Исаева [22] рассматриваются вопросы обеспечения оценки национальных проектов, автор верно определяет информационный аспект, который входит в основу такой оценки. Однако анализ контекста работы показывает, что внимание сфокусировано преимущественно на классификации источников и видов информации (внешняя/внутренняя, по уровню доступа и т.д.). В работе не решается ключевая для государственного управления НТР проблема – разрозненности и отсутствия синхронизации самих государственных информационных систем. Верно отмечает С.Е. Чаннов [23], что на одном только федеральном уровне появляется большое количество различных информационных систем, способствующих повышению эффективности учета данных. В этом контексте Р.В. Амелин [24] рассматривает государственные и муниципальные информационные системы не просто как технический инструмент электронного правительства, а как самостоятельный объект правового регулирования, требующий целостной нормативной конструкции. Так, теоретическая модель информационно-правового режима государственных и муниципальных информационных систем будет выступать инструментом систематизации законодательства в данной сфере. Однако автор не делает акцент на синхронизации имеющихся государственных информационных систем, в таком случае в сфере научно-технологического развития дублирование отчетности и несогласованности баз данных будет увеличивать административную нагрузку.

Таким образом, проведенный анализ научных публикаций позволяет констатировать, что комплексная оценка результативности и эффективности совокупности инструментов и мер государственного управления в области научно-технологического развития, включая проблему обеспечения её адекватного правового регулирования, в настоящее время не стала предметом специальных исследований, а также позволяет констатировать наличие системного пробела и недостаточного внимания к проблеме комплексного правового регулирования информационного обеспечения такой оценки.

Цель исследования – проведение анализа текущего состояния правового регулирования системы оценки результативности и эффективности государственного регулирования в сфере НТР, его инструментов и мер, а также состояния правового регулирования информационного обеспечения такой оценки.

Изложение основного материала. Сложившаяся ситуация в значительной степени детерминирована текущим состоянием государственного регулирования как научно-технологического развития в целом, так и оценки результативности и эффективности инструментов, и мер государственного управления, применяемых для НТР. На современном этапе подобная оценка не носит императивного характера. Так, анализ действующего федерального законодательства и подзаконных нормативных актов в сфере стратегического планирования научно-технологического развития (НТР) выявляет пробелы в регулировании института оценки его результативности и эффективности.

Анализ действующих документов стратегического планирования и федерального законодательства в сфере научно-технологического развития свидетельствует о рассогласованности используемого понятийного аппарата. Так, если в Стратегии научно-технологического развития 2024 года ключевым выступает термин «научно-технологическое развитие», то в государственной программе «НТР» приоритет отдается «техническому развитию». В свою очередь, Федеральный закон «О технологической политике» [25] оперирует понятиями «технологическое развитие» и «технологическая политика», тогда как Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [26] закрепляет понятие «научно-техническая политика», что создает терминологическую неоднородность. Согласно поручению Председателя Правительства РФ по итогам стратегической сессии «Модель развития науки» [27] к марту 2026 года Минобрнауки, Минэкономразвития, Минпромторг, Минздрав, Минфин, а также Российская академия наук должны предоставить предложения по созданию комплексной модели по синхронизации и реализации государственной научно-технической политики, технологической и промышленной политики. Поручение будет способствовать попытке преодолеть терминологические ограничения правового регулирования в сфере научно-технологического развития.

Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [28], устанавливая основные требования к содержанию, порядку разработки и исполнения Стратегии НТР, прямо не закрепляет обязанности по проведению комплексной оценки результативности и эффективности самой Стратегии как документа стратегического планирования, но и правового механизма такой оценки. В фокусе правового регулирования находится оценка состояния и динамики развития сферы НТР, что является скорее аналитическим, а не оценочным мероприятием в отношении реализуемой политики. Более конкретные нормы содержатся в постановлении Правительства РФ от 07.04.2018 № 421 [29], регламентирующем мониторинг реализации Стратегии НТР. Данный нормативный акт вводит в правовое поле обязанность по оценке эффективности мер и инструментов государственной политики. Однако это положение носит декларативный характер, так как не подкреплено установлением конкретных, юридически значимых показателей, критериев и единой методики проведения такой оценки.

В свою очередь, сама Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает необходимость оценки эффективности реализуемых инструментов и мер государственной политики. Вместе с тем текст документа не содержит указаний на необходимость одновременной оценки их результативности, что порождает логическую несогласованность на концептуальном уровне.

Принятые в развитие п. 60 Стратегии распоряжение Правительства РФ от 10.04.2025 № 880-р «Об утверждении перечня показателей эффективности мер и инструментов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации и количественных значений указанных показателей» и Постановление Правительства РФ от 28.04.2025 № 571 «Об утверждении Правил определения показателей

эффективности мер и инструментов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации» – во-первых, ориентированы только на оценку эффективности, а не результативности, во-вторых, ориентированы на оценку эффективности только в отношении показателей, установленных п. 60 Стратегии, а не всех реализуемых в настоящее время инструментов и мер государственного управления в сфере НТР.

В действующей редакции Федерального закона № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» предусмотрена оценка эффективности использования бюджетных ассигнований, направляемых на поддержку инновационной деятельности, а также анализ рисков, сопряженных с реализацией инновационных проектов. При этом закон не содержит положений, предусматривающих комплексную оценку результативности и эффективности всей совокупности государственных мер и инструментов, призванных стимулировать научно-технологическое развитие.

Более прогрессивный подход демонстрирует Федеральный закон № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации», который в отличие от предшествующих актов напрямую включает в круг задач технологической политики мониторинг ее эффективности, оценку результативности мер государственного стимулирования и анализ эффективности финансирования технологических проектов.

Однако, закрепляя общий вектор на оценивание и предусматривая одиннадцать различных видов инструментов реализации политики, законодатель не подкрепил их целостной правовой моделью, которая позволяла бы проводить сквозную оценку их результативности и эффективности в рамках единого управленческого цикла. Отмеченная разрозненность прослеживается и в подзаконных нормативных актах. В частности, Постановление Правительства РФ от 06.10.2025 № 1552 [30] ограничивается требованием об оценке эффективности (без упоминания результативности) узкой группы инструментов, связанных с методиками определения уровней готовности технологий и производства, а также коммерциализации продукции. Постановление Правительства РФ № от 01.08.2025 № 1152 [31], в свою очередь, направлено преимущественно на контроль целевого использования средств и оценку рисков в рамках конкретных проектов, не решая задачи комплексной оценки всей совокупности применяемых мер.

Сложность обеспечения правового регулирования оценки результативности и эффективности состоит в наличие разрозненности существующих политик – научно-технической и технологической, инструменты и меры, упоминаемые в правовых актах, характеризуют деятельность различных субъектов в сфере науки и технологий – как органов государственной власти РФ и (или) субъектов РФ, так и иных субъектов, осуществляющих научную, научно-техническую, научно-технологическую деятельность.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в российской системе государственного управления научно-технологическим развитием отсутствует единый подход к комплексной оценке результативности и эффективности совокупности применяемых инструментов и мер государственного управления в области НТР. Это обусловлено фрагментарностью действующего правового регулирования, которая усугубляется терминологической неоднородностью и правовым «разделением» научно-технической и технологической политики.

Помимо общего правового регулирования оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере НТР, важно установить и нормы в отношении ее информационного обеспечения. Для проведения комплексной оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в области стимулирования научно-технологического развития (НТР), необходимо обеспечить синхронизацию информационного обеспечения, как одного из основных элементов такой оценки.

Развитие информационного общества и цифровых технологий создаёт принципиально новые возможности для сбора, обработки и анализа данных, относящихся к научной, инновационной и промышленной деятельности. Одновременно цифровизация усиливает

требования к согласованности правового регулирования и к обеспечению совместимости информационных систем.

Сложившаяся архитектура разрозненных ведомственных информационных систем, лишенная единого цифрового контура, препятствует формированию целостной картины и устраняет возможность проведения комплексной оценки. Председателем Правительства РФ [27] поставлена задача синхронизации научно-технической, технологической и промышленной политик, которая объективно включает синхронизацию правового регулирования оценки результативности и эффективности инструментов государственного управления, а также регулирования ее информационной базы.

Проблема заключается в разрозненности информационного обеспечения оценки результативности и эффективности инструментов и мер государственного управления в сфере НТР в условиях цифровизации. Существующие информационные системы (ЕГИСУ НИОКТР, Единый реестр получателей поддержки, ГИС промышленности и системы в рамках технологической политики) основаны на разных нормативно-правовых актах и преследуют узковедомственные цели, что не позволяет государству оценить целостный процесс НТР.

Преодоление данной проблемы возможно путем создания правовых условия для синхронизации государственных информационных систем в рамках совершенствования и гармонизации федерального законодательства, подзаконных нормативных актов, также и в рамках единой цифровой платформы домена «Наука и инновации» (разработка концепции данной платформы только ведется). Показательно, что обозначенный вектор находит подтверждение в позиции экспертного сообщества, так, директор ЦИТиС П.П. Стариков, информируя о развитии государственной системы научно-технической информации на примере домена «Наука и инновации», особо подчеркнул необходимость обеспечения омниканальности научно-технической информации [32]. Реализация данного подхода, по сути, создаст технологическую основу для преодоления ведомственной фрагментарности.

Сложившаяся архитектура информационных систем характеризуется параллельным существованием нескольких независимых систем, созданных на основе разных федеральных законов.

В частности, Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» № 127-ФЗ предусматривает формирование двух самостоятельных систем – Единой государственной информационной системы учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР) и Единого реестра конечных получателей государственной поддержки инновационной деятельности. При этом ЕГИСУ НИОКТР, регламентированная статьей 7.1, функционально ориентирована на мониторинг и оценку научной деятельности через формальные результаты, такие как отчеты о НИОКТР и патенты, тогда как Единый реестр, согласно статье 16.6 того же закона, преследует иную цель – оценку эффективности государственной поддержки инновационных проектов. Параллельно, на основании иных федеральных законов, были созданы Государственная информационная система промышленности (ГИСП) для целей промышленной политики (регламентированная Федеральным законом от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [33]) и инструменты обработки данных и мастер данных для технологической политики, введенные Федеральным законом №523-ФЗ «О технологической политике».

Анализ взаимодействия этих систем показывает, что информационные системы технологической политики, хотя и включают в свой контур Единый реестр, не предусматривают нормативно закреплённого взаимодействия с ЕГИСУ НИОКТР, что является прямым свидетельством сегментированного, несогласованного подхода к построению единого информационно-аналитического обеспечения для сферы науки, технологий и инноваций. Кроме того, оценка, проводимая на основе указанных систем, не предусматривает оценку результативности и эффективности самого государственного управления в сфере НТР.

Проведенный сравнительно-правовой анализ федерального законодательства выявил системную проблему фрагментарности в организации информационного обеспечения оценки результативности и эффективности в сфере научно-технологического развития

Выводы. Таким образом, ключевым фактором успеха государственного управления, ориентированного на технологическое лидерство, является нормативное закрепление единой комплексной оценки результативности и эффективности применяемых в сфере НТР инструментов и мер государственного управления. Решением данной проблемы будет являться систематизация (а в перспективе – и возможная кодификация) законодательства о науке, научно-технической и технологической политике, в рамках которой целесообразно законодательное определение единой комплексной оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере НТР, а также разработка на подзаконном уровне (постановление Правительства РФ) порядка и методики такой единой оценки. Синхронизация правового регулирования информационного обеспечения оценки в том числе будет способствовать повышению качества государственного управления, упрощению сбора, обработки и анализа необходимой информации.

Список литературы

1. Стаховяк-Кудла, М. Академическая свобода как защитное право / М. Стаховяк-Кудла, и др. // Hague Journal on the Rule of Law. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 161-190.
2. Постановление Правительства РФ от 27 июня 2014 г. № 589 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» URL: <https://base.garant.ru/70685492/?ysclid=mkpi6n0wdw192298500> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Тесленко, А.А. Теоретико-правовой подход к оценке результативности и эффективности государственного управления в сфере научно-технологического развития России / А.А. Тесленко // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 4 (26). – С. 102–114.
4. Ефремов, А.А. Правовое регулирование оценки результативности и эффективности технологической политики в сфере искусственного интеллекта в России / А.А. Ефремов, А.А. Тесленко // Управленческое консультирование. – 2025. – № 5. – С. 47.
5. Рекомендации Парламентских слушаний Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О реализации государственной технологической политики и национальных проектов для достижения национальной цели «Технологическое лидерство». – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/166204/> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Добролюбова, Е.И. Оценка качества государственного управления: обоснованность, результативность, эффективность : монография / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.Н. Старостина; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). – Москва : Дело, 2021. – 280 с.
7. Шаститко, А.Е. К политической экономии научно-технологического развития (на примере России) / А.Е. Шаститко // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – Т. 3. – №. 4. – С. 51-59.
8. Акбердина, В.В. Механизмы государственного управления в сфере научно-технологического развития / В.В. Акбердина, Г.Б. Коровин, Е.И. Дзюба // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 111–140. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gosudarstvennogo-upravleniya-v-sfere-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 30.01.2026).
9. Барабашев, А.Г. Государство и государственное управление: от социальной организации к административной деятельности / А.Г. Барабашев // OF THE NEW ECONOMIC ASSOCIATION. – 2024. – С. 227.
10. Руденко, Л.Г. Эффективность научно-технологического потенциала региона: к методике оценки / Л.Г. Руденко, Ц.К. Чан // Управление. – 2025. – Т. 13. – №. 2. – С. 56-65.

11. Ускова, Т.В. Рейтинг научно-технологического потенциала российских регионов / Т.В. Ускова, К.А. Устинова // *Ars Administrandi*. – 2025. – Т. 17. – №. 1. – С. 133-157.
12. Борисова, А.А. Оценка инновационного потенциала страны в современных условиях / А.А. Борисова // *Научно-аналитический журнал*. – С. 137.
13. Швиндт, А.Н. Императивы системы управления научно-технологическим развитием Российской Федерации / А.Н. Швиндт // *Управление наукой и наукометрия*. – 2025. – Т. 20. – № 3. – С. 352-368.
14. Кабышев, С.В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации / С. В. Кабышев // *Lex russica*. – 2025. – Т. 78. – №. 2 (219). – С. 130-140.
15. Плетников, В.С. Концептуализация законодательства о научной деятельности / В.С. Плетников, К.А. Плясов // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2025. – № 2 (70). – С. 301-304.
16. Сивицкий, В.А. К вопросу о содержании нового законодательного регулирования науки / В.А. Сивицкий // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2025. – № 2 (70). – С. 304-307.
17. Комбарова, Е.В. Наука и технологии в России: поиск эффективной модели государственного управления / Е.В. Комбарова, К.В. Музалевская // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2025. – №. 4 (165). – С. 78-88.
18. Ускова, Т.В. Рейтинг научно-технологического потенциала российских регионов / Т.В. Ускова, К.А. Устинова // *Ars Administrandi*. – 2025. – Т. 17. – №. 1. – С. 133-157.
19. Сухарев, О.С. Оценка результативности научно-технологической деятельности: проблемы и перспективы / О.С. Сухарев // *Экономист*. – 2024. – №. 3. – С. 49-58.
20. Песков, Д.Н. Методические подходы к разработке модели суверенного технологического развития / Д.Н. Песков и др. // *Проблемы прогнозирования*. – 2025. – № 1. – С. 62-77.
21. Чугунова, Е.С. Оценка научно-технологического потенциала российских регионов для развития наукоемкого производства: методический подход / Е.С. Чугунова, Э.И. Басырова // *Управленческий учет*. – 2025. – №. 11-2. – С. 396-401.
22. Исаев, М.Х. Современные виды обеспечения оценки эффективности реализации национальных проектов / М.Х. Исаева // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2025. – №. 3. – С. 41-49.
23. Правовое обеспечение применения цифровых технологий в государственном управлении: монография / М.Б. Добробаба, С.Е. Чаннов, К.С. Евсиков; под ред. М.Б. Добробабы. – Саратов : Амирит, – 2024. – 156 с.
24. Амелин, Р.В. Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем / Р.В. Амелин // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*. – 2018. – Т. 18. – №. 4. – С. 455-465.
25. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
26. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СПС «КонсультантПлюс».
27. Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии «Модель развития науки». – URL: <http://government.ru/news/56396/> (дата обращения: 19.02.2026)
28. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
29. Постановление Правительства РФ от 7.04.2018 г. № 421 «Об утверждении Правил разработки и корректировки Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и Правил мониторинга реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2025 г. № 1552 «О планировании технологической политики в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
31. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.08.2025 г. № 1152 «Об оценке эффективности финансирования проектов развития технологий, определении допустимого уровня рисков и базовых критериев управления ими, осуществлении мониторинга и контроля целевого использования средств, направляемых на такое финансирование проектов развития технологий, а также о требованиях к осуществлению мониторинга и контроля реализации проектов развития технологий» // СПС «КонсультантПлюс».
32. Гагиев, Н.Н. Обзор ежегодной Международной научно-практической конференции РИЭПП «Научно-технологическое развитие государства: проблемы и перспективы» / Н.Н. Гагиев // Управление наукой и наукометрия. – 2025. – Т. 20. – №. 2. – С. 317-321.
33. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Юлия Валерьевна Тороп, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)
(e-mail: uvtorop@msal.ru)

Целью статьи является анализ содержания новелл российского законодательства о молодежной политике в Российской Федерации как ответа на современные вызовы российской государственности. Автор приходит к выводу, что новое понимание молодежной политики, ее целей и направлений приобрело выраженное конституционно-правовое содержание, связанное с формированием основ мировоззрения российской молодежи на базе традиционных российских ценностей. Обосновано, что молодежь России выступает самостоятельным субъектом конституционно-правовых отношений по укреплению суверенитета России как новой цели молодежной политики. При этом реализация таких новых направлений молодежной политики как патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, формирование системы смысловых ориентиров, позволяющих противостоять негативным социальным явлениям и деструктивным идеологиям оцениваются в позитивном аспекте как обусловленные современным социально-политическим контекстом и способствующие обеспечению национальной безопасности России.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, стратегия реализации молодежной политики, национальная безопасность, суверенитет, права молодежи, защита законных интересов молодежи, традиционные ценности, инфраструктура молодежной политики, патриотическое воспитание, духовно-нравственные ценности, патриотизм, идеология, мировоззрение, конституция, субъект конституционно-правовых отношений.

TRANSFORMATION OF RUSSIAN YOUTH POLICY IN THE FACE OF MODERN CHALLENGES

Torop, Yu.V.

The purpose of this article is to analyze the content of new Russian legislation on youth policy in the Russian Federation as a response to contemporary challenges to Russian statehood. The article traces the development of the legal concept of youth policy, the goals of youth policy, and its main directions as a means of strengthening national sovereignty in the face of contemporary threats. The author comes to the conclusion that the new understanding of youth policy, its goals and directions has acquired a pronounced constitutional and legal content associated with the formation of the foundations of the worldview of Russian youth on the basis of traditional Russian values. It is substantiated that the youth of Russia acts as an independent subject of constitutional and legal relations to strengthen the sovereignty of Russia as a new goal of youth policy. At the same time, the implementation of such new directions of youth policy as patriotic and spiritual and moral education of young people, the protection of their rights and legitimate interests are assessed in a positive aspect as conditioned by the modern socio-political context and contributing to ensuring the national security of Russia.

Keywords: *youth, youth policy, strategy for implementing youth policy, national security, sovereignty, youth rights, protection of legitimate interests of youth, traditional values, youth policy infrastructure, patriotic education, spiritual and moral values, patriotism, ideology, worldview, constitution, subject of constitutional and legal relations.*

Актуальность темы исследования. В современном мире, переживающем глобальные изменения, в условиях изменившихся геополитических реалий перед Россией встают сложные вызовы по укреплению своей суверенной государственности, проведению самостоятельной внутренней и внешней политики по сохранению экономической устойчивости в условиях санкционного давления, защите национальных интересов и приоритетов развития от внешних угроз, обеспечению высокого качества жизни и благополучия российских граждан. Процветание России как сильной державы, гарантирующей реализацию конституционных прав и свобод граждан, гражданский мир и согласие, сохраняющей традиционные российские духовно-нравственные идеалы возможно только при активном участии молодежи, молодого поколения, определяющего будущее нашей страны. В Российской Федерации молодежь составляет более 40 млн человек, и, несмотря на демографические проблемы, численность молодых граждан увеличивается. Как отметил Президент России В.В. Путин, таланты и достижения молодежи в самых разных сферах будут прямо влиять на развитие России, а их устремления и помыслы, понимание Отечества, значимости его тысячелетней истории, ценности и традиций, преданности Родине, будут определять ее будущее [1].

На достижение этих целей направлены новеллы Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон о молодежи) [2], связанные с формированием системной молодежной политики в рамках национальных целей развития Российской Федерации по воспитанию социально ответственной и патриотичной молодежи России [3]. Указанные законодательные новеллы имеют важное конституционно-правовое значение в рамках определения особой конституционной роли российской молодежи в развитии Российской Федерации как социального, демократического государства на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и укрепления национального суверенитета России. Как писал известный исследователь молодежной политики И.М. Ильинский, молодой человек и молодежь – это прежде всего носители ценностей, которые в них сокрыты [4, С. 46].

Анализ научных исследований. Молодежь, государственная молодежная политика является объектом исследования социологических, политологических, правовых наук. Отдельные аспекты указанной тематики исследовали И.С. Алехина, И.М. Ильинский, В.В. Комарова, А.В. Кочетков, В.А. Луков, Т.К. Ростовская, Р.И. Тимофеева, Т.В. Шелудякова. Между тем, новое законодательное регулирование ключевых аспектов современной молодежной политики нуждается в правовом анализе с целью выявления его эффективности в решении задач, стоящих перед российским обществом и государством в изменившихся геополитических условиях.

Цель исследования – проанализировать новеллы действующего законодательства и обозначить трансформацию регулирования молодежной политики, ее целей, а также основных направлений как средства укрепления национального суверенитета перед лицом современных вызовов и угроз.

Изложение основного материала. Во-первых, *молодежная политика получает новое конституционно-значимое целеполагание, что нашло отражение в ее легальном определении:* теперь, согласно п. 4 ст. 2 Закона о молодежи, молодежная политика понимается как комплекс разнообразных мер, осуществляемых на основе межведомственного взаимодействия органов публичной власти при участии институтов гражданского общества, юридических лиц, российских граждан, и направленных на создание условий для развития молодежи, защиты ее прав и законных интересов, а также ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на патриотическое воспитание молодежи и духовно-нравственное воспитание молодежи *в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации,*

укрепления суверенитета Российской Федерации и традиционных российских духовно-нравственных ценностей (выделено мной – Ю.Т.).

Важность указанной новеллы заключается, во-первых, в том, что в рамках молодежной политики задача по обеспечению суверенитета российского государства, его устойчивого развития, теперь увязывается с укреплением российских духовно-нравственных ценностей. Еще до внесения указанных изменений в Закон о молодежи на исключительную важность выстраивания приоритетных целей, учитывающих не навязанные ложные, а национальные ценности как конституционной основе молодежной политики [5, С. 7], балансе между суверенитетом государства, его устойчивым и безопасным развитием, правами человека как высшей ценностью обоснованно обращала внимание профессор В.В. Комарова. Традиционные российские ценности – жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, крепкая семья, созидательный труд, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память [6] лежат в основе гражданской идентичности и выступают основой российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет России, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, носителем которого является прежде всего российская молодежь. Согласно социологическим данным ВЦИОМ за 2024 год, абсолютное большинство российских молодых граждан разделяет указанные ценности.

Поэтому новое легальное определение молодежной политики ключевыми субъектами, реализующими молодежную политику как часть общенациональной, теперь обозначает молодежь, молодые семьи, молодежные общественные объединения, что знаменует отход от прежней позиции, в рамках которой главенствующая роль отводилась прежде всего органам публичной власти. В юридической науке указанная характеристика молодежи как особого субъекта правоотношений определяется как «субъект-объектная двойственность» [7, С. 9].

В ранее действующих правовых актах, таких как Основы государственной молодежной политики Российской Федерации от 2014 года, государственная молодежная политика понималась прежде всего как одно из направлений деятельности государства, включающее в себя систему разнообразных мер [8]. Действующий закон использует более широкое понятие – «молодежная политика», что отражает трансформацию концептуального наполнения данной категории: если ранее ее содержание предполагало исключительно деятельность Российской Федерации как государства в лице соответствующих органов, то новое понимание предполагает комплексное активное участие различных субъектов, институтов гражданского общества – граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, общественных объединений, Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых», государственных и муниципальных учреждений, органов молодежного самоуправления, ранее рассматривавшихся прежде всего как объект воздействия со стороны государства.

Это делает молодежь соавтором социально-политических решений, придает ей новую роль активного участника созидательной деятельности в интересах молодых граждан, общества и государства. В этой связи законодателем большое внимание уделяется, например, развитию разнообразных форм молодежного участия [9, С. 90]. Так, законодательной новеллой является закрепление в п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона о молодежи такой отдельной формы участия как формирование органов молодежного самоуправления при органах публичной власти, установление их открытого перечня, а также права молодых граждан получать консультационную, методическую и информационную поддержку от органов публичной власти по вопросам создания и обеспечения функционирования молодежных общественных объединений и др. Важность новеллы заключается в том, что существующая активная практика участия молодежи в принятии общественно-политических решений в рамках понятия «молодежный парламентаризм» теперь приобретает более универсальное и комплексное правовое регулирование, охватывает деятельность не только молодежных парламентов, но и молодежных правительств, молодежных избирательных комиссий, молодежных советов, форумов и т.д. Подобная практика имеет общегосударственное

значение; согласно статистическим данным, организационная структура молодежного участия на сегодня насчитывает более 46 тыс. органов молодежного самоуправления, охватывающих своей деятельностью более 2,1 млн. представителей молодого поколения [10].

Таким образом, законодательные новеллы закрепляют *статус молодежи как самостоятельного субъекта конституционно-правовых отношений* по эффективной реализации молодежной политики как части государственной политики в рамках общенационального развития страны, с деятельностью которого связывается укрепление суверенитета, обеспечение национальной безопасности России.

В п. 19 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства, а в п. 25 национальными интересами по сбережению народа России определяется укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России [11].

В этой связи важными новеллами Закона о молодежи являются *три новых направления молодежной политики*: 1) патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, 2) формирование у молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей неприятия идеологий терроризма, экстремизма, иных деструктивных идеологий, а также формирование устойчивости к их пропаганде, 3) обеспечение защиты прав и законных интересов молодежи (п. 1–4 ч. 1 ст. 6). Идейную роль в процессе их реализации призвана сыграть Конституция Российской Федерации как Основной закон российского государства и общества, определяющая базовые мировоззренческие ценности российского государства и общества, такие как «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость», «благополучие и процветание России», «ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями», «сохранение памяти предков», «обеспечение исторической правды» (ст. 67.1 Конституции РФ). Как верно отмечает О.С. Рыбакова, ценности, цели российской Конституции воплощают в себе большой нравственный, идеологический и воспитательный потенциал [12, С. 53].

В развитие указанных конституционно-правовых норм Законом о молодежи вводятся *два новых легальных понятия* – патриотическое воспитание молодежи и духовно-нравственное воспитание молодежи (п. 4.1 и п. 4.2 ст. 1), имеющих важное конституционно-правовое значение содержание. Духовно-нравственное воспитание молодежи определяется как совокупность скоординированных мер, реализуемых органами публичной власти и иными субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики, по формированию у молодых граждан *мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей (выделено мной – Ю.Т.)*, в целях решения задач по их защите, сохранению и укреплению в молодежной среде, формированию у молодежи высоких нравственных качеств, уважения к историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации.

Новеллой является качественно новое конституционное измерение и переосмысление целевых установок воспитания как деятельности, изначально нацеленной на личностное развитие и удовлетворение образовательных запросов индивида (п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации») [13]. В рамках патриотического воспитания молодежи оно трансформируется в системообразующий общественно-политический фактор, выполняющий интегративную функцию на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, на мировоззренческом уровне консолидирующий молодежь в качестве самостоятельного целостного субъекта. Иными словами, в рамках молодежной политики наблюдается системное и целенаправленное формирование у молодых граждан основ идеологического мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указанную тенденцию следует оценить как позитивную, развивающую аксиологический потенциал Конституции Российской Федерации, а также частично решающую задачу обозначения системы общественно-

политических ценностей российских граждан. Верной является позиция профессора С.А. Авакьяна, высказанная в отношении идейных основ российского государства, о необходимости для личности увязывать свои убеждения с идейными основами государства и общества [14, С.19].

При этом такие новеллы не могут рассматриваться как противоречащие положениям Конституции РФ о запрете обязательной идеологии (ст. 13 Конституции РФ), напротив, обеспечение прав человека как высшей ценности в демократическом государстве означает, что государство гарантирует и защищает духовные ценности своих граждан от идеологий, наносящих вред интересам общества и государства. Позволим не согласиться с мнением Е.Г. Афанасьевой, оценивающей судебную практику по делам об отказе, отзыве прокатных удостоверений на фильмы, в названии которых содержатся выражения, идущие вразрез с общепринятыми нормами стыда, морали и нравственности, принятыми в цивилизованном обществе, как неоправданное препятствование доступу зрителей к культурным ценностям, а сам институт прокатных удостоверений как противоречащий Конституции РФ и подлежащий отмене [15, С. 65]. Как правильно отмечают ученые, информационная война, развязанная в настоящее время против России, ведется весьма изощренными методами: от неприкрытой агрессии и необоснованного, демонстративного очернения российской политики, идеологии, науки и образования, товаров и услуг, до тонкого использования манипулятивных технологий, способных заставить участников правоотношений вести себя в ущерб своим истинным интересам и потребностям в угоду субъектов манипулятивного воздействия [16, С. 66]. Поэтому обоснованным видится внесение в июле 2025 года изменений в законодательство в части установления обязанности владельца аудиовизуального сервиса не допускать распространение аудиовизуальных произведений, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующие их отрицание (п. 9 ч. 1 ст. 10.5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [17], что также будет являться основанием для отказа в выдаче прокатного удостоверения (ст. 5.1 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации») [18].

Граждане России, и прежде всего молодежь, как наиболее восприимчивая часть социума, находятся под ударом деструктивных информационных и инфраструктурных воздействий, таких как подстрекательство к самоубийству, чейлдфри, пропаганда и культивирование социальных перверсий (квардроберство и т.д.), криминальной контркультуры, распространение агрессивных религиозных культов, поощрение употребления наркотиков и иных разнообразных, на первый взгляд несвязанных между собой явлений, элементов, которые в целом системно внедряют идеологии антигуманизма, «расчеловечивания», итог которых – разрушение человека как мыслящей созидательной личности, разрушение общества и государства. И противостоять этому необходимо также системно, поэтому верным направлением законотворческой работы видится обозначенная вице-спикером Государственной Думы Анной Кузнецовой работа над законодательной инициативой о запрете пропаганды среди детей деструктивных идеологий в целом [19].

На сегодня важный вклад в противостояние антигуманным идеологиям, наносящим вред молодому поколению, вносят правоохранительные органы – суды, органы прокуратуры. Так, в июле 2025 года по иску Генеральной прокуратуры РФ, поддержанном Минюстом РФ, Верховный суд РФ признал экстремистским и запретил деятельность «Международного движения сатанизма» [20], последователи которого, в том числе сатанистская секта «храм сатаны», официально зарегистрированная в США, публично призывают к экстремизму, уничтожению храмов, ритуальным убийствам, а также участвуют в антироссийских действиях – поджогах релейных шкафов на железной дороге, диверсиях, вовлекая в совершение преступлений молодых граждан Российской Федерации. Новым современным вызовом исследователи называют также существенное воздействие на молодежь информационных технологий, в том числе проблемы дезинформации, киберугрозы, хакерские атаки, утечки данных. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование

общества XXI века, отмечает профессор Н.Е. Таева, является революционным вызовом, ведущем к формированию в нормативном и доктринальном поле новой концепции прав человека [21, С. 61].

Поэтому своевременным и важным закреплением в качестве основного направления молодежной политики видится обеспечение защиты прав и законных интересов молодежи (п. 4 ч. 1 ст. 6 Закона о молодежи). В реализации указанного направления прослеживаются такие черты молодежной политики как ее дифференцированный и интегрированный характер [22, С. 30]. Так, в Российской Федерации учитываются специфические потребности и интересы каждого возрастного периода молодого гражданина, разрабатываются способы защиты прав и законных интересов различных социально-демографических групп молодежи (обучающихся, молодых ученых, молодых предпринимателей, молодежи, проживающей в сельской местности, молодых инвалидов, молодых родителей и т.д.). Например, молодые семьи до 35 лет имеют право на получение социальных выплат на приобретение (строительство) жилья в рамках действующей программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» [23], молодые предприниматели могут пройти обучающую программу «Росмолодежь. Предпринимай» или стажировку по программе «Больше, чем работа» на крупнейших предприятиях страны, получить базовые профессиональные компетенции и т.д. В то же время, защита прав и законных интересов молодежи является неотъемлемой составной частью государственной политики по реализации конституционных прав, свобод и законных интересов граждан во всех сферах общественной жизни, становлению России как социального, правового, суверенного государства.

В этой связи целесообразной новеллой видится законодательное определение в новой статье 7.1 Закона о молодежи форм деятельности некоммерческих организаций по реализации молодежной политики как инструментов социального партнерства между государством и молодыми гражданами. Важность этой новеллы заключается в том, что участие в их деятельности формирует у российской молодежи социально значимые качества – гражданственность, ответственность, и в то же время является эффективным способом решения актуальных социальных запросов, потребностей общества. Формат деятельности некоммерческих организаций теперь предполагает реализацию различных проектов и программ по основным направлениям молодежной политики, создание условий для развития трудовой, общественно значимой и творческой активности молодежи, осуществляемых при активной поддержке государства.

В России активно функционируют такие всероссийские общественные организации как «Всероссийский студенческий корпус спасателей», «Ассоциации студенческих спортивных клубов», «ВОЛОНТЕРЫ ПОБЕДЫ» и т.д. Такие формы объединения, как отмечают исследователи, адаптируют молодежь к современным быстро изменяющимся социально-экономическим условиям и способствуют ее включению в структуры гражданского общества [24, С. 33]. Примером гибкого сочетания интегрированного и дифференцированного подходов в реализации молодежной политики является деятельность Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых», которое выступает эффективным механизмом взаимодействия между государством и молодежью, охватывающим представителей различных возрастных групп молодых граждан (от 6 до 25 лет) с учетом их специфических социально-возрастных особенностей.

Вывод. Сказанное позволяет заключить, что новеллы законодательства о молодежной политике совершенствуют правовое регулирование указанной сферы в соответствии с современным социально-политическим реалиями и интересами молодого поколения и способствуют укреплению суверенитета России. При этом реализация заложенного новым правовым регулированием потенциала требует дальнейшего создания инфраструктуры, специализированных организационно-правовых форм патриотического и духовно-нравственного воспитания российской молодежи, защиты их прав и законных интересов.

Список литературы

1. Владимир Путин на Госсовете назвал молодежную политику стратегически важной темой. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16665365> (дата обращения: 09.02.2026).
2. Федеральный закон от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации» № 489-ФЗ (ред. от 23.07.2025). – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510608&dst=0&edition=etD&rnd=JjUnHg#YCV0kFVAg3idoL17> (дата обращения: 03.04.2026).
3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» № 309. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=475991&cacheid=720631B38BB1B3C54B3FC92FC6E1879A&mode=splus&rnd=JjUnHg#8hv4kFVAAPW90FvB> (дата обращения: 03.04.2026).
4. Ильинский, И.М. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация / Послесл. В.А. Лукова. – М.: Терра, 2016. – 672 с. – (Серия «Отечественная мысль новой и новейшей истории»). ISBN 978-5-237-00203-1. – Текст : непосредственный.
5. Комарова, В.В. Социальная государственность: риски и современные механизмы реализации молодежной политики // Конституционно-правовой статус молодежи и приоритеты молодежной политики: российский и зарубежный опыт : монография / под общ. ред. В.В. Комаровой. – Москва : Проспект, 2023. – 208 с. – ISBN 978-5-392-38942-1. – Текст : непосредственный.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=528090&cacheid=1AD6107BD8264A9D36DB8C5DDEE91B27&mode=splus&rnd=JjUnHg#z3W5kFVXBSShZK5> (дата обращения: 03.04.2026).
7. Шелудякова, Т.В. Государственная молодежная политика в России и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... кандидата юридических наук. – Воронеж, 2017. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/search#t=X&col=autoref&col=disser&l=570&q=шелудякова%20т.в.> (дата обращения: 03.04.2026).
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ, 15.12.2014, № 50, ст. 7185 (утр. силу).
9. Тороп, Ю.В. Правовые и организационные основы молодежного участия и молодежного самоуправления / Ю.В. Тороп // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 4(34). – С. 90-101.
10. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» № 2233-р. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=504976&cacheid=BBECB0A55883500C59C033B91D920B08&mode=splus&rnd=JjUnHg#rvF7kFVOyZlaviNV1> (дата обращения: 03.04.2026).
11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389271&dst=0&edition=etD&rnd=JjUnHg#oZz7kFVMmII035JV> (дата обращения: 03.04.2026).
12. Рыбакова, О.С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодежи / О.С. Рыбакова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 5. – С. 53-59.
13. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&>

base=LAW&n=528383&dst=0&edition=etD&rnd=JjUnHg#DYn8kFV6CAOtgVV (дата обращения: 03.04.2026).

14. Авакьян, С.А. Статус человека и гражданина: необходимы конституционные уточнения / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 8. – С. 19-22.
15. Афанасьева, Е.Г. Вот такое кино: российская цензура под маской прокатного удостоверения / Е.Г. Афанасьева // Предпринимательское право. 2020. – № 4. – С. 61-65.
16. Адамянц, С.Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики / С.Т. Адамянц // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1(150). – С. 61-68.
17. Федеральный закон от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511583&dst=100016&edition=etD&rnd=JjUnHg#efKAkFVK07tt2iAw> (дата обращения: 03.04.2026).
18. Федеральный закон от 22.08.1996 «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» № 126-ФЗ. – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511246&dst=1000000001&cacheid=AF556F1A8FF96EC0C9C1CA8E37A768D2&mode=splus&rnd=JjUnHg#bbq9kFViIwZiCa6q1> (дата обращения: 03.04.2026).
19. Названы три деструктивные идеологии для России. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/10/18/lgbt-chayldfri-kvadrobing-nazvany-tri-destruktivnye-ideologii-dlya-rossii.html> (дата обращения: 25.02.2026).
20. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/massmedia/news?item=106112734> (дата обращения: 28.02.2026).
21. Таева, Н.Е. Достойный уровень жизни в эпоху цифровизации: новые стандарты и вызовы / Н.Е. Таева // Право между Востоком и Западом. – 2025. – № 2. – С. 54-65.
22. Тороп, Ю.В. Интегрированный и дифференцированный подходы в регулировании молодежной политики в Российской Федерации / Ю.В. Тороп // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2025. – № 1. – С. 30-33.
23. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 (ред. от 12.07.2025) № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». – URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=509977&cacheid=886BA15BAA0876B0CD427E677900AF29&mode=splus&rnd=JjUnHg#UMJBkFV0nnjr3H4Z> (дата обращения: 03.04.2026).
24. Саенко, Л.В. О формах правового участия социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации государственной семейной и молодежной политики: на примере Саратовской области / Л.В. Саенко, Е.С. Мичурина // Гражданское право. – 2022. – № 6. – С. 31-34.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.251.2

ПОНЯТИЕ ВЛАДЕНИЯ И ЕГО ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ КИТАЯ, ГЕРМАНИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Дарья Дмитриевна Климанова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)
(e-mail: udoddasha@yandex.ru)

В статье на примере гражданского законодательства России, Германии и Китая анализируются подходы к проблеме защиты владения в современном экономическом обороте. Устанавливается, что институт владения в зависимости от правопорядка имеет свой путь развития. Несмотря на то, что предлагаемые к изменению положения или принятые изменения гражданского законодательства России и Китая во многом вдохновлены положениями Германского гражданского уложения, есть отличия в закреплении норм о владении и его защите, обусловленные особенностями исторического развития гражданского законодательства рассматриваемых стран.

Ключевые слова: владение, защита владения, фактическое владение, добросовестное владение, недобросовестное владение, передача владения, владельческий иск.

THE CONCEPT OF POSSESSION AND ITS PROTECTION IN CHINA, GERMANY AND RUSSIA CIVIL LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS

Klimanova, D.D.

The article analyzes approaches to the problem of protecting possession in modern economic transactions using the example of civil legislation in Russia, Germany, and China. It establishes that the institution of possession follows distinct developmental paths depending on the legal system. Although the proposed or enacted amendments to the civil legislation of Russia and China are largely inspired by the provisions of the German Civil Code, there are differences in the codification of norms regulating possession and its protection, stemming from the unique historical development of civil legislation in the respective countries.

Keywords: possession, protection of possession, actual possession, transfer of possession, bona fide possession, mala fide possession, possessory action.

Действующий ГК КНР является одним из самых молодых кодифицированных актов гражданского права в мире. Китайский законодатель имел возможность учесть опыт действующих кодификаций, в том числе и российский. Как указывается в доктрине, при составлении ГК КНР в качестве советников были приглашены немецкие правоведы, и в целом существует тенденция при формировании и изменении гражданского законодательства Китая использовать в качестве образца гражданское законодательство Германии¹. Поэтому интересно узнать, какие конструкции зарубежного права законодатель КНР взял за основу при

¹ Чэнь Ш. Принцип разделения в механизме передачи вещного права в Китае // Правоведение. – 2023. – Т.67. – № 3. – С.343-374 (с. 355).

составлении своего Гражданского кодекса, как их трансформировал, а какие решил и вовсе не включать в правовую ткань. Проанализируем этот путь на примере института владения и защиты владения.

Институт владения имеет давнюю историю и берет свое начало в Римском праве, развиваясь в период Средневековья и далее видоизменяясь в современные институты владения. На протяжении своего исторического развития владение представляло собой господство лица над вещью, а трансформировалось лишь понимание содержания такого господства.

Представляется самобытным решение китайского законодателя расположить нормы о владении в самом конце Книги II ГК КНР², посвященной вещным правам, так как традиционно с изложения положений о владении и защите владения начинаются нормы, касающиеся вещных прав.

Так в Германском гражданском уложении (далее по тексту – ГГУ) владение является самостоятельным институтом, который открывает Книгу 3 «Вещное право» части 1 ГГУ³. В § 854 ГГУ указано, что владение вещью приобретается достижением фактического господства над ней. За счет установления владения как фактического господства над вещью и исключения необходимости владельцу иметь волю на владение в Германии был расширен круг владельцев, владеющие субъекты были разделены на непосредственных и опосредованных в зависимости от факта обладания.

ГК КНР не перенял это решение. Следует отметить консервативность подхода китайского законодателя при закреплении положений о владении и защите владения во вновь принятом ГК КНР, так как они в действительности не претерпели изменений в процессе реформы, похожие правила содержались в ст. 241-245 Закона КНР «О вещных правах»⁴. В действующем ГК КНР под владением понимается:

1) правомочие по осуществлению права на вещь (占有): владеть вещью – значит фактически иметь власть над нею, обладать ею, для осуществления других правомочий: пользования или распоряжения;

2) добросовестное владение (善意占有人) и недобросовестное владение (恶意占有人);

3) фактическое владение (占有).

Указанная система схожа с системой понимания владения в российском праве, так как согласно действующему ГК РФ⁵ владение представляет собой правомочие собственника или обладателя вещного права, фактическое владение входит в юридический состав необходимый для возникновения права собственности, защиты добросовестного давностного приобретателя.

Право собственности в любой правовой системе является самым широким по объему вещным правом. Наряду с ним в ГК КНР закреплены следующие ограниченные вещные права: право хозяйственного подряда на земле (土地承包经营 Глава 11 ГК КНР), право использование земли под строительство (建设用地使用权 Глава 12 ГК КНР), право на использование земли под жилой сектор (宅基地使用权 Глава 13 ГК КНР), право проживания (居住权 Глава 14 ГК КНР), сервитут (地役权 Глава 15 ГК КНР), право ипотечного залога (抵押权 Глава 17 ГК КНР), право ручного залога (质权 Глава 18 ГК КНР), удержание (留置权 Глава 19 ГК КНР).

² Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (中华人民共和国民法典) // URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE3MjlkMWVmZTAxNzI5ZDUwYjVjNTAwYmY%3D> (дата обращения: 24.09.2025).

³ «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Закон КНР «О вещных правах» URL: https://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right (дата обращения: 06.10.2025).

⁵ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Передача владения традиционно входит в фактический состав, необходимый для перехода права собственности на движимую вещь. Такое правило содержится в § 929 ГГУ, ст. 223 ГК РФ и ст. 226 ГК КНР. Фактическая передача в Германии, в соответствии с § 930 ГГУ, может заменяться передачей опосредованного владения (*constitutum possessorium*), то есть соглашением, по которому покупатель становится посредственным владельцем, а продавец становится владельцем непосредственным, сохраняет вещь в фактическом владении. Похожее правило содержится в ст. 228 ГК КНР, если соглашением предусмотрено сохранение владения вещью за отчуждателем вещного права, то право собственности у приобретателя возникает с момента действия соглашения. В ст. 227 ГК КНР закреплён механизм передачи права собственности, похожий на тот, что установлен § 931 ГГУ, когда собственник уступает получателю право на истребование вещи у третьего лица – уступка притязания на выдачу вещи (*Abtretung des Herausgabeanspruchs*). Рассматриваемый институт неизвестен российскому праву. Передачи владения не требуется, если приобретатель уже владеет вещью, тогда для перехода права собственности достаточно заключения соглашения, такое правило установлено § 930 ГГУ, ст. 226 ГК КНР, п. 2 ст. 224 ГК РФ.

ГК КНР вслед за ГГУ и ГК РФ разграничивает понятия добросовестного владения (善意占有人) и недобросовестного владения (恶意占有人). При этом как германскому, вслед за ним и российскому гражданскому праву известен специальный способ защиты добросовестного давностного владельца (§ 1007 ГГУ и п. 2 ст. 234 ГК РФ), конструкция которого похожа на римский Публицианов иск в том, что истцом является именно добросовестный владелец вещи, ответчиком – лицо, которое приобрело вещь (кроме собственника или иного титульного владельца в соответствии с п. 2 ст. 234 ГК РФ; собственника, иного титульного владельца или более раннего добросовестного владельца в соответствии с § 1007 ГГУ). Подобный способ защиты добросовестного владения неизвестен ГК КНР. Причина отсутствия такого способа защиты заключается в условиях приобретения права собственности добросовестным владельцем (受让人). В ст. 311 ГК КНР содержатся правила о добросовестном приобретении, в соответствии с которыми право собственности у приобретателя вещи в случае ее отчуждения неуправомоченным лицом возникает при наличии следующих условий: 1) добросовестность приобретателя; 2) разумность цены, переданной приобретателем неуправомоченному отчуждателю в счет оплаты по договору; 3) осуществление фактической передачи владения вещью добросовестному приобретателю. В отличие от установленных правил, российское законодательство для приобретения добросовестным владельцем права собственности на вещь предусматривает признак давности, то есть владение вещью в течение 5 лет для движимых и 15 – для недвижимых вещей. В отсутствии признака давности в ГК КНР утратилась необходимость и в закреплении правил о защите добросовестного давностного владельца, так как добросовестный владелец приобретает право собственности при наличии перечисленных условий, без этапа ожидания, сразу при передаче ему вещи неуправомоченным отчуждателем.

В ГК КНР добросовестное и недобросовестное владение разграничивается для целей взыскания собственником или иным титульным владельцем у ответчика по виндикационному иску доходов от пользования вещью, а также компенсации, связанной с существенным ухудшением или гибелью вещи (ст. 459, ст. 460, ст. 461 ГК КНР). Наиболее подробно размер и порядок взыскания выгод, полученных владельцем виндицируемой вещи, установлен в ГГУ, ни ГК РФ, ни ГК КНР не переняли следующих правил. Согласно § 987-990 ГГУ с момента возбуждения судебного производства добросовестный владелец всегда возмещает выгоды, которые он получил от пользования вещью, а также убытки, которые возникли вследствие того, что по его вине вещь ухудшилась или погибла. При этом, если владелец не получил выгод по его вине, которые должны были быть получены при обычном использовании вещи, такие выгоды также подлежат возмещению. Выгоды, которые добросовестный владелец получил до возбуждения судебного производства, владелец возмещает в случае, если он получил вещь безвозмездно, но при этом получал прибыль от пользования ею.

Добросовестный владделец должен передать извлеченные плоды, которые в соответствии с ГГУ не рассматриваются в качестве дохода от пользования вещью.

Недобросовестный владделец возмещает все полученные им выгоды от использования вещи, а также убытки, которые возникли вследствие того, что по его вине вещь ухудшилась или погибла с момента завладения вещью, добросовестный изначально владделец, но впоследствии узнавший об отсутствии основания для владения отвечает за убытки и возмещает выгоды с момента, когда он узнал об отсутствии правомочия на владения вещью. В случае, если владделец приобрел владение от опосредованного владельца, то он возмещает выгоды только если опосредованный владделец также был недобросовестным, либо если в отношении опосредованного владельца также возбуждено судебное производство.

В ГГУ § 994-996 устанавливаются подробные правила, регулирующие возмещение расходов собственником вещи владельцу. Расходы владельца разграничиваются на необходимые затраты (к необходимым затратам относятся также налоговые издержки), обременения (специфические налоговые издержки, которые обременяют основную стоимость вещи) и полезные затраты. Обычные расходы, которые понес владделец, если в это же время он получал выгоды от использования вещи, не подлежат возмещению собственником. При этом, если владделец при приобретении действовал недобросовестно или если он осуществил расходы после возбуждения судебного разбирательства по поводу вещи, то собственник может возместить такие расходы по правилам о ведении чужого дела без поручения.

Полезные затраты – это расходы, которые не являются необходимыми и могут возмещаться собственником только если они были произведены владельцем до того, как владделец узнал об отсутствии основания владения вещью или до возбуждения судебного разбирательства.

Кроме того, у владельца, согласно § 997 ГГУ, есть право отделить свою вещь, которая стала существенной составной частью истребуемой у владельца собственником вещи, при это такое изъятие исключается, если владделец не может требовать возмещения расходов в связи с получением им выгод от использования вещи, а также, если такое изъятие не принесет ему пользы. Владделец может требовать не только возмещения расходов, которые он осуществил, но и расходов, произведенных прежним владельцем. Право требовать возмещения расходов владельца обеспечивается правом на удержание, в соответствии с которым он не обязан возвращать вещь собственнику до возмещения расходов.

В отличие от описанных подробных правил ГГУ, законодатель КНР ограничился указанием на то, что недобросовестный владделец возмещает собственнику любой ущерб, причиненный вещи в результате ее использования, а также передает собственнику плоды и доходы, полученные в результате пользования вещью, и кроме того – страховое возмещение, компенсации, полученные в связи с гибелью или повреждением вещи, причитаются также собственнику. Собственник, согласно ст. 460 ГК КНР обязан возместить расходы, понесенные владельцем в связи с обеспечением сохранности вещи. ГК РФ в ст. 303 устанавливает правило о том, что недобросовестный владделец должен возместить собственнику все доходы, извлеченные им за время владения, добросовестный – доходы, которые получил с момента, когда он узнал об отсутствии основания владения или с момента получения судебной повестки. Добросовестный и недобросовестный владделец вправе требовать возмещения затрат с того момента, когда собственник имеет право на возврат доходов. Добросовестный владделец вправе требовать возмещения произведенных улучшений, но не выше размера увеличения стоимости вещи. Таким образом, законодатели России и Китая не переняли подробные правила распределения доходов и расходов при виндикации вещи, установленные ГГУ, что нельзя оценить как положительный шаг, так как правоотношения по распределению доходов от пользования вещью или расходов на содержание таковой между собственником и владельцем являются относительными и обязательственными, но не предполагают наличие между сторонами договора, которым можно было бы восполнить пробелы правового регулирования, следовательно, отсутствие подробных правил распределения доходов и

расходов в результате использования вещью неуправомоченным владельцем может приводить к несправедливым решениям на практике.

Согласно ГК КНР и ГГУ защищается три вида владения: владение как правомочие собственника, владение иных титульных владельцев и фактическое владение. В отличие от этого – в ГК РФ исключительно защита владения как факта не предусмотрена, помимо защиты собственника и иных титульных владельцев отдельно установлен способ защиты добросовестного давностного владения. Правовая природа добросовестного давностного владения вызывает в доктрине большое количество споров. Дискуссия по этому вопросу является отдельным предметом изучения и подробно рассмотрена в доктрине⁶. Некоторые ученые придерживаются позиции, в соответствии с которой добросовестное давностное владение по ст. 234 ГК РФ имеет природу факта. К ним относятся Е.А. Суханов⁷, Л.Ю. Василевская⁸, К.И. Скловский⁹, Д.О. Тузов¹⁰, И.П. Кожокар¹¹, А.А. Рубанов¹². С указанной точкой зрения не согласны такие ученые как А.Д. Рудоквас¹³, Т.Н. Сафронова¹⁴, Г.А. Гаджиев¹⁵, которые считают добросовестное давностное владение субъективным вещным правом.

В России, Германии и Китае владение как правомочие собственника защищается посредством виндикационного иска, владение иных титульных владельцев защищается сходным образом. Под виндикационным иском в цивилистике понимают иск не владеющего вещью собственника к владеющему ею не собственнику об истребовании вещи из чужого незаконного владения. Право на виндикацию закреплено в ст. 235 ГК КНР, § 985 ГГУ, ст. 301 ГК РФ, возможность быть субъектом активной легитимации по виндикации предоставлена также титульным владельцам.

В Германии владелец обладает возможностью защитить свое владение во внесудебном порядке как самозащитой, так и в судебном порядке, предъявив владельческий иск. В Китае владельцу не предоставлена возможность самозащиты владения, но есть возможность предъявить владельческий иск. Конструкция владельческого иска установлена ст. 462 ГК КНР, § 861, 861 ГГУ. Владельческий иск представляет собой иск утратившего владение вещью лица к фактически владеющему вещью лицу о возврате вещи во владение или иск фактически владеющего вещью лица о прекращении действий лица, нарушающего или препятствующего владению ею. Владельческий иск обычно применяется в случае незаконного выбытия (утраты) вещи, препятствования или нарушения фактического владения ею. В Китае и Германии

⁶ См. об этом: Сеницын С.А. Владение и владельческая защита в гражданском праве государств континентальной Европы; Рудоквас А.Д. Пункт 2 статьи 234 ГК РФ: Публицианов иск или владельческая защита? // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. – №№ 11, 12 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Суханов Е.А. К понятию вещного права // «Правовые вопросы недвижимости». – 2005. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс»; Суханов Е.А. Ограниченные вещные права в гражданском праве // Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М.К. Треушникова. – М., 2005. – С. 182.

⁸ Василевская Л.Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения // Цивилист. – 2011. – № 1. – С. 51-56 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Скловский К.И. Владение и владельческая защита // Право и экономика. – 2000. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции.

¹¹ Кожокар И.П. Институт фактического владения в гражданском праве РФ // Гражданское право. – 2015. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Рубанов А.А. Гл. 14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой: в 3 т. (постатейный) / Т.Е. Абова, З.С. Беляева, Е.Н. Гендзехадзе и др.; под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, – 2007. – Т.1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Рудоквас А.Д. Пункт 2 статьи 234 ГК РФ: Публицианов иск или владельческая защита?

¹⁴ Сафронова Т.Н. Проблема владения в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. – 2002. – С. 8-9.

¹⁵ Гаджиев Г.А. Раздел I, Глава I. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. – М.: Статут, – 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

владельческий иск представляет собой посессорный способ защиты, при его предъявлении истец не должен доказывать титул на вещь, следовательно, субъектом активной легитимации по владельческому иску всегда является фактический владелец вещи. Однако китайский законодатель, не переняв германский подход разделения владельцев на непосредственных и опосредованных, ограничил круг уполномоченных лиц на предъявление владельческого иска фактическими владельцами вещи, тогда как в Германии право на предъявление владельческого иска есть у опосредованного владельца.

В Германии ответчиком по владельческому иску является порочный владелец, а именно нарушитель или его правопреемник (§ 858 ГГУ). Согласно ст. 462 ГК КНР ответчиком может являться только порочный (самоуправно присвоивший вещь, вторгшийся в чужое владение 被侵) владелец, о правопреемниках в рассматриваемой статье речи не идет.

В Германии и Китае истребовать по владельческому иску можно движимую или недвижимую вещь (不动产或者动产). Необходимо отметить, что в ГК КНР нет четкого определения понятия недвижимости, но из толкования статей ГК КНР, посвященных вещным правам, можно сделать вывод о том, что правовой режим недвижимости распространяется на такие объекты, как земельные участки, здания, строения, сооружения, помещения (жилые и нежилые). В соответствии со ст. 209 ГК КНР установление, изменение, передача или прекращение прав на недвижимое имущество подлежит обязательной государственной регистрации.

В ГК КНР вслед за решением, установленным в ГГУ в содержание требования по владельческому иску включается: требование, вытекающее из лишения владения – о возврате утраченного владения (§ 861 ГГУ; 请求返还原物 ст. 462 ГК КНР); требование, вытекающее из препятствования владению (§ 862 ГГУ, 请求排除妨害或者消除危险 ст. 462 ГК КНР):

- об устранении препятствования в дальнейшем (в случае, когда препятствия создаются на момент предъявления иска);
- о воздержании от определенных действий (в случае, когда есть основание опасаться возникновения препятствования в будущем).

Условия удовлетворения рассматриваемого иска всегда зависят от выбора требования истцом. Если предъявляется требование о прекращении нарушения владения или прекращения препятствования владению, то истец должен доказать факт своего владения и фактические обстоятельства нарушения или препятствования владению вещь ответчиком. Если предъявляется требование о восстановлении владения, то истец должен доказать факт выбытия вещи из его обладания помимо его воли, а также фактические обстоятельства владения вещь истцом до нарушения.

В соответствии § 864 ГГУ и ст. 462 ГК КНР установлен короткий срок исковой давности, составляющий один год, причиной этому является оперативный и срочный характер владельческой защиты.

Конструкция владельческого иска не предусмотрена в действующем гражданском законодательстве РФ в отличие от того, как это установлено законодательством Германии и Китая. Планировавшаяся реформа вещных прав в России, получившая свое выражение в проекте Федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Проект)¹⁶ предусматривала включение в правовую ткань фактического владения и его защиты посредством самозащиты, защиты путем обращения к уполномоченным государственным органам, а также путем предъявления владельческого иска. Конструкция владельческого иска, предложенного Проектом к закреплению в ГК РФ во многом схожа с той, которая предусмотрена действующим гражданским законодательством Германии и Китая. Однако представленные Проектом предложения пока так и не были приняты.

¹⁶ Текст проекта см.: <https://privlaw.ru/codification/material-works/amendments-to-the-civil-code-of-rf/> (дата обращения: 24.09.2025)

Таким образом, понятие владения имеет сходства в законодательстве России и Китая, в Германии понятие владение отличается основной особенностью – разграничение владельцев на непосредственных и опосредованных. Значение факта владения для целей передачи права собственности и установление способов передачи права собственности в зависимости от передачи владения вещью схожим образом урегулировано в Германии и Китае. Защита добросовестного давностного владения имеет сходства в законодательстве России и Германии, тогда как в ГК КНР не устанавливается правил защиты добросовестного давностного владения ввиду исключения признака давности для возникновения права собственности в связи с добросовестным приобретением вещи. ГК РФ и ГК КНР, в отличие от ГГУ, не содержат подробных правил распределения доходов и расходов при виндикации вещи, что приводит к несправедливым решениям на практике, так как правоотношения по распределению доходов от пользования вещью или расходов на содержание таковой между собственником и владельцем, являются относительными и обязательственными, но не предполагают наличие между сторонами договора, которым можно было бы восполнить пробелы правового регулирования. Владельческий иск известен гражданскому законодательству Китая и Германии, в указанных странах он сконструирован сходным образом, в России же подобная конструкция владельческого иска предлагалась к внесению в правовую ткань положениями Проекта. Сходства и отличия в правовом регулировании отношений по владению вещами и защиты владения обусловлены историческим развитием законодательства рассматриваемых стран.

Список литературы

1. Василевская, Л.Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения / Л.Ю. Василевская // Цивилист. – 2011. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кожокар, И.П. Институт фактического владения в гражданском праве РФ / И.П. Кожокар // Гражданское право. – 2015. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 1: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007 // СПС «Консультант Плюс».
4. Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. – М.: Статут, 2008 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Рудоквас, А.Д. Пункт 2 статья 234 ГК РФ: Публицианов иск или владельческая защита? / Рудоквас А.Д. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. – №№ 11, 12 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Сафронова, Т.Н. Проблема владения в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Саратов, 2002. – 234 с.
7. Сеницын, С.А. Владение и владельческая защита в гражданском праве государств континентальной Европы / С.А. Сеницын. – М.: Статут, 2012 // СПС «Консультант плюс».
8. Скловский, К.И. Владение и владельческая защита «Право и экономика» / К.И. Скловский. – 2000. – №2 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Суханов, Е.А. К понятию вещного права / Е.А. Суханов // «Правовые вопросы недвижимости». – 2005. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Суханов, Е.А. Ограниченные вещные права в гражданском праве // Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2005. – 464 с.
11. Тузов, Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д.О. Тузов. – М.: Статут, 2007 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Чэнь, Ш. Принцип разделения в механизме передачи вещного права в Китае / Ш. Чэнь // Правоведение. – 2023. – Т. 67. – № 3. – С. 343-374.
13. Chinese Civil Law / ed. Bu. Yuanshi. Munchen : C.H. Beck; Hart; Nomos, – 2013. – 325 p.

УДК 347.447.51

СМЕШАННАЯ ВИНА ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРА: СТАТИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Олег Валерьевич Крысов, соискатель кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов)
(e-mail: femida43@mail.ru)

В статье обосновывается статистический способ разграничения случайного, неосторожного и умышленного причинения убытков; на основании данного метода определяется квота возмещения – то есть доля, до которой уменьшается размер возмещения убытков в пользу виновного кредитора. Раскрываются некоторые предположения, относящиеся к смешанной вине.

Ключевые слова: вина, вероятность, статистика, процесс, случай.

CONCURRENT FAULT OF DEBTOR AND CREDITOR: STATISTICAL INTERPRETATION

Krysov, O.V.

The article substantiates a statistical method for distinguishing between accidental, negligent, and intentional infliction of damages. Based on this method, it determines the compensation quota—the share by which the amount of damages is reduced in favor of the culpable creditor. It also explores certain assumptions related to concurrent fault.

Keywords: fault, probability, statistics, process, case.

Актуальность темы исследования. Доктрина и судебная практика затрудняются разграничить случайное и неосторожное причинение, простую и грубую неосторожность, грубую неосторожность и умысел. Не ясно, как обосновать размер возмещения убытков, присужденных в пользу виновного кредитора (ст. 404, 1083 ГК РФ).

Эти проблемы порождены старым методом познания – необходимой причинностью – который связан с именем Галилея, и оказался неэффективным для объяснения сложных правовых явлений. Однако начиная с Чарльза Дарвина происходит смена научных парадигм: вероятностное мышление постепенно заполняет «серые зоны» и дает ответы там, где не справляется классический детерминизм [1, С. 89] [2, С. 124, 153] [3, С. 184].

Целью исследования стало установление различных форм вины на основании объективной вероятности причинения убытков. В качестве частного следствия это позволило обосновать квоту возмещения¹ убытков в пользу виновного кредитора [4, С. 418]

Анализ научных исследований. В 1899 году И.А. Покровский связал стандарт невиновного поведения с подсчетом вероятностей («взвешиванием шансов случайностей») неблагоприятных последствий поведения: «каждый при определении своего поведения должен взвешивать все возможные шансы случайностей, от которых ни один шаг наш не застрахован, а от других людей мы можем требовать лишь одного – возможной для человека вообще осторожности и внимательности» [5, С. 23].

В 1928 году Я.М. Магазинер первым предложил определять вину с помощью частоты наступления неблагоприятных последствий [6, С. 361].

¹ Термин «квота возмещения» введен в научный оборот Т.М. Яблочковым.

К вероятностному объяснению смешанной вины прибегали О.С. Иоффе: должник создает возможность убытков, а кредитор превращает ее в неизбежность [7, С. 156], – а также А.Г. Быков: поскольку неизвестно, какую часть убытков причинила кредитору каждая сторона обязательства, должны быть установлены возможные причинные связи [8, С. 11].

Однако для практической реализации этих идей не хватало конкретики: значений вероятности, которые отграничивают случайное, неосторожное и умышленное причинение, и, как уже было сказано, не хватало артикулированной смены парадигм (условно она произошла вместе с первыми определениями Верховного Суда Российской Федерации о балансе вероятностей).

О смешанной вине защищено семь диссертаций: в Казанском университете – докторская диссертация Т.М. Яблочкова (1912); во Всесоюзном институте юридических наук (Москва) – кандидатские диссертации Б.С. Антимона (1944), К.К. Яичкова (1945), Ш.И. Будмана (1975); в Институте народного хозяйства им. Плеханова (Москва) – кандидатская диссертация М.Н. Львовой (1971); в Ленинградском государственном университете – кандидатская диссертация О.П. Павловой (1984) и в МГУ – кандидатская диссертация Г.А. Сударева (2025).

Последняя книга по данной теме написана 75 лет назад Б.С. Антимоновым в период действия ГК РСФСР 1922 года.

Изложение основного материала. В дореволюционной и советской доктрине гражданского права господствовала *психическая теория вины*: пороки воли означали умышленную форму вины, а пороки интеллекта – неосторожность. Неосторожная форма вины подразделялась на степени (простую и грубую неосторожность), которые могли сколь угодно градуироваться, прежде всего для сравнения вины должника и кредитора. Эта теория является материалистической, поскольку обращена к психике человека, то есть его природе [9, С. 37] [10, С. 27].

С принятием части первой ГК Российской Федерации прежнее понимание вины уступило место *объективной (оценочной) теории*, согласно которой судья сам моделирует стандарт осмотрительности: поведение среднего участника оборота, в тех или иных обстоятельствах, а затем соотносит поведение конкретного лица с этим стандартом. Средний участник оборота имеет групповые характеристики: возраст, образование, профессию, социальное положение и т.п. С учетом этих характеристик объективный масштаб вины дифференцируется для более справедливого разрешения спора.

Эта теория является идеалистической, поскольку «средний участник оборота» и «стандарт поведения» существуют не в реальности, а в сознании судьи [9, С. 38] [10, С. 27] [11, С. 102].

Отечественный цивилист и теоретик права Я.М. Магазинер предложил *статистическую интерпретацию*, которая интегрирует оба предшествующих подхода [6, С. 361]. С этой точки зрения вина зависит от того, насколько часто данное поведение в аналогичных обстоятельствах приводит к неблагоприятным последствиям: случайное причинение стремится к нулевой вероятности, а необходимое – к 100%.

Поскольку от случайного до необходимого находится весь спектр вероятностей, по этому признаку можно отграничить случайное, неосторожное и умышленное причинение.

Качественными характеристиками вины являются её формы и степени, а количественными – частота наступления неблагоприятных последствий. Между ними есть диалектическая взаимосвязь: количество (увеличение или уменьшение вероятности) переходит в качество (форму и степени вины) и наоборот. Связь качественных и количественных характеристик создает «меру», в данном случае – соразмерную ответственность за вину [12, С. 299] [13, С. 13, 32, 33].

Статистическая интерпретация интегрирует оба предшествующих подхода:

– сознание отражает бытие, следовательно, объективная вероятность убытков (бытие) отражается в психике, ее интеллектуальных и волевых моментах. В этом состоит связь статистической и психической интерпретации;

– статистика обобщает массовые явления и объективно способна выявить поведение среднего участника оборота с учетом его групповых характеристик. В этом состоит связь статистической и нормативной теорий вины.

Предметом статистики является взаимосвязь количественной и качественной сторон явлений [14, С. 6, 8], поэтому вина может быть установлена вероятностно-статистическим способом.

Статистически разграничить случайное, неосторожное и умышленное причинение можно с помощью практических установок людей по поводу результативности своих действий. Мы принимаем решение действовать так или иначе, взвешивая шансы на успех с учетом обстоятельств конкретной ситуации и своего предшествующего опыта. Эти установки определяют, считаем ли мы причинение случайным или нет, что отмечается в целом ряде гуманитарных наук: философии естествознания, филологии, цивилистике, процессуальном праве [15, С. 653] [16, С. 37] [17, С. 16, 27].

Филолог А.А. Мокрушина с помощью анкетирования выявила, что русскоязычные информанты различного возраста, пола и образования оценивают вероятность действий «на авось» в промежутке от 5 до 15% [18, С. 19].

Поскольку случайные и необходимые явления симметричны с точки зрения вероятности (случайное стремится к 0, а необходимое к 100%), то вероятность умышленного причинения может быть определена зеркальным отражением величин, относящихся к случайному причинению: $(100-15) - (100-5) = 85-95\%$. Исследования А.А. Мокрушиной подтверждают этот вывод: «понятие «нужно» оценено как необходимое на 80%. В среднем респонденты давали ответы, распределившиеся в промежутке от 90 до 100%» [18, С. 21].

Интуитивно ясно, что простая и грубая неосторожность разграничиваются на 50%. Этот вывод соответствует принципу «когда крайние позиции доказаны, то, что между ними, предполагается» (*probatis extremis, praesumitur media*) [19, С. 205]. Он также подтверждается основателем теории вероятностей Якобом Бернулли, который считал сомнительным и неопределенным то, что происходит с половинной вероятностью [20, С. 24]. Точно также различаются слова «можно» и «следует» с точки зрения представлений о вероятности, которые эти слова выражают [21, С. 111, 114, 116].

Междисциплинарный перенос представлений о вероятности из филологии в юриспруденцию возможен потому, что анкетирование является эмпирическим методом исследования, который выявляет установки людей в их практической деятельности, разумную оценку вероятности; обе гуманитарные науки имеют близкий предмет и стиль мышления, стремление к типизации лиц и ситуаций. Одним из аспектов их близости является риторика – искусство убеждать аудиторию в истинности вероятностных высказываний.

Таким образом, случайное причинение имеет вероятность от 0 до 15%, причинение с простой неосторожностью – свыше 15 до 50% включительно, с грубой неосторожностью – свыше 50 до 85%, умышленное причинение – свыше 85 до 100%.

Таблица № 1 «Вероятность случайного и виновного причинения»

Причинение убытков	Случайное причинение	Причинение при простой неосторожности	Причинение при грубой неосторожности	Умышленное причинение
Вероятность причинения	До 15 %	Свыше 15 до 50%	Свыше 50 до 85%	От 85%

Данные значения обладают (и обусловлены) свойствами зеркальной симметрии, простоты и эстетической привлекательности [13, С. 25] [22, С. 37] [23, С. 238].

В конкретном споре вероятность убытков, с которой действовала виновная сторона, может быть установлена заключением судебной *статистической экспертизы*. При этом правовой вопрос о виновности относится к компетенции судьи, а фактический вопрос о

вероятности неблагоприятных последствий – к компетенции судебного эксперта. Эксперт как специалист в области науки руководствуется объективной вероятностью. Судья, оставаясь в области искусства доброго и справедливого, оценивает доказательства в их совокупности по своему внутреннему убеждению, то есть руководствуется субъективной вероятностью того вывода, который можно сделать из установленных обстоятельств по делу.

Таким образом, статистическая интерпретация вины не имеет ничего общего с теорией формальных доказательств [24, С. 50], при этом вносит большую определенность во взаимоотношения сторон, поскольку судья не может немотивированно отклонить заключение статистической экспертизы.

Эксперт обобщает эмпирические данные, следовательно, статистическая интерпретация вины имеет материалистический характер.

Смешанная вина возникает, если убытки кредитора причинены обеими сторонами и невозможно определить, какая их часть причинена должником, а какая кредитором. Поскольку размер возмещения невозможно определить на основании необходимой причинности, познание неизбежно обращается к вероятностному способу познания.

Зная границы вероятности, характерной для случайного, неосторожного и умышленного причинения, найдём *минимальные и максимальные квоты возмещения*.

Таблица № 2 «Максимальные и минимальные квоты возмещения»

Вина кредитора ²	Максимальная квота		Минимальная квота	
	Доля	%	доля	%
Умысел	17/37	46	3/23	13
Грубая неосторожность	2/3	66,6	3/20	15
Простая неосторожность	20/23	87	3/13	23

Поясним на примере. Пусть причинитель вреда действует умышленно с вероятностью последствий 100%, а потерпевший – с грубой неосторожностью с вероятностью, близкой к 50% (граница между грубой и простой неосторожностями). Тогда 2/3 (100/150) последствий будут приходиться на должника, а 1/3 (50/150) на кредитора. Максимальная квота возмещения составит 2/3 убытков.

Правильность расчета и исходных теоретических положений подтверждается практикой высших судебных инстанций, а также арбитражных судов Московского и Северо-Западного округов за 2002-2025 года, которые взыскивали в пользу потерпевшего, допустившего грубую неосторожность, как правило, не более 2/3 доказанного размера убытков.

До назначения экспертизы стороны могут принять во внимание некоторые *предположения*, касающихся смешанной вины:

а) предполагается равная вина должника и кредитора. Для этого обычно прибегают к аналогии нормы о равной вине нескольких причинителей вреда (пункт 2 статьи 1081 ГК РФ) [8, С. 10-11] [25, С. 131]. Однако есть более глубокое гносеологическое основание. Человеку свойственно предполагать равное соотношение неизвестных ему величин, то есть руководствоваться «принципом индифферентности», который считается ключевым в теории вероятностей [26, С. 259] [27, С. 47] [28, С. 11, 12]. Если неизвестно, какая часть убытков причинена кредитором, а какая должником, предполагается равенство причинения. Равновероятность причинения (элемента бытия) отражается в сознании как равновероятность их вины (элемента сознания);

б) предполагается грубая неосторожность³. Человеку свойственно прилагать минимально необходимые усилия для достижения своих целей, то есть руководствоваться

² Вариант с умыслом и простой неосторожностью имеет значение для договорного кредитора.

³ В договорных отношениях действует презумпция умысла [29], которая сформулирована не как обобщение наиболее вероятных следствий, а как распределение бремени доказывания, то есть

«принципом наименьшего действия», который считается ключевым в естествознании [30, С. 85] [31, С. 7] [32, С. 56].

Грубая неосторожность означает несоблюдение минимальных мер осторожности [33, С. 108] [7, С. 146]. Отступление от этого естественного стандарта поведения (необходимого минимума осторожности) означает вину в форме грубой неосторожности;

в) вина кредитора не опровергает презумпцию вины должника. Если вина кредитора доказана, то предположение о вине должника не считается автоматически опровергнутым. Действуя своей волей и в своем интересе, человек с большей вероятностью причинит убытки не себе, а другому лицу. Поэтому должна предполагаться вина должника, причинившего убытки кредитору, а не вина кредитора, причинившего убытки себе. Именно должник должен доказать случайность своего причинения.

Смешанная вина и просрочка кредитора. Норма пункта 3 статьи 405 ГК РФ может быть истолкована так, что просрочка кредитора полностью исключает вину должника. Однако возможны ситуации, когда в период просрочки кредитора для него наступают убытки, причинно связанные с действиями должника. В такой ситуации смешанная вина не исключается.

Вина кредитора и противоправность. В договорных обязательствах вина кредитора выражается в неисполнении кредиторских обязанностей, просрочке, выходе за допустимые пределы осуществления прав, неоказании содействия должнику (статья 10, часть 3 статьи 307, статья 406 ГК РФ). Такое поведение всегда противоправно.

Объем необходимого содействия кредитора для выяснения его невиновности также может быть определен статистически.

Содействие кредитора не должно приводить к переложению на него исполнения обязательства. Достаточно, чтобы сотрудничество кредитора приводило к исполнению обязательства не случайным образом, то есть с частотой выше 15%. Требовать большего должник не может – «закон неблагосклонен к желаниям привередливых людей» (*lex non favet votis delicatorem*) [19, С. 148].

В обязательствах из причинения вреда всё иначе: у потерпевшего вообще нет обязанности содействовать неограниченному кругу потенциальных причинителей вреда и предупреждать все возможные способы его причинения [34, С. 99]. Иное бы противоречило ряду самоочевидных истин: «закон не требует невозможного» (*ad impossibilia lex non cogit*), «законы помогают обманутым, а не обманщикам» (*deceptis non decipientibus, jura subveniunt*), «справедливо, чтобы никто не наживался на страданиях другого» (*aequum est neminem cum alterius detrimento fieri locupletiores*), «право не может возникать из правонарушения» (*jus ex injuria non oritur*) [19, С. 13, 16, 53, 138]. Следовательно, если кредитор не нарушает специального запрета, установленного законом, его действия во вред себе не являются противоправными.

Статистическая интерпретация вины не противоречит доктрине цивилистического процесса, поскольку:

- не имеет ничего общего с теорией формальных доказательств;
- вина всегда могла подтверждаться экспертизой возможных вариантов поведения в конкретной ситуации [35, С. 57, 68, 174];
- баланс вероятностей стал общим стандартом доказывания по гражданским делам [36]. В действительности, он существовал уже в советское время, потому что при недоказанности обстоятельств решение принималось против того, на ком лежит бремя доказывания – суд принимал вероятностное решение, устанавливая не объективную, а формальную истину по делу. Кроме того, широко использовались презумпции – наиболее вероятные высказывания о фактах [37, С. 182, 183, 189] [38, С. 660];

имеет не эмпирическое, а политико-правовое происхождение. Однако при подготовке к экспертизе в первую очередь нужно обратиться к эмпирии – закономерностям природы.

– в условиях неопределенного будущего человек действует, сравнивая текущую ситуацию со своим прошлым опытом. Значимый для этики и права выбор поведения делается по аналогии или индуктивно – в любом случае на основании вероятности [28, С. 7] [39, С. 259].

Выводы. Таким образом, статистическая интерпретация вины может быть реализована в судебном процессе, поскольку вероятностное мышление имеет для права фундаментальное стилеобразующее значение.

Список литературы

1. Дарвин, Ч.Р. О происхождении видов путем естественного подбора или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование / Ч.Р. Дарвин. – М.: тип. А.И. Глазунова, 1865. – 399 с.
2. Любарский, Г.Ю. Рождение науки: аналитическая морфология, классификационная система, научный метод / Г.Ю. Любарский. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 191 с.
3. Шноль, С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки / С.Э. Шноль. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 720 с.
4. Яблочков, Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков : Т. 1. / Т.М. Яблочков. – Ярославль : тип. Губ. правл., 1910. – 458 с.
5. Покровский, И.А. Возмещение вреда и разложение его. Дилеммы современного гражданского права в области ответственности за вред и убытки. Доклад в Киевском юридическом обществе / И.А. Покровский // Вестник права. – 1899. – кн. 9. – С. 1-39.
6. Магази́нер, Я.М. Советское хозяйственное право / Я.М. Магази́нер. – Ленинград : Касса взаимопомощи студентов Ленингр. ин-та нар. хоз-ва им. Фр. Энгельса, 1928. – 489 с.
7. Иоффе, О.С. Значение вины в советском гражданском праве / О.С. Иоффе // Вопросы государства и права. Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова / Юридический факультет. Серия юридических наук; № 129, Выпуск 3. – Л., 1951. – 160 с.
8. Быков, А.Г. Установление причинной связи в практике арбитража / А.Г. Быков // Советская юстиция. – Юрид. лит. – 1969. – № 8. – С. 10-11.
9. Лекшас, И. Вина как субъективная сторона преступного деяния / И. Лекшас. – М.: Госюриздат, 1958. – 87 с.
10. Тихонов, К.Ф. Субъективная сторона преступления. Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве / К.Ф. Тихонов. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. – 104 с.
11. Сергеева, Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам / Т.Л. Сергеева. – Москва, Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 184 с.
12. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики. / Г.В.Ф. Гегель. – Изд. 2-е, стер. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 799 с.
13. Лосев, А.Ф. История эстетических категорий / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1965. – 374 с.
14. Суслов, И.П. Общая теория статистики / И.П. Суслов. – М.: Статистика, 1970. – 376 с.
15. Курылев, С.В. Установление истины в советском правосудии: дис. ... д-ра юридических наук / Курылев С.В. // Избранные труды. – Краснодар : Совет. Кубань, – 2010. – С. 180-612.
16. Мигдал, А.Б. Поиски истины / А.Б. Мигдал. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 239 с.
17. Шварц, Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда / Х.И. Шварц. – М.: Юриздат, 1939. – 64 с.
18. Мокрушина, А.А. Семантические примитивы в арабском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / А.А. Мокрушина. – Санкт-Петербург, 2009. – 23 с.
19. Никифоров, Б.С. Латинская юридическая фразеология / Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1979. – 264 с.

20. Бернулли, Я. О законе больших чисел / Я. Бернулли. – М.: Наука, 1986. – 175 с.
21. Мокрушина, А.А. Семантические примитивы в арабском и русском языках: дис. ... канд. филолог. наук / А.А. Мокрушина. – Санкт-Петербург, 2009. – 139 с.
22. Вейль, Г. Симметрия / Г. Вейль. – М.: Наука, 1968. – 191 с.
23. Овчинников, Н. Ф. Принципы сохранения / Н.Ф. Овчинников. – М.: Наука, 1966. – 331 с.
24. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. – 220 с.
25. Ойгензихт, В.А. Презумпции в советском гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе : Ирфон, 1976. – 190 с.
26. Давыдов, Б.И. Великий физик (К пятидесятилетию со дня смерти Людвиг Больцмана) / Б.И. Давыдов // Больцман Людвиг. Статьи и речи. – М.: Наука, 1970. – 405 с.
27. Кайберг, Г. Вероятность и индуктивная логика / Г. Кайберг. – М.: Прогресс, 1978. – 374 с.
28. Лаплас, П.С. Опыт философии теории вероятностей. Популярное изложение основ теории вероятностей и ее приложений / П.С. Лаплас. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1908. – 207 с.
29. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8478/> (дата обращения 20.04.2026).
30. Планк, М. Единство физической картины мира / М. Планк. – М.: Наука, 1966. – 287 с.
31. Ферма, П. Синтез для рефракции / П. Ферма // Вариационные принципы механики. Сборник статей. – М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1959. – С. 6-10.
32. Эйлер, Л. Соображения по поводу некоторых общих законов природы, которые наблюдаются в действии любых сил / Л. Эйлер // Вариационные принципы механики. Сборник статей. – М.: Государственное издательство физико-математической литературы, – 1959. – С. 56-77.
33. Варшавский, К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда / К.М. Варшавский. – М.: Юридич. изд-во НКЮ РСФСР. – 1929. – 228 с.
34. Тархов, В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 456 с.
35. Дулов, А.В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А.В. Дулов. – Минск : Изд-во Белгосун-та. – 1959. – 188 с.
36. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 10.10.2023 № 304-ЭС23-8238 по делу № А81-7479/2021. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2295180 (дата обращения: 20.04.2026).
37. Барашков, С.А. Достоверность и вероятность в советском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Барашков. – Ленинград, 1986. – 213 с.
38. Курылев, С.В. О достоверности и вероятности в правосудии / С.В. Курылев // Избранные труды. – Краснодар : Совет. Кубань. – 2010. – С. 646-660.
39. Пригожин, И.Р. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени / И.Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1994. – 272 с.

УДК 34.01

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елена Викторовна Куцурубова-Шевченко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права и арбитражного процесса, Луганский государственный университет имени В. Даля (г. Луганск)

(e-mail: elenavidnaia@yandex.ru)

Наталья Фёдоровна Жокабине, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права и арбитражного процесса, Луганский государственный университет имени В. Даля (г. Луганск)

(e-mail: NF.1111@yandex.ru)

В статье рассмотрены актуальные аспекты правового регулирования применения искусственного интеллекта в финансовой сфере Российской Федерации, на основе анализа категорий ИИ и возможностей их применения в финансовой сфере выявлены риски и угрозы, сопровождающие данный процесс, выработаны предложения по совершенствованию правового регулирования применения ИИ в финансовой сфере РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, финансовая сфера, правовое регулирование

LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FINANCIAL SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kutsurubova-Shevchenko, E.V., Zhokabine, N.F.

The article examines current aspects of legal regulation of the use of artificial intelligence in the financial sector of the Russian Federation. Based on an analysis of AI categories and the possibilities of their application in the financial sector, the risks and threats accompanying this process are identified, and proposals for improving the legal regulation of the use of AI in the financial sector of the Russian Federation are developed.

Keywords: artificial intelligence, financial sector, legal regulation.

Актуальность темы исследования. Финансовая сфера, обладающая рядом имманентных свойств, предопределяющих ее высокую активность к технологическим инновациям, традиционно рассматривается как одна из наиболее динамичных и восприимчивых к Fintech технологиям отраслей экономики. Финансовые операции по своей природе являются информационными. Деньги, кредиты, платежи, инвестиции – это потоки информации, фиксируемые в цифровом виде. Эта нематериальная основа финансовой сферы создает низкий порог входа для цифровых инноваций, когда процессы не требуют физической модификации, а достаточно только изменения программного обеспечения и алгоритмов. На сегодня применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в финансовой сфере достигло уровня, при котором отсутствие специального правового регулирования создает серьезные риски для всех участников. По данным Банка России [1] 21% финансовых организаций используют ИИ на постоянной основе, 15% тестируют пилотные проекты, 29% планируют

внедрить технологии ИИ в ближайшие 1-3 года. В докладе Базельского комитета по банковскому надзору [2] дана оценка цифровизации финансовой сферы для банков и банковского надзора – в мировом банковском секторе применение ИИ способно повысить ежегодную выручку на 5-8%.

Актуальность темы обусловлена как высокой скоростью внедрения ИИ в финансовую сферу, так и фрагментарностью существующего правового регулирования. В Российской Федерации отсутствует специальный закон об ИИ, а действующие нормативные акты носят преимущественно рамочный или рекомендательный характер. Одновременно растет и число юридических конфликтов, связанных с применением технологий ИИ. В 2023-2025 годах российские суды вынесли около 400 решений в спорах вокруг применения ИИ, что на 60% больше, чем за аналогичный период годами ранее. Около 50% всех дел с участием ИИ составляют административные правонарушения, при этом основные правонарушения встречаются в деятельности банков по взысканию задолженности и коллекторов, 40% приходится на гражданско-правовые споры [3]. Количественная динамика судебной практики, являющаяся индикатором данной проблематики, показывает, что рост числа судебных споров прямо пропорционален степени внедрения ИИ в финансовый сектор, что делает тему правового регулирования крайне актуальной.

Анализ научных исследований. Активное внедрение ИИ в финансовую сферу закономерно привлекло внимание научного сообщества. Одним из центральных направлений научных исследований является вопрос о правовой природе ИИ и его возможном статусе в системе правоотношений. Данной проблематике посвящены исследования А.Р. Атабекова [4], П.М. Морхат [5], Е.П. Сесицкого [6], А.А. Щитовой [7] и других. Вопросы правового понимания и регулирования ИИ прорабатывались такими авторами, как Ю.С. Балалаева [8], Д.О. Дрозд [9], А.Ю. Марченко [10] и другими. В 2024-2026 годах наблюдается значительный рост числа публикаций, посвящённых правовым аспектам применения ИИ в финансах, среди которых необходимо отметить работы Л. Ганем [11], В.В. Разлетовской [12], О.Б. Сиземовой [13].

Обобщая современные исследования правового регулирования применения ИИ в финансовой сфере, следует выделить следующие основные подходы.

Первый подход базируется на необходимости трансформации существующих правовых концепций и принципов правового регулирования развития и применения технологий ИИ.

Второй подход основывается на создании новых правовых концепций и принципов применения технологий ИИ.

Третий исходит из попытки адаптации правовых проблем, возникающих при использовании технологий ИИ, в рамках уже существующих правовых подходов и концепций без их изменения.

Однако, несмотря на наличие значительного количества публикаций, посвященных правовому регулированию ИИ в финансовой сфере, комплексно тематика на фундаментальном уровне отечественной юридической наукой практически не исследовалась.

Целью исследования является рассмотрение актуальных аспектов правового регулирования применения ИИ в финансовой сфере Российской Федерации и формирование предложений по совершенствованию законодательства.

Изложение основного материала. На сегодня цифровизация финансовой сферы в первую очередь связана со стремительным развитием технологий ИИ, которые создают новые возможности для повышения эффективности финансовой деятельности. Среди ключевых перспектив применения ИИ можно выделить скоринг, андеррайтинг, торговлю финансовыми инструментами, инвестиционное консультирование, маркетинг финансовых продуктов и услуг, взаимодействие с клиентами, автоматизацию процессов, улучшение управления рисками, обеспечение более точных прогнозов и открытие новых возможностей для повышения безопасности в различных областях посредством автоматической обработки данных, противодействие мошенничеству и обнаружение потенциальных угроз. Применение

ИИ в финансовой сфере снижает затраты, повышает эффективность финансовых операций и обеспечивает более высокую отказоустойчивость. Инвестиции лидирующих банков РФ свидетельствуют о масштабах тренда, так, Сбербанк увеличивает вложения в ИИ до 300 млрд руб. в 2026 году, ожидая от этого 1,2 трлн руб. дохода. ВТБ, по заявлению главы ВТБ Андрея Костина [14], уже сэкономил 15 млрд руб. за счет алгоритмов и рассчитывает увеличить эффект до 50 млрд руб. в ближайшие два года. Т-Банк прогнозирует прямой экономический результат около 10 млрд руб. в ближайший год. Внедрение систем ИИ в робо-эдвайзинг, мониторинг мошеннических операций и управление рисками позволяет персонализировать предложения и повышает скорость обслуживания. Однако наряду с этим возникает комплекс правовых вызовов, связанных с необходимостью защиты прав потребителей, обеспечения стабильности финансовой сферы и предотвращения дискриминации и мошенничества.

ИИ как комплекс технологических решений включает в себя программное обеспечение, информационно-коммуникационную инфраструктуру, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Целесообразно ИИ разбить на категории, чтобы проанализировать, как он применяется в различных областях финансовой сферы (таблица 1).

Таблица 1 – Анализ применения ИИ в финансовой сфере

Категория искусственного интеллекта	Тип искусственного интеллекта	Характеристика	Область применения в финансовой сфере
Слабый ИИ (Artificial Narrow Intelligence, ANI – ИИ узкого назначения) – набор алгоритмов, ориентированных на решение узко-специализированных, прикладных задач	Традиционный	Имитирует умственную деятельность, способен делать прогнозы и выводы на основе анализа данных, но не способен создавать нечто новое	Используется для сбора, предварительной обработки, разделения данных, кредитного скоринга, борьбы с мошенничеством, управления рисками и обучения моделей
	Адаптивный	В рамках данного типа модель обучается и динамически адаптируется к изменениям в окружающей среде за счет сбора обратной связи в режиме реального времени	Анализ данных, прогнозирование, принятие решений, создание систем, реагирующих на изменения в реальном времени и оптимизирующих финансовые процессы, более эффективное выявление мошеннических транзакций на основе постоянного обучения на новых моделях поведения
	Генеративный	В отличие от традиционного ИИ, который фокусируется на анализе и классификации существующей информации, генеративный, используя изученные закономерности генерирует данные	Чат-боты – общение с клиентами, ответы на вопросы, решение проблем, разработка сценариев диалогов, предложение персонализированных рекомендаций, оптимизация рабочих процессов, формирование сводок, управление государственными финансами, обработка информации, разработка

			рекламной продукции
Сильный ИИ (Artificial General Intelligence, AGI – ИИ общего назначения) – системы способные к решению любого класса задач, которые могут быть выполнены человеком	Реактивные машины	Работают на основе заранее заданных правил и условий. Наблюдают за ситуацией, анализируют её в реальном времени и действуют в соответствии с запрограммированным и инструкциями, способны к самообучению	Автономное принятие решений, самостоятельная постановка задач, построение логических умозаключений, стратегическое планирование и действие в условиях значительной неопределенности
	Системы с ограниченной памятью	Хранят и используют прошлый опыт и данные, обрабатывают информацию, полученную в ходе предыдущих взаимодействий, принимают обоснованные решения, адаптируются на основе своего обучения	Автоматизация рутинных операций – обработка заявок на кредиты, проверка клиентских данных, транзакций, поведения в мобильных приложениях, создание в режиме реального времени индивидуальных предложений
Суперсильный ИИ (Artificial Superintelligence, ASI – супер-ИИ) – теоретическая концепция	Гипотетический тип ИИ, значительно превосходящий человеческий разум по всем видам когнитивной деятельности	Системы, существенно превосходящие разум человека, всесторонний интеллект, самостоятельное обучение	В перспективе оптимизация и значительное повышение эффективности финансовой сферы

составлено авторами на основе анализа [15,16,17].

Несмотря на значительные преимущества применения ИИ в финансовой сфере, выявленные в ходе анализа, проведенного в таблице 1, данный процесс сопровождается серьёзными рисками и угрозами, основными из которых являются:

- предвзятость алгоритмов – модели могут воспроизводить и усиливать искажения в данных, что ведёт к дискриминации при страховании и кредитовании, ограничению доступа уязвимых групп к финансовым услугам;

- хрупкость системы – когда все банки и фонды используют схожие ИИ-модели, обучающиеся на одних и тех же данных, это создаёт скрытую корреляцию. Малейшая ошибка или атака может вызвать цепную реакцию и системный сбой;

- качество данных, на которых обучается ИИ – искажения могут оставаться незамеченными длительное время: модель будет выдавать внешне логичные, но фактически ошибочные выводы, опираясь на скомпрометированные данные;

– атаки с отравлением данных – вмешательство злоумышленников в массивы данных, на которых обучаются языковые модели финансовых организаций, для изменения их поведения и нарушения работы систем;

– юридические риски – в условиях жёстких стандартов защиты данных применение ИИ повышает юридические риски, особенно из-за склонности к «галлюцинациям» нейросетей.

Формулировка ответных мер на риски и угрозы в финансовой сфере, вызванные активным применением ИИ, является предметом острых дискуссий.

Во-первых, сложность интеграции ИИ в существующие финансовые системы и процессы требует значительных изменений как во внутренних процедурах, так и в инфраструктуре. Во-вторых, разработка и внедрение ИИ требует крупномасштабных инвестиций. В-третьих, этические и правовые вопросы, связанные с использованием ИИ, включая защиту персональных данных, о правовом статусе ИИ, о возмещении ущерба, а также об ответственности создателей за использование ИИ с нарушением законодательства.

Основополагающим документом, регулирующим применение ИИ, является Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), утверждающий Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [18,19]. Стратегия определяет ИИ как совокупность технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, и закрепляет принципы регулирования: стимулирование инноваций, защиту прав и свобод человека, обеспечение безопасности. Ключевым законодательным актом выступает Федеральный закон от 31.07.2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [20]. Законодательство через перечень технологий вводит легальное определение ИИ и создает механизм «регуляторных песочниц», позволяющий на ограниченный срок отступать от требований действующего законодательства для тестирования инновационных решений. Однако его действие носит временный и локальный характер, что недостаточно для системного регулирования.

Как мегарегулятор финансовой сферы РФ, Банк России играет ведущую роль в формировании правового поля для ИИ. Ключевым документом является «Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке». Несмотря на рекомендательный характер, он задает вектор для финансовых организаций, закрепляя принципы [21]:

- ответственности руководства за риски, связанные с ИИ;
- прозрачности и объяснимости решений, принимаемых с помощью ИИ;
- безопасности и защиты данных;
- этичности и недискриминационности.

Кроме того, Банк России разрабатывает концепции развития финансовых технологий, где ИИ определен как сквозная технология, а также активно использует SupTech – ИИ для собственного надзора за участниками рынка.

Применение ИИ в финансовой сфере неразрывно связано с обработкой персональных данных. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [22] устанавливает жесткие требования: согласие субъекта, целевой характер обработки, обезличивание. Однако массовый сбор данных для обучения моделей ИИ часто вступает в противоречие с принципом целевого использования. Аналогичные коллизии возникают с нормами Гражданского кодекса РФ [23] об ответственности (ст. 1064) и Законом РФ «О защите прав потребителей» [24].

Большинство исследователей [11,12,13,25,26] сходятся на том, что основной проблемой правового регулирования ИИ в финансовой сфере является распределение ответственности за причиненный вред или ущерб. Согласно действующему законодательству, непосредственный причинитель ущерба не всегда несет ответственность. Существующие правовые проблемы применения ИИ в финансовой сфере и вопросы ответственности за вред, причиненный системой ИИ в настоящее время недостаточно урегулированы, так как Гражданский кодекс РФ не содержит норму о деликтной ответственности за действия

автономных систем. В случае ошибки алгоритма, например необоснованный отказ в кредите, ошибочное блокирование транзакции, законодателем не установлено, кто несет ответственность – разработчик, финансовая организация оператор или пользователь. Судебная практика только начинает формироваться, и отсутствие четких правил создает правовую неопределенность при разрешении споров.

Системы ИИ, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать существующую алгоритмическую дискриминацию. Например, кредитный скоринг может занижать рейтинг женщин или представителей определенных этнических групп, если в обучающей выборке они были недостаточно представлены. Ст.5 Закона РФ «О защите прав потребителей» в части информации не адаптирована к таким случаям, а доказать дискриминацию со стороны «черного ящика» крайне сложно.

Для обучения моделей ИИ требуются большие массивы данных, включая обработку персональных данных. Требование ФЗ № 152 о получении согласия на каждую цель обработки практически невыполнимо при использовании данных для обучения, где цели заранее неизвестны. Обезличивание данных, разрешенное законом, не является абсолютной защитой: современные алгоритмы способны к реидентификации (деанонимизации) обезличенных массивов, что создает риски утечек.

В финансовой сфере все чаще используются полностью автоматизированные системы, принимающие решения автоматического отклонения подозрительных транзакций без участия человека. Статья 16 ФЗ №152 предоставляет субъекту право не подлежать решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке его данных. Однако на практике это право реализуется слабо, а границы «исключительности» автоматизации размыты.

В марте 2026 года в Государственную Думу РФ подан законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [27]. Т.о. делается попытка принятия системного нормативного акта, регулирующего отношения в сфере разработки, внедрения, использования и иного применения технологий ИИ в России. Законопроект направлен на создание замкнутого контура регулирования, стимулирующего локализацию технологий ИИ.

В законопроекте:

- устанавливается риск-ориентированный подход к регулированию применения ИИ (требования к системам ИИ зависят от степени их влияния на жизнь человека и общество);
- вводятся понятия суверенных, национальных и доверенных моделей ИИ;
- предусматривается, что гражданам должна быть обеспечена возможность досудебного обжалования решений, принятых или совершенных с использованием технологий ИИ;
- закрепляется право граждан на компенсацию вреда, причиненного неправомерным использованием технологий ИИ;
- устанавливаются обязанности разработчика модели ИИ, оператора системы ИИ, владельца и пользователя сервиса ИИ, в частности вводится обязанность владельца сервиса ИИ обеспечивать размещение информационного предупреждения пользователя о применении технологий ИИ для создания аудио- и (или) визуального информационного материала или иного контента;
- требование обязательной маркировки контента, созданного с помощью ИИ;
- создание реестра доверенных моделей, которые будут допускаться к использованию в государственных информационных системах и на значимых объектах критической информационной инфраструктуры.

Как видим, законопроект нацелен на создание целостной правовой базы для разработки и использования технологий ИИ в России, что свидетельствует о стремлении государства к системному и комплексному подходу в обеспечении правовых и этических норм.

При этом для поддержания баланса между необходимостью регулирования использования ИИ и свободой для развития технологий ИИ необходим дифференцированный

подход в правовом регулировании ИИ. А именно с учетом различий между уровнями ИИ (слабый, сильный, суперсильный) правовое регулирование должно быть адаптировано к специфике каждого из уровней.

Для регулирования слабого (традиционного) ИИ: необходимо сосредоточиться на вопросах защиты данных, конфиденциальности и обеспечения надежности алгоритмов, применяемых в финансовых процессах, таких как кредитный скоринг и борьба с мошенничеством.

Для регулирования адаптивного ИИ: необходимо введение норм, регулирующих обязательное извлечение обратной связи и адаптацию моделей, чтобы гарантировать прозрачность и ответственность. Также следует предусмотреть механизмы мониторинга и аудита адаптивных систем для контроля их действий и предотвращения аномалий.

Для регулирования генеративного ИИ: необходимо введение норм, касающиеся использования чат-ботов и других генеративных систем, включая обязательные требования по информированию пользователей о взаимодействии с ИИ, а также защиту от распространения недостоверной информации или манипуляций.

Для регулирования сильного ИИ: необходимо введение четких правил относительно действий ИИ в условиях неопределенности на основе заранее заданных условий; мер по обеспечению безопасного хранения и использования данных; механизма ответственности за принятые решения и последствия, которые могут возникнуть в финансовой сфере.

Регулирование суперсильного ИИ является гипотетической концепцией, при разработке норм необходимо привлечение экспертов в области технологий, юриспруденции и социологии, и апробация их через установление экспериментальных правовых режимов.

Выводы. Правовое регулирование применения ИИ в финансовой сфере Российской Федерации находится на начальном этапе формирования. Существующая модель правового регулирования создает условия для экспериментов, но не обеспечивает в полной мере правовую определенность и защиту прав граждан.

Для обеспечения безопасного и эффективного внедрения ИИ в финансовую сферу, на наш взгляд необходим дифференцированный подход в правовом регулировании технологий ИИ в зависимости от их уровня и сферы применения.

Также важным фактором является разработка ряда подзаконных актов, предусматривающих:

- порядок ведения реестра доверенных моделей;
- критерии соответствия «традиционным духовно-нравственным ценностям», а также отраслевым требованиям к качеству систем ИИ;
- риск-ориентированную классификацию систем ИИ для финансовой сферы;
- требования к прозрачности и объяснимости решений, принятых ИИ.

В целях совершенствования правового регулирования применения ИИ в финансовой сфере необходимо разработать отраслевые стандарты по управлению рисками алгоритмической дискриминации, включая обязательный аудит моделей на предмет смещений.

Действенной государственной мерой является также стимулирование к развитию саморегулирования – создание этических кодексов, реестров проверенных алгоритмов, введение института омбудсмана по вопросам ИИ.

Только комплексный государственно-правовой подход позволит реализовать потенциал ИИ в финансовой сфере, минимизируя социальные риски и обеспечивая технологический суверенитет государства.

Список литературы

1. Банк России. Официальный сайт. Искусственный интеллект на финансовом рынке. – URL: <https://cbr.ru/fintech/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-na-finansovom-rynke/> (дата обращения: 22.04.2026).

2. Доклад Базельского комитета по банковскому надзору. Цифровизация финансов. 16 Мая 2024 г. – URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d575.htm> (дата обращения: 22.04.2026).
3. Исследования RTM Group. Искусственный интеллект в законодательной и судебной практике: анализ мер государственного регулирования. – URL: <https://rtmtech.ru/research/> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Атабеков, А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: дис. д-ра юрид. наук: 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки. ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». – Москва, 2024. – 486 с.
5. Морхат, П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – Москва, 2018. – 420 с.
6. Сесицкий, Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности». – Москва, 2019. – 218 с.
7. Щитова, А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дис. ... кандидата юрид. наук: 12.00.13 – Управление в социальных и экономических системах. ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». – Москва, 2022. – 225 с.
8. Балалаева, Ю.С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: дис. ... кандидата юрид. наук: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки. ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Нижний Новгород, 2024. – 263 с.
9. Дрозд, Д.О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва, 2024. – 249 с.
10. Марченко, А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 – Международное право, Европейское право. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2022. – 208 с.
11. Ганем, Л. Инновационная трансформация международного финансового рынка: дис. ... кандидата экономических наук: 5.2.5 – Мировая экономика. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2024. – 172 с.
12. Разлетовская, В.В. Управление процессами развития современных финансовых технологий: эволюция национальных моделей: дис. ... доктора экономических наук: 5.2.6 – Менеджмент ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2024. – 389 с.
13. Сиземова, О.Б. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в банковской деятельности / О.Б. Сиземова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – №9 (121). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-bankovskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 22.04.2026).

14. Агентство ТАСС. Официальный сайт. ВТБ оценивает экономию от внедрения ИИ в 50 млрд рублей в ближайшие два года. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/25614009> (дата обращения: 22.04.2026).
15. Боровская, Е.В. Основы искусственного интеллекта / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. – М.: Лаборатория знаний, 2018. – 127 с.
16. Бостром, Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром; пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
17. Васильев, А.А. Искусственный интеллект: правовые аспекты / А.А. Васильев, Д. Шпопер // Известия АлтГУ. – 2018. – № 6. – С. 23-26.
18. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 22.04.2026).
19. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Сайт Президента России. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 22.04.2026).
20. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ (последняя редакция) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 22.04.2026).
21. Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412205164/> (дата обращения: 22.04.2026).
22. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // Сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154> (дата обращения: 22.04.2026).
23. Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.04.2026).
24. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 22.04.2026).
25. Смирнова, В.В. Технологии цифровизации финансового рынка и его правовое регулирование / В.В. Смирнова, С.А. Правкин // Образование и право. – 2021. – №12. – С. 149-155. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-tsifrovizatsii-finansovogo-rynka-i-ego-pravovoe-regulirovanie-1> (дата обращения: 22.04.2026).
26. Кочергин, Д.А. / Основные направления использования искусственного интеллекта в финансовой сфере / Д.А. Кочергин // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – №6. – С.147-169. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-finansovoy-sfere> (дата обращения: 22.04.2026).
27. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/93227.html> (дата обращения: 22.04.2026).

УДК 342.7

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Андрей Витальевич Шве́ц, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: shvets.dmp@mail.ru)

Анна Викторовна Котля́р, старший преподаватель кафедры административного и
финансового права, Донецкий государственный университет (г. Донецк)
(e-mail: a.kotlyar.donnu.jur@mail.ru)

Данная статья посвящена изучению нормативно-правовых гарантий прав и свобод граждан, в том числе праву на обращение в органы внутренних дел. Совокупность прав и обязанностей человека формирует фундаментальный общественный, политический и правовой институт, который служит объективным критерием оценки достижений конкретного общества и индикатором степени его цивилизованности. Данный институт отражает прогресс в обеспечении основных свобод и справедливости, а также уровень развития правовой системы и политической культуры, признанных в данном обществе. От уровня обеспеченности прав человека и гражданина в значительной степени зависят жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность непосредственно личности и общества.

Ключевые слова: права граждан, гарантии, право на обращение, органы внутренних дел, обращение граждан, правовое государство.

LEGAL GUARANTEES OF THE RIGHTS OF CITIZENS TO APPEAL TO THE INTERNAL AFFAIRS OFFICE

Shvets, A.V., Kotlyar, A.V.

This article focuses on the legal guarantees of citizens' rights and freedoms, including the right to appeal to the internal affairs authorities. The sum of human rights and responsibilities forms a fundamental social, political, and legal institution that serves as an objective criterion for assessing the achievements of a particular society and an indicator of its level of civilization. This institution reflects progress in ensuring fundamental freedoms and justice, as well as the level of development of the legal system and political culture recognized in a given society. The life and health, honor and dignity, inviolability, and security of the individual and society largely depend on the level of protection of human and civil rights.

Keywords: citizens' rights, guarantees, right to appeal, internal affairs agencies, citizens' appeals, rule of law.

Актуальность темы исследования. Ведущее место среди нормативно-правовых гарантий права обращения граждан в ОВД принадлежит нормам Конституции РФ, которая создает базис, на котором основываются другие нормы подзаконных актов, а также воплощается идеология права обращения граждан в ОВД в целом. Скажем, норма Конституции, признающая и гарантирующая право граждан на обращение, является нормой-обязательством государства перед обществом и гражданами. Учитывая, что принцип «верховенства права» признается приоритетным в правовом государстве, Конституция служит

фундаментом для всей правовой системы, определяя ее структуру и устанавливая границы деятельности государственных органов и граждан. Иерархическое построение нормативных актов подразумевает, что ни один закон не может противоречить Конституции, в противном случае он признается недействительным.

Анализ научных исследований. Проблемные вопросы гарантий прав граждан на обращения, в том числе в ОВД, были предметом работ таких ученых: А.А. Беженцева, А.В. Безрукова, И.В. Пановой, Н.Ю. Хаманевой, А.П. Шергина, и др.

Цель статьи состоит в анализе научной литературы и законодательства для установления нормативно-правовых гарантий прав граждан на обращения в ОВД.

Изложение основного материала. Так ч. 1 ст. 15 отмечается, что нормы Конституции РФ являются нормами прямого действия и применяются на всей территории РФ. Также Конституцией РФ гарантируется право на обращение в судебные институты за защитой установленных Основным Законом прав и свобод. Не является исключением защита в судебном порядке и права людей на обращение (ст. 33, 46 Конституции РФ) [1].

Обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, отработка и претворение в жизнь соответствующих правовых норм и механизмов – одно из важнейших приоритетных направлений деятельности государства. Одним из ключевых и неотъемлемых базовых прав, гарантированных каждому человеку и гражданину, является право на подачу обращений в государственные институты, к их уполномоченным представителям, а также в межгосударственные объединения.

Базовый характер реализации прав на обращение имеет ряд положений Всеобщей декларации прав человека. Так, в данной декларации прописано, что в случае ущемления фундаментальных прав, гарантированных конституцией или законодательством страны, любое лицо обладает правом на восстановление этих прав через уполномоченные судебные инстанции [2].

Приоритетное место в правовом государстве занимает принцип – верховенство права. Определенный принцип имеет продолжительное развитие в иностранном правовом сообществе, а также он получил свое закрепление в Конституции РФ, принятой в 1993 году. Следует согласиться с размышлениями Л.Л. Сабировой, которая, рассматривая понятие «верховенство права», говорит, что данное понятие отражает место и роль права в государстве и обществе, оно означает прежде всего соотношение права и государства и его институтов – органов государственной власти, должностных лиц и других, то есть подчиненность государства и его институтов праву и его приоритет в отношении них [3, С. 163]. Кроме этого, принцип верховенства права означает соотношение прав и политики, прав и экономики, прав и идеологии, а также соотношение права и других социальных норм (морали, обычаев и т.д.), которое заключается в приоритете права относительно них. Таким образом, нормы права имеют приоритетное значение при гарантировании права граждан на обращение в ОВД.

Следует поддержать точку зрения Р.И. Елагина и других авторов, которые говорят, что обеспечение прав и свобод личности в правовом государстве в значительной мере зависит от гарантий. Именно гарантии создают основу для возникновения и осуществления правового статуса. Без гарантий реализация прав и свобод становится невозможной. [4, С. 59].

Что касается обращений граждан, то, по определению, сформулированному учеными и законодательством, обращение понимают как возможность каждого человека изложить в письменной или устной форме предложение или замечание, заявление или ходатайство, а также жалобу [5, С. 85]. Из этого, на наш взгляд, логически вытекает направленность административного права на содействие в реализации предоставленных человеку и гражданину прав и свобод, в том числе путем принятия властного решения. Оказание такой поддержки возложено на государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями и входящие в структуру исполнительной власти. Их деятельность должна строго соответствовать положениям и исполнять требования, установленные ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [6].

Исходя из норм действующего Основного закона, систему нормативно-правовых гарантий, в том числе и права на обращение в ОВД, составляют следующие уровни: конституционное закрепление, законодательное, подзаконно-правовое, международно-правовые стандарты и локальные акты.

На сегодняшний день защита и гарантирование прав человека относится к одной из наиболее острых проблем. Провозглашенные Конституцией нашего государства права и свободы, предоставленные физическим лицам – как гражданам, так и иностранцам, лицам без гражданства нуждаются в наличии действенных средств их реализации и надлежащей охраны. Первостепенное значение прав и свобод человека, подкрепленное административными механизмами (включая право на подачу обращений) и возможностью судебной защиты, предопределяет сущность и вектор работы государственных органов. Через содержание Конституции РФ проводится главная идея, заключающаяся в том, что государство осуществляет свою деятельность в интересах человека и несет ответственность за свои действия перед ним.

Права и свободы человека и гражданина, а также гарантии их реализации на законодательном уровне закреплены Конституцией РФ, нормы которой носят фундаментальный характер и прямое действие в отношении норм всех других законов и подзаконных нормативно-правовых актов, принятых на ее основе. В свою очередь, конституционные положения и нормы реализуются в соответствующих правоотношениях, в которых рядом с ними действуют и другие, обусловленные предметом правового регулирования, нормы и правила. В частности, это касается и отношений, в которых принимают участие, с одной стороны, органы государственной исполнительной власти (в том числе их должностные лица, действующие от имени государства и как представители власти), а с другой – физические лица (граждане государства, иностранные граждане или лица без гражданства).

Вместе с этим стабильно высокий показатель количества обращений граждан в различные органы власти свидетельствует о том, что на пути достижения действенности системы защиты прав человека остается еще много препятствий.

Изучая понятие «правовые гарантии», А.В. Лошкарев приходит к выводу о том, что «правовые гарантии» представляют собой комплекс юридических инструментов, закрепленных в нормативных правовых актах. Их функционирование создает или поддерживает условия для воплощения в жизнь других нормативных положений. Также автор правовые гарантии разделяет на две группы: 1) гарантии, которые находят свое закрепление в нормативно-правовых предписаниях, выражающих нормы права; 2) гарантии, которые закреплены в нормативно-правовых предписаниях, однако не выражающие нормы права [7, С. 16].

А.Н. Станкин говорит, что под нормативно-правовым аспектом гарантий необходимо рассматривать такие гарантии, которые закреплены в нормах текущего законодательства и позволяют приводить в «рабочее состояние» иные нормы права, которые не обладают свойствами правогаантирующих норм [8, С. 24].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что под нормативно-правовыми гарантиями необходимо рассматривать официально изданные нормативно-правовые акты, определенные процедуры (представление обращения) и меры по обеспечению реализации формально-определенных правил поведения (меры принуждения). Принудительные действия обеспечиваются применением мер уголовной, административной и иного вида ответственности, рассмотрением спорных вопросов уполномоченными органами и судами.

Государственные власти могут через законы, нормативные акты и постановления исполнительных органов вводить правила, которые должны выполняться в сфере защиты права граждан на обращение в ОВД. В этом нет ничего неестественного, а скорее это закономерное явление. Ведь действующая Конституция РФ четко и последовательно проводит и утверждает один из наиболее общих принципов государственной власти – соединение государственной власти и непосредственного народовластия, непосредственной и

представительной демократии; принцип объединения государственного и местного управления.

Институт гарантий уходит своими корнями в глубокую древность. Вспомним, что понятие «норма» происходит от лат. «norma», подразумевает общеобязательное правило поведения (образец, масштаб, эталон), сформированная в обществе соответственно признанная в нем мера свободы, сформулированная и поддерживаемая государством как юридически значимое средство регулирования общественных отношений [9, С. 233].

Следует сказать, что административное право является самостоятельной отраслью и составляет совокупность административно-правовых норм, главным предназначением которых является обеспечение регулирования общественных отношений в различных сферах публичной жизни (государственного и самоуправляющегося), управление с приоритетной ориентацией на первоочередное обеспечение реализации и защиты прав и свобод граждан.

Необходимо отметить, что в научной литературе нет единства в определении понятия административно-правовых норм. По мнению А.В. Куракина, административно-правовые нормы в сегодняшнее время охватывают не только сферы, связанные с управленческой деятельностью, но и иные виды общественных отношений, не относящиеся непосредственно к управлению. Эти нормы устанавливают порядок поведения в общественных местах, а также регулируют вопросы, касающиеся обеспечения как общественной, так и индивидуальной безопасности граждан. Кроме того, нормы административного права включают в себя технические требования разнообразного характера [10, С. 53].

Ведущее место среди нормативно-правовых гарантий права на обращение в ОВД по праву принадлежит нормам Конституции РФ, которые создают каркас, на котором базируются другие нормы подзаконных правовых актов, а также воплощают идеологию данного института в целом. Можно сказать, что норма Конституции, признающая и гарантирующая право на обращение, является нормой-обязательством государства перед обществом и гражданами.

Разумеется, и демократизм, и децентрализация власти невозможны без крепкой законодательной основы, без надлежащего обеспечения ее конституционными нормами права. Нормы конституционного права закрепляют развитие страны и гражданского общества. В них реализуется качественная характеристика государственной организации общества и, прежде всего, основ демократического строя, формы правления, механизма реализации власти, формы народовластия, а также права на обращение граждан.

Так, закрепив в Конституции РФ в ст. 2 [1] правовую норму о том, что человек, его права, честь и достоинство, свободы являются высочайшей ценностью, а их признание и соблюдение является обязанностью государства, Конституция тем самым в основу регулирования прав граждан на обращение положила доктрину естественных прав человека. Основания такого вывода дает анализ конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, ведь управление осуществляется человеком и для людей.

Конституционные права, свободы и обязанности, прежде всего опосредуют отношения и связи между государством и гражданами. С точки зрения субъектного состава, в отношениях, складывающихся в сфере управленческой деятельности по поводу реализации любыми физическими лицами, находящимися на территории государства, предоставленного им права на обращение в органы государственной исполнительной власти, гарантии прав и свобод человека и гражданина приобретают ряд специфических черт. Это обусловлено отличиями содержания норм – как материальных, так и процессуальных, под действием которых трансформируется, соответственно, и характер правоотношений. Следовательно, актуальность этого исследования обусловлена необходимостью выделения особенностей реализации гарантий права граждан на обращение в органы государственной власти в материальных и процессуальных административных правоотношениях.

Понятно, что гарантии следует увязывать с выполнением определенных обязанностей. А среди них наиболее весомое место занимают те которые закреплены в ст. 15 Основного Закона «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные

лица обязаны соблюдать Конституцию и законы РФ» [1], поскольку именно деятельность в рамках закона и предоставленных им полномочий и позволяет создавать определенные гарантии непосредственно на местном (локальном) уровне.

Последующая регламентация норм Основного Закона возлагается на действующее законодательство. Статья 9 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливает обязанность государственного органа и органа местного самоуправления, а также должностных лиц принятия обращения к рассмотрению. Так, основными обязанностями органа или должностного лица являются: объективно, всесторонне и своевременно проводить анализ поступивших заявлений или жалоб; приглашение заявителя для участия в слушании по его делу; отменять или изменять обжалуемые решения в случаях, предусмотренных действующими нормами права; содействие в восстановлении ущемленных прав и обеспечение фактического выполнения решений, принятых по результатам рассмотрения обращения; а также направление письменного уведомления заявителю о завершении проверки и принятом по существу дела решении [6].

Трудно представить исполнение обязанностей без права граждан на обращение. В ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» приводится перечень законодательных прав на обращение в органы государственной власти и соответствующие общественные институты. Так, гражданин, обратившийся с заявлением или жалобой, имеет право: лично изложить аргументы лицу, проверяющему заявление или жалобу, и участвовать в проверке поданной жалобы или заявления; знакомиться с материалами проверки; подавать дополнительные материалы или настаивать на их запросе органом, рассматривающим заявление или жалобу; присутствовать при рассмотрении заявления или жалобы; получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов; получить письменный ответ о результатах рассмотрения заявления или жалобы и т.д. (ст. 5).

Следует сказать, что одной из гарантий законности и правильности принятых решений является возможность обжалования действий и решений, а также бездействия органов и должностных лиц. Следовательно, поэтому производство по обжалованию таких решений является одним из видов административного процесса и включает в себя стадию рассмотрения жалоб, регламентирующую порядок административного и судебного разбирательства и удовлетворения претензий граждан.

Относительно административно-процессуальных отношений следует согласиться с мнением тех специалистов, которыми обосновано, что процессуальные отношения реализуются с помощью материальных, и одновременно являются формой их реализации. В теоретических разработках ученых была отдельно определена сущность и содержание административно-правовых и административно-процессуальных гарантий прав, свобод, интересов и обязанностей граждан как участников тех или иных правоотношений. Так, И.Н. Черненко определяет понятие «административно-правовые гарантии прав граждан» как закрепленные на уровне законодательства средства и способы, с помощью которых обеспечивается реализация и защита прав граждан в сфере деятельности исполнительной власти [11, С. 1536]. А.А. Беженцев, Н.А. Игошин предлагают понимать понятие «гарантии обеспечения прав и свобод граждан в области административного процесса» как гарантии, которые представляют собой совокупность установленных законом правовых инструментов и связанных с ними правовых предположений. Такие гарантии определяют правовые возможности, доступные гражданам, в отношении реализации и защиты их прав, свобод и законных интересов, а также исполнения наложенных на них обязательств. Кроме того, данные гарантии обеспечивают использование процессуальных механизмов как субъектами, иницирующими и осуществляющими процессуальные действия, так и теми, кто содействует корректному проведению процесса и выполняет в нем контрольно-надзорные функции. Конечной целью является обеспечение прав и свобод граждан, надлежащего течения административного процесса и вынесения правомерных и обоснованных решений по административным делам [12, С. 124].

Вышеприведенные административно-процессуальные нормы, закрепленные в ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», регулируют порядок (процедуру) рассмотрения предложений (замечаний), заявлений (ходатайств) и жалоб граждан. Административно-процессуальные отношения могут возникать между органами государственной власти, органами местного самоуправления, учреждениями, организациями независимо от форм собственности, объединениями граждан, предприятиями, средствами массовой информации, их руководителями, другими должностными лицами и гражданами. При этом, учитывая, что общие правовые принципы – законность, гуманизм, приоритет прав и свобод человека и т.д. являются общими для всех отраслей материального и процессуального права, неизменными остаются гарантии и прав физических лиц. Это связано с тем, что, во-первых, содержание конституционных прав, предоставленных лицу, не может сужаться (в том числе путем ограничения) в случае участия в разных правоотношениях; во-вторых, законность в деятельности органов государства является не только общеправовым принципом, а предстает, наряду с обеспечением дисциплины, как необходимое требование, которому должно отвечать деятельность всех их должностных лиц.

Относительно правовой природы различных видов обращений верно мнение, которое высказывает А.А. Беженцев на основании исследования обращений граждан как гарантий обеспечения их прав и свобод в административном процессе: каждый человек обладает правом направлять обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, в том числе и международные организации. Такая возможность является не только инструментом для реализации и защиты прав и свобод, но и эффективным механизмом общественного надзора за работой государственного и муниципального управления. В идеале, она также служит для совершенствования их функционирования, поскольку граждане, формулируя свои запросы, зачастую выявляют актуальные проблемы и предлагают конструктивные пути для их урегулирования [13, С.117]. По своей сути, административное производство по рассмотрению обращений граждан в части принятия решения по заявлению, ходатайству, предложению (замечанию) или жалобе любого физического лица – рядового гражданина, предусматривает принятие соответствующего акта, имеющего подзаконный характер. Исходя из того, что единственным для всех правовых актов управления – как нормативных, так и индивидуальных, является требование соответствия их действующему законодательству. Упорядоченность с помощью административно-процессуальных норм процедуры рассмотрения обращений граждан также служит важной гарантией законности и целесообразности таких подзаконных актов, которые издаются уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами.

При практической реализации физическим лицом прав, предоставленных ему Конституцией и ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», между ним и государством, в лице соответствующего органа исполнительной власти, возникают отношения особого характера, на этой правовой связи взаимные права и обязанности обоих этих субъектов превращаются в корреспондирующие друг другу. Это свидетельствует о том, что гарантии, действующие вместе с любым правом субъекта, оставляют свое содержание таким же, каким оно было до возникновения правоотношений. Другими словами, предоставление гражданину права на обращение и установление гарантий этого права означает только возможность его реализации, которую само лицо может использовать или не использовать по своему усмотрению. Последнее также отдельно гарантировано ст. 2 Конституции РФ, в которой говорится, что граждане наделены правом направлять индивидуальные или групповые петиции, а также лично обращаться в органы государственной власти [1], а ст. 2 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» гласит, что реализация права на обращение осуществляется гражданами свободно и добровольно [6]. Следует также добавить, что в любых административных правоотношениях – как тех, которые основаны на нормах материального права, так и процессуальных, орган государства каждым своим решением фактически

обязуется содействовать в реализации предоставленных физическому лицу прав и обеспечивать, то есть гарантировать, их.

Гарантии права граждан на обращение в ОВД следует рассматривать в двух аспектах, с одной стороны они создаются государством на конституционном и законодательном уровне, с другой – их приобретают в ходе реализации государственных гарантий и находят свое закрепление в локальных правовых актах.

Говоря о гарантиях права на обращение в ОВД, не следует полагаться только на то, что обеспечивается государством. Это гораздо более широкий вопрос. Прежде всего, речь должна идти об обеспечении равных возможностей для участия граждан в решении вопросов как государственного, так и местного значения в сфере правопорядка. А такое обеспечение происходит непосредственно на местах, в процессе реализации прав и полномочий граждан и на нормативно-правовом, и на организационном уровне.

Административные организационно-правовые гарантии обеспечения обращения к ОВД являются важной составной частью эффективного функционирования института демократии.

Относительно ответственности должностных лиц ОВД – нормативно-правовые акты предусматривают, что должностные лица, допустившие нарушения законодательства об обращениях граждан, несут юридическую ответственность, предусмотренную законодательством.

Выводы. Таким образом, гарантии реализации прав физических лиц охватывают широкий круг правил и норм, относящихся к различным отраслям права – прежде всего, конституционному, а также материальному и административно-процессуальному праву. Система гарантий призвана реализовывать законность в государстве. Гарантии законности – это положительные объективные условия, способствующие повышению уровня развития общества и благосостояния в государстве. Механизм правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с реализацией права граждан на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, их должностных (должностных) лиц, – это совокупность правовых средств, с помощью которых поведение субъектов этих общественных отношений приводится в соответствие с требованиями и разрешениями, содержащимися в нормах права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 25.12.1993. – № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.01.2026).
3. Сабирова, Л.Л. Реализация идеи верховенства закона в современной России / Л.Л. Сабирова // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1 – С. 163-165.
4. Елагин, Р.И. Конституционные гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина / Р.И. Елагин, О.В. Заиграева, Е.С. Лапатухина // Образование и право. – 2024. – № 3. – С. 57-60.
5. Савоськин, А.В. «Обращения граждан» как правовая категория / А.В. Савоськин // Антиномии. – 2017. – № 3. – С. 85-99.
6. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 8.05.2006. – № 19. – ст. 2060.
7. Лошкарев, А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Лошкарев Андрей Викторович. – Краснодар, 2009. – 25 с.

8. Станкин, А.Н. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А.Н. Станкин, М.С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2 (7). – С. 22-28.
9. Шабуров, А.С. Теория государства и права : учебное пособие / А.С. Шабуров, Ж.С. Жайкбаев. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та. – 2019. – 382 с.
10. Куракин, А.В. Еще раз о предмете административного права и его нормах / А.В. Куракин // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. – № 4. – С. 47-56.
11. Черненко, И.Н. К вопросу об административно-правовых гарантиях прав и свобод граждан / И.Н. Черненко // Экономика и социум. – 2016. – № 11-1 (30). – С. 1535-1539.
12. Беженцев, А.А. Юридические гарантии прав и свобод граждан: система и значение для административно-процессуального регулирования / А.А. Беженцев, Н.А. Игошин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 12. – С. 120-126.
13. Беженцев, А.А. Обращения граждан: гарантии обеспечения их прав и свобод в административном процессе / А.А. Беженцев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – 15(2) – С. 100-119.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.292

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

Вадим Авдеевич Авдеев, доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы права, Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

(e-mail: vadim.avdeevich@mail.ru)

Ольга Анатольевна Авдеева, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры основ российской государственности и цивилистики, Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

(e-mail: Avdeeva_O_A@mail.ru)

В статье анализируется правовой опыт формирования и развития института помилования. Особое внимание уделяется правовой природе помилования и факторам, приведшим к созданию законодательной модели его регулирования в национальном праве. Выделены этапы законодательного регулирования права на помилование в процессе формирования и развития российского государства. Показаны особенности формирования института помилования в зарубежном праве. Выявлены особенности регулирования института помилования в национальной правовой системе. Отражена трансформация доктринальных подходов к правовой природе помилования. Сделан вывод о преемственности государственных и уголовно-правовых норм, регулирующих формы и основания реализации этого института на разных этапах эволюции отечественного законодательства.

Ключевые слова: правовая политика, уголовное право, уголовно-правовая политика, помилование, амнистия.

LEGISLATIVE AND DOCTRINAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PARDON IN NATIONAL LAW

Avdeev, V.A., Avdeeva, O.A.

The article analyzes the legal experience of the formation and development of the institution of pardon. Attention is focused on the legal nature of pardon and the factors that led to the creation of a legislative model for its regulation in national law. The stages of legislative regulation of the right of pardon in the process of the formation and development of Russian statehood are identified. The specifics of the formation of the institution of pardon in foreign law are demonstrated. The features of the regulation of the institution of pardon in the national legal system are revealed. The transformation of doctrinal approaches to the legal nature of pardon is reflected. A conclusion is made about the continuity of state and criminal law norms regulating the forms and grounds for the implementation of this institution at different stages of the evolution of domestic legislation.

Keywords: legal policy, criminal law, criminal-legal policy, pardon, amnesty.

Актуальность темы исследования. Нормы международного права, в том числе Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., устанавливают правовые основы применения в национальных правовых системах право человека на помилование в случае назначения судом

наказания в виде смертной казни (ч. 4 ст. 6). Государственно-правовое регулирование института помилования осуществляется в Российской Федерации на основе ч. 3 ст. 50 Конституции РФ, согласно которой каждый осужденный за преступление имеет право: 1) на пересмотр приговора вышестоящим судом; 2) просить о помиловании; 3) просить о смягчении наказания. Субъектом реализации помилования является на основании п. «в» ст. 89 Конституции РФ Президент Российской Федерации.

Механизм реализации конституционных гарантий помилования подлежит регулированию в Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ № 787 от 14 декабря 2020 г. Правом просить о помиловании обладают осужденные, отбывающие назначенное судом наказание, а также лица, отбывшие наказание, назначенное судом, и имеющие неснятую или непогашенную судимость (Общие положения, ст. 1). В ходе поэтапной новеллизации конституционно-правовых норм, касающихся помилования, существенным образом детализирован перечень субъектов, наделяемых правом просить о помиловании, определены критерии реализации данного права в отношении лиц, совершивших как тяжкие и особо тяжкие преступления, так и преступления небольшой и средней тяжести.

На основании конституционно-правовых норм подлежат регламентации нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Основываясь на конституционных положениях, законодатель в статье 85 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает на направленность помилования в отношении индивидуально определенного лица и определяет в качестве целей его реализации как освобождение лица от дальнейшего отбывания наказания, так и сокращение срока отбывания им наказания, замену назначенного судом наказания на более мягкий вид, а в отношении лица, отбывшего наказание, снятие судимости. Исходя из содержания п. «д» ст. 172 Уголовно-исполнительного кодекса РФ помилование следует считать одним из оснований освобождения от отбывания наказания.

Исследование статистических показателей показало, что тенденция реализации права помилования носит неоднозначный характер [1, С. 223]. Например, в 1996 г. Президентом РФ были помилованы 4526 осужденных, значительную часть из числа которых составляли несовершеннолетние, женщины и пожилые люди, страдающие тяжелыми хроническими заболеваниями (Российская газета. 1997. 26 февраля). Показатели числа помилованных в период с 1996 по 2000 годы свидетельствуют об их неуклонном росте. Общий показатель помилованных в период с 1992 по 2001 годы составил 69856 осужденных, в том числе в отношении 12856 человек смертная казнь была заменена на пожизненное лишение свободы, а в отношении 57000 осужденных определено было смягчение наказания [2, С. 205].

Новая тенденция, указывающая на снижение практики помилования, наметилась с 2001 года. Если в 2000 г. число помилованных достигло 12836 осужденных, то в 2001 г. число помилованных составило 27 человек. В дальнейшем показатели помилованных характеризуются устойчивой тенденцией к уменьшению, что подтверждает их количество, составившее в 2020 году 5 осужденных. Примечательно, что показатели помилованных подлежат изменению применительно к конкретной политико-правовой ситуации. Так, в 2024 году были помилованы 52 осужденных женщины, в том числе беременные женщины и женщины с детьми, а также женщины, состоящие в родстве с участниками специальной военной операции. Безусловно, что для более объективной и достоверной оценки состояния и динамики исследуемого института необходимо учитывать ряд факторов, в том числе значительное уменьшение общего числа осужденных, числа осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также увеличение количества лиц, освобожденных из мест лишения свободы на основании актов об амнистии.

Обозначенные актуальные вопросы в исследовании института помилования повлекли на протяжении последних десятилетий активный поиск оптимальной модели его регламентации с учетом согласованности конституционных и уголовно-правовых норм. Результатом стал более основательный подход к определению оснований реализации данного

права, предусматривающий тщательное изучение ходатайств и применение его в исключительных случаях, преимущественно по политическим мотивам. Помимо характера и степени общественной опасности совершенного преступного деяния, поведения лица во время отбывания (исполнения) наказания детальному анализу подлежат вопросы, связанные с возрастом, состоянием здоровья, семейным положением осужденного, количеством судимостей и др.

Вместе с тем на страницах научной литературы обсуждается вопрос о субъектных основаниях, касающихся: лиц, освобожденных условно- досрочно; лиц, условно осужденных; лиц, в отношении которых судом вынесено решение об отсрочке отбывания наказания [3, С. 20-27]. Предметом активной дискуссии являются вопросы относительно субъектов, обладающих правом подачи ходатайства о помиловании, а также затрагивающие проблему усиления авторитета комиссий [4, С. 75-84] Ученые считают, что практика применения помилования на современном этапе находит выражение преимущественно в форме освобождения осужденного от отбывания уголовного наказания. С учетом незначительных показателей актуализируется вопрос о применении второй формы помилования, ориентированной на сокращение назначенного наказания, и третьей формы помилования, предусматривающей снятие судимости. Имеет место точка зрения относительно того, что освобождение лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывающих наказание в виде лишения свободы, сопряжено с отсутствием либо недостаточностью в правовой реальности условий социального характера, обеспечивающих предупреждение рецидива. Наряду с вышесказанным исследователи обсуждают предложения, связанные с: введением «условного помилования»; расширением субъектного состава в перечне лиц, наделенных наряду с осужденным правом подачи ходатайства о помиловании; установлением «экстерриториального порядка» рассмотрения ходатайств в отношении осужденных военнослужащих и др. [5, С. 109-122].

Особенно актуальным на сегодняшний день является осмысление института помилования посредством раскрытия его потенциала в условиях реформирования российского уголовного законодательства. Со стороны ученых, представителей юридического сообщества, политических и иных общественных объединений высказывается неоднозначное мнение в отношении как законодательной формулы, так и практики его применения. Реализация норм УК РФ 1996 г., изложенных в 13 главе, обозначила проблему совершенствования законодательной модели регламентации помилования исходя из юридической природы данного института. По этому поводу на страницах юридической литературы высказываются различные точки зрения. С одной стороны, исследователи определяют помилование как институт государственного права [6, С. 9; 7, С. 101-115]. Внимания заслуживает точка зрения, согласно которой институт помилования носит межотраслевой комплексный характер [8, С. 7; 9, С. 9]. В уголовно-правовом аспекте дискуссионным является вопрос о необоснованности расширения оснований применения помилования в РФ с учетом исключительного характера действия данного института. Имеют место высказывания о целесообразности расширения оснований ввиду гуманизации уголовно-правовой политики. Одним из спорных вопросов признается применение помилования в отношении лиц, наказание которых не связано с лишением свободы.

Неоднозначность вышеуказанных подходов к регламентации института помилования обуславливает дальнейшее осмысление места данного института в системе правового воздействия, основанное на раскрытии его социально-правовой роли и предназначения. Несмотря на действующую регламентацию права осужденного на помилование в нормах международного и российского права научный интерес представляет углубление знаний об юридической природе данного института, о соотношении помилования и амнистии как юридических категорий, об особенностях формирования и развития данного правового института в условиях зарубежной и отечественной государственности с учетом достижений в области уголовно-правовой доктрины.

Анализ научных исследований. Теоретические аспекты регламентации и практические вопросы реализации института помилования были исследованы в работах правоведов дореволюционного периода, в том числе П.И. Люблинского, Н.С. Таганцева, Н.Д. Сергеевского и др. Отдельные аспекты регламентации и реализации института помилования изучались такими советскими учеными, как Н.Д. Дурмановым, П.С. Ромашкиным и др. Значительный научный интерес к помилованию предопределил значительное число научных публикаций на современном этапе, включая труды Ю.М. Антоняна, В.К. Дуюнова, И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, А.С. Михлина, С.Н. Сабанина, В.И. Селиверстова, А.И. Чучаева, М.Д. Шаргородского и др.

Целью исследования является установление социально-правовой роли института помилования на современном этапе на основе анализа юридической природы его оформления в законодательстве России и иностранных государств.

Изложение основного материала. Совершенствование законодательной модели регламентации права на помилование в РФ ориентирует исследователей на расширение научных представлений о данном правовом институте исходя из его юридической природы. Раскрытие юридической природы права на помилование, выявление политико-правовой и социальной его обусловленности, установление его места в системе отраслевых норм современной системы права, определение его значения на современном этапе развития правовых институтов и модернизации политико-правовой системы государства предполагает обращение к причинам его появления и правовым основам формирования.

В ходе изучения отечественной и зарубежной государственности было установлено, что помилование как юридический акт был известен с античных времен, в частности в период развития древневосточных государств. Как следует из содержания «Книги истории» Конфуция, правители Древнего Китая в XXII в. до н. э. применяли помилование как дарование осужденному лицу милосердия путем замены тяжких наказаний, в том числе смертной казни на ссылку, телесные наказания плетьюми и палками или денежные штрафы [10]. Помилование применяли представители древнекитайской династии Цинь Дао-гун в 5 в. до н. э., при этом активно использовали данное право в отношении «старых и малых» осужденных, «сирот» и «калек» [11, С. 206]. В период римской государственности помилование даровал осужденным Гай Юлий Цезарь (*clementia et misericordia*) [12].

В средневековый период на территории Западной Европы помилование как юридический акт, совершаемый главой государства по собственному волеизъявлению, стало подлежать законодательной регламентации в нормах государственного права. В соответствии с Хартией 1308 года право помилования являлось исключительной прерогативой монарха. Главе государства на основе принципа, гласившего, что «всякое правосудие исходит от короля», подвластно было даровать прощение и помилование в случае совершения преступления. Позднее, с принятием Ордонанса 1358 г. право короля на предоставление помилования стало ограничиваться необходимостью согласования данного решения с членами Большого Совета, выносившими соответствующее постановление.

В Новое время институт помилования также получает дальнейшую детализацию в конституционных актах. Например, в Конституции США 1787 г. было закреплено право Президента на предоставление отсрочки наказания и помилования по преступлениям, совершенным против Соединенных Штатов, за исключением импичмента (гл. II отд. 2 ст. 1). На основании Конституции Франции 1852 г. император обладал правом как помилования, так и объявления амнистии. Анализ Конституций европейских государств, в том числе Швеции, Норвегии, сохранявших монархическую форму правления, позволил сделать вывод о том, что право королей на помилование в условиях ограниченных сословно-представительными органами полномочий предусматривало принятие согласованного решения о помиловании тремя инстанциями – королем, высшим судом и государственным советом. Ограничение права предоставления главой государства помилования характерно также для Конституции Пруссии 1850 г. и Конституции Греции 1864 г.

Примечательно, что в результате усилий реформаторов уголовного права помилование было отменено в УК Франции 1791 года. Однако впоследствии в 1801 году данный институт вновь был восстановлен. В основу применения института помилования легли идеи представителей утилитарных теорий, которые считали, что помилование оценивается как средство примирения интересов ввиду несправедливости применения наказания за правонарушения, которые лишь формально подходят под понятие преступления, а также судебного усмотрения, не учитывающего конкретной обстановки преступления, налагающего чрезмерно строгое наказание судом, не отвечающее действительной вине.

Помимо этого, в законодательстве зарубежных стран устанавливается процедура обращения осужденных с ходатайством о помиловании. Например, согласно положениям, закрепленным в Общем тюремном уставе Бельгии 1870 г., в основу подачи индивидуализированных прошений должны быть положены характеризующие арестанта обстоятельства, в том числе рапорт врача о состоянии его здоровья. Интерес представляют данные бельгийской официальной статистики за период 1904-1907 гг., свидетельствующие о неуклонном росте относительных показателей удовлетворенных ходатайств о помиловании: 1904 г. – 1252/11060 (11,32%); 1905 г. – 765/6643 (11,51%); 1906 г. – 1459/10206 (14,29%); 1907 г. – 1660/9678 (17,15%) [13].

Создание модели законодательной регламентации института помилования сопровождалось активной дискуссией ученых, политических деятелей и представителей общественности. Противниками помилования выступали Чезаре Беккариа, Иеремия Бентам, Гаэтано Филанджери, Иммануил Кант, Карл Эдуард Цахарие фон Лингенталля, Антуан-Никола Сервен и др. В частности, по мнению Ч. Беккариа, введение института помилования обусловлено жестокостью наказаний. При этом использование данного права ослабляет авторитет закона. Для устранения указанного противоречия предлагалось смягчить систему наказаний, и тем самым исключить применение помилования.

Другой точки зрения придерживались Карл Рейнгольд Кестлин и Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерля, Жан-Батист Стевенс, которые считали помилование справедливым дополнением карательного права. Однако, по мнению Жана-Батиста Стевенса, помилование должно иметь место лишь в исключительных случаях, чтобы наказание не стало «призрачным» [14, С. 96].

Анализируя юридическую природу института помилования в зарубежном праве, К.Г. Гаджихамедов и Р.Б. Гандалоев подчеркивают необходимость разграничения двух понятий: 1) осуждение виновного лица, являющееся результатом действия законодательства; 2) помилование, рассматриваемое с позиции «корректирования законодательства». В качестве предпосылок введения института помилования исследователи указывают три вида юридических актов, совершаемых главой государства. Во-первых, в зарубежных странах активно применяли институт «*indulgentia*», предусматривающий инициирование судом ходатайства на имя главы государства о неприменении к виновному лицу наказания, предусмотренного уголовным законом, ввиду установленного факта вовлечения виновного в преступление в связи с неблагоприятным течением обстоятельств. Второй предпосылкой возникновения института помилования предлагается считать действие института «*abolitio*», который заключался в предоставлении органам обвинения, в том числе администрации тюрем права инициирования подачи ходатайства о прекращении уголовного преследования. В качестве третьей предпосылки рассматривали институт «*restitutio*», который означал право главы государства на прекращение уголовного преследования в отношении виновного лица и право на изменение отбываемого наказания [15, С. 75-82].

Исследование юридической природы института помилования в национальном праве показало, что единовременные акты проявления главой государства милости в отношении как подозреваемых, обвиняемых, так подсудимых и осужденных независимо от стадии уголовного преследования имели место со времен возникновения древнерусского государства. При этом совершаемые главой государства акты «великодушного прощения» могли носить как индивидуальный, так и коллективный характер. Формирование правовых основ

регламентации помилования наметилось с принятием Судебника 1497 года, на основании которого глава государства имел право миловать как на стадии досудебного и судебного производства, так и на стадии исполнения наказания, в силу чего освобождению от наказания подлежали узники из тюрем. Законодательная модель, предусмотренная в Судебнике 1550 года, характеризуется регулированием порядка подачи челобитных о помиловании, приемом которых ведал Приказ Великого Государя Тайных Дел.

В развитие законодательной формулы, регламентирующей помилование, был издан Сенатский Указ Петра I от 30 августа 1720 г. «О сделании публичного места для обнародования прощений преступникам», в котором предписывалось «для впадших в вины публичного прощения перед Сенатской Канцелярией устроить особое место, на которое выведши, оным для всенародного объявления, о прощении сказку сказывать». На основании Сенатского Указа Петра I от 04 апреля 1721 г. «О прощении вин каторжникам и колодникам, кроме смертоубийц и разбойников» отпущение вин предусматривалось в отношении осужденных за тяжкие и другие преступления за исключением тех, «которые ради убийств или неоднократно учиненных разбоев осуждены». Определена была процедура помилования, включая форму обращения верховной власти к подданным и исключительный характер применения. Основанием регламентации права на помилование служили проявление главой государства милосердия и снискание народной любви. Реализация права помилования предусматривала «прощение и отпущение вин» в отношении как привлеченных к следствию, так и состоящих под судом и осужденных.

В дальнейшем законодательная модель регламентации помилования стала содержать более конкретные основания его применения. Например, исходя из содержания Указа Екатерины I 27.01.1725 г. «Об освобождении из-под ареста и прощении колодников, кроме содержащихся за вины по первым двум пунктам, за смертоубийства и неоднократные разбои», основаниями для подачи прошения о прощении являлось «осуждение к смертной казни и в ссылку на вечную каторгу». В данный перечень не входили осужденные за преступления, представляющие угрозу династической безопасности, а также совершившие смертоубийство либо неоднократно совершившие разбой. На основании Указа Екатерины I от 30 января 1725 г. «О Всемиловитивейшем облегчении наказания тяжким преступникам» перечень оснований вновь подлежал расширению, в частности милостью государевой могли быть одарены лица, «осужденные на каторгу в годы». Примечательно, что в Манифесте от 17 марта 1775 года «О Высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскую» Екатерина II указывала на разграничение «Всемиловитивейшего общего и частного прощения», следствием которых дела подлежали «глубокому молчанию и на вечное время забвению».

Использование законодателем в рассматриваемый период двух понятий – милование и прощение позволяет сделать вывод о том, что с учетом современного подхода формирование института помилования сопряжено было со становлением института амнистии и отсутствием четкого разграничения присущих им отличительных признаков. Амнистию (прощение) как форму реализации помилования главы государства применяли по различным основаниям. Так, в соответствии с Указами Екатерины I 1725-1726 г.г. милование осужденных предписывалось осуществлять в знак «многолетнего здравия Ее Императорского Величества». В этой связи профессор П.И. Люблинский писал, что дарование помилований по случаю предсмертной болезни или смерти для спасения души государя следует рассматривать в качестве религиозной природы его происхождения [16, С. 203-204]. В период правления Петра II имела место практика коронационных милований. Елизавета Петровна издавала милостивые манифесты в связи с «благополучно оконченной войны со Шведами». Одарение осужденных государевой милостью имело место в период правления Петра III и Екатерины II. Новым основанием для дарования милости осужденным, согласно Манифесту от 28 июня 1787 г. «О разных дарованных народу милостях», стало празднование императрицей 25-летия своего царствования.

Для осмысления социального и правового предназначения милости стоит обратить внимание на изданную 7 августа 1730 г. «Инструкцию Канцелярии Конфискации», в которой указывалось, что «только от Высочайшей власти зависит оставление и облегчение штрафов, так как принадлежит к случаям милости, содержа в себе часть права помилования». На основании этого предписывалось исключить смешение правосудия с милостью. Екатерина II, основывая свою позицию на идеях французского философа Ш.-Л. Монтескье, в своем Наказе писала о предоставлении монарху право милости с определением его границ.

В дальнейшем развитие российского законодательства сопровождалось последовательным оформлением понятия помилования, регламентацией данного института в национальном праве и поэтапным отграничением помилования от прощения (амнистии). Помилование, согласно ст. 148 Свода законов Российской Империи редакции 1833 г., представляло собой право, принадлежавшее исключительно монарху. Помилование не могло быть даровано судом, так как исходило «единственно от Верховной Самодержавной Власти и Монаршего милосердия». Принятие просьб о помиловании предписывалось осуществлять с особой осмотрительностью при условии наличия уважительных причин для ходатайства в облегчении участи осужденных. Что же касается прощения (амнистии), то оно не распространялось на оконченные дела и объявленные приговоры и даровалось Всемиловитвейшим манифестом в отношении подсудимых, которым не был объявлен окончательный приговор до издания манифеста (ст. 148-151).

При исследовании юридических оснований разграничения помилования и прощения (амнистии) научный интерес представляют положения, закрепленные в главе IV «О смягчении и отмене наказаний» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в соответствии с которыми: 1) ни помилование, ни прощение виновных не относилось к компетенции суда, а непосредственно были связаны с волей верховной самодержавной власти; 2) сила и пространство действия милосердия главы государства состояла в изъятии их из законов общих и даровании на основании высочайшего указа смягчения участи виновных лиц либо совершенного прощения (ст. 170); 3) прощение могло быть даровано государем в отношении указанных в манифесте проступков и преступлений. (ст. 171). Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. в чрезвычайных случаях для облегчения участи подсудимого, вовлеченного в преступление несчастным стечением обстоятельств, предусмотрено было право подачи судом ходатайства о помиловании Императорскому Величеству через министра юстиции (ст. 775). Для лиц, осужденных за государственные преступления, также предусмотрена была возможность подачи просьбы о помиловании либо облегчении участи от собственного лица по окончательным приговорам. Указанные просьбы подлежали подаче в судебную палату и с ее заключением через министра юстиции представлялись на Высочайшее усмотрение (ст. 1060).

На основании Устава уголовного судопроизводства 1864 г. издание главой государства Высочайшего указа или милостивого манифеста о даровании прощения в отличие от помилования являлось основанием «невозможности» возбуждения и осуществления судебного преследования в отношении обвиняемого (ст. 16). Внимания также заслуживают изданные в 1883 г. «Высочайше утвержденные Правила о порядке приведения в исполнение Постановлений Всемиловитвейшего Манифеста, касающиеся помилования и облегчения участи осужденных и обвиняемых», в соответствии с которыми законодатель стал отграничивать основания для реализации права на помилование от иных форм реализации главой государства милосердия, в том числе от прощения обвиняемых.

Разграничение форм проявления главой государства милосердия имело место в Уголовном уложении 1903 г. В главе первой отделения восьмого законодатель определяет два вида прав – право помилования и право прощения, которые, представляя собой акт милосердия, подлежали осуществлению независимо от суда и исходили исключительно от Верховной Самодержавной Власти (ст. 68-72). Анализ уголовного законодательства России XIX - начала XX вв. позволил установить особенности реализации права помилования, даруемого государем на основании представления суда, подаваемого через министра юстиции,

либо ходатайств частных лиц, поступающих через канцелярию Его Высочества по принятию прошений. Применение помилования допускалось в отношении осужденных за конкретные преступления. Наряду с помилованием в указанный период широкое применение получило право монарха на общее прощение (амнистию) путем издания всемилостивейших манифестов, указывающих на проявление милосердия самодержавной властью, пространство и сила действия которого состояли в смягчении участи виновных или даровании им совершенного прощения.

Законодательная регламентация исключительных прерогатив монарха нашла отражение в ст. 23 Высочайше Утвержденных Основных государственных законов 1906 г., согласно которой Государю Императору принадлежали: 1) право помилования осужденных; 2) право смягчения наказаний; 3) право общего прощения лиц, совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда и наказания. Последовательное развитие законодательства об исключительных правах главы государства характеризуют положения, закрепленные в Указе Временного правительства 06.03.1917 г. «Об общей политической амнистии», на основании которого можно сделать вывод о формализации понятия амнистии и более четком разграничении оснований реализации помилования и амнистии.

Созданная в дореволюционный период в национальном праве модель правового регулирования форм проявления милосердия со стороны главы государства по отношению к лицам, совершившим уголовно-наказуемое деяние, была подвергнута глубокому осмыслению представителями уголовно-правовой науки. Например, П.И. Люблинский писал, что разграничению подлежат три института: 1) право помилования; 2) право аболиции; 3) право общего прощения. По мнению ученого, право помилования означает основанную на усмотрении монарха правовую возможность смягчения или отмены назначенного судом наказания. Для реализации лицом права на прощение о помиловании требовалось вступление в силу обвинительного судебного приговора и правоспособность данного лица, позволяющая осуществлять «возбуждение вопроса о помиловании». Особенность регламентации помилования на данном этапе развития российского законодательства заключалась в том, что оно подлежало распространению как на отдельных преступников, так и группу лиц. В свою очередь, право аболиции предусматривало право прекращения или недопущения следственных либо судебных действий в отношении деяний, не завершившихся окончательным приговором суда. Прообразом современного института амнистии являлось право общего прощения как особая прерогатива главы государства, позволявшая ему издавать всемилостивейшие манифесты [16, С. 256-267].

Н.С. Таганцев подчеркивал, что особенность первоначальной регламентации актов дарования милости в государственном и уголовном праве России заключалась в синтезировании двух понятий (институтов) – помилования и амнистии. При этом ученый предлагал разграничить три формы реализации помилования: 1) право на неприменение предусмотренного законом наказания при установленной в законном порядке виновности лица; 2) прекращение или видоизменение отбываемого наказания; 3) устранение самого уголовного преследования или прекращение начатого [17, С. 365, 493-496].

Л.С. Белогриц-Котляревский в основу реализации права на помилование положил право верховной власти на исключение всей или части вины, влекущее исключение всего либо части наказания. По мнению ученого, стоит разграничивать три «типа» помилования: 1) освобождение от суда (*abolitio*), производимое до начала следствия или суда, исключающее последствия преступления; 2) индульгенцию или помилование в «тесном смысле», смягчающее или исключающее наказание, т.е. погашающее наказание; 3) реституцию или реабилитацию, восстанавливающие осужденного в правах и прежнем его состоянии по отбытии наказания либо его части [18, С. 341-342].

Качественно новые подходы к регламентации института помилования наметились в период формирования советского конституционного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Право помилования предусмотрено было в Декрете «О суде № 1» от

24.11.1917 г., согласно которому реализация его была возложена на органы судебной власти. Между тем, ввиду недостаточной разработанности законодательной формулы на правоприменительном уровне возникли вопросы относительно того, предполагает ли применение помилования смягчение или полную отмену наказания, а также предусматривает ли оно освобождение от уголовного преследования. На основании Декрета «О суде № 2» от 07.03.1918 г. и Инструкции «Об организации и действии местных народных судов» право помилования подлежало реализации местными народными судами в отношении лиц, осужденных по уголовным делам по приговору суда. Предоставление осужденным данного права означало возможность их обращения с ходатайством о помиловании в: 1) местный суд по месту проживания; 2) суд, рассматривающий данное уголовное дело; 3) Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК Советов) (ст. 32).

С принятием 10 июля 1918 г. Всероссийским съездом Советов первой Конституции РСФСР ВЦИК Советов как представительный орган законодательной власти был наделен правом помилования и амнистии. Установление в законодательной формуле разграничения помилования и амнистии как двух самостоятельных институтов сопровождалось указанием на отличие их юридической природы и оснований реализации. Амнистия как акт государственной воли подлежала разграничению на два вида – общую и частную. Основанием для объявления амнистии служили знаменательные события, необходимость решения определенной задачи или достижения конкретной цели. Реализация ВЦИК права помилования была связана с рассмотрением ходатайств лиц, осужденных к смертной казни. В отношении лиц, осужденных к иным видам наказания, право помилования осуществляли суды. Между тем, с принятием в 1920 г. Положения о Народном суде, право помилования в полном объеме было передано ВЦИК, который рассматривал ходатайства осужденных как к смертной казни, так и иным видам наказания. С введением в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. суды наделены были правом обращения в Президиум ВЦИК с ходатайством о помиловании.

В Уголовно-процессуальном кодексе Р.С.Ф.С.Р. от 25.05.1922 г. в ст. 4 подчеркивалось, что уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению на всякой стадии процесса вследствие акта об амнистии, если исключается наказуемость совершенного обвиняемым деяния или помилования отдельных лиц. Исходя из содержания ст. 35 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 31.10.1924 г. право помилования как основание освобождения осужденного от применения мер социальной защиты или понижения установленной законом меры социальной защиты в отношении приговоров народных судов, принадлежало ЦИК республик, в отношении приговоров Верховного суда Союза ССР и военных трибуналов – ЦИК Союза ССР. Основания отграничения помилования от амнистии получили дополнительную регламентацию в циркуляре Президиума ЦИК СССР от 25.11.1925 г. «О порядке применения амнистий, издаваемых центральными исполнительными комитетами союзных республик, к осужденным Верховным Судом СССР и военными трибуналами», в котором разъяснению также подлежал порядок реализации данных институтов.

Детализация законодательной формулы, регламентирующей право помилования, имела место в Конституции СССР 1936 г., в которой определены были как уполномоченный орган, так и основания реализации им данного права. Реализацией права помилования были наделены парламент – Верховный Совет СССР и его исполнительный орган – Президиум (п. «к» ст. 49). В Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 05.06.1953 г. регламентации подлежал порядок рассмотрения ходатайств о помиловании осужденных к высшей мере наказания, касающийся: ходатайства о помиловании осужденных и его рассмотрения на заседаниях Президиума Верховного Совета Союза ССР; проведения предварительной проверки материалов по ходатайствам о помиловании Председателем и Секретарем Президиума Верховного Совета с участием Генерального Прокурора, Председателя Верховного Суда, представителей Министерства внутренних дел и Министерства юстиции Союза ССР; предоставления справки по каждому делу Председателем

Верховного Суда в Президиум Верховного Совета; заключения Генерального Прокурора Союза ССР по каждому ходатайству осужденных к высшей мере наказания о помиловании.

Что касается рассмотрения ходатайства о помиловании осужденных к другим мерам наказания, то устанавливался порядок: предварительного изучения материалов Председателем Президиума Верховного Совета СССР и Секретарем Президиума Верховного Совета СССР с участием Генерального Прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР и представителей Министерства внутренних дел СССР и Министерства юстиции СССР; вынесения предложения по ходатайствам на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР; принятия решений по ходатайствам о помиловании осужденных к лишению свободы за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство. Примечательно, что решения Президиума Верховного Совета СССР направляли для исполнения: по ходатайствам о помиловании осужденных к высшей мере наказания – в Верховный Суд Союза ССР, а по ходатайствам осужденных к другим мерам наказания – в Министерство юстиции Союза ССР. С принятием постановления «О формах актов Президиума Верховного Совета СССР по вопросам помилования» 17 ноября 1964 г. были установлены два вида актов: 1) при удовлетворении ходатайства о помиловании в качестве формы акта устанавливался указ; 2) при отказе в удовлетворении ходатайства – постановление.

В соответствии с нормами конституционного законодательства был разработан механизм уголовно-правового регулирования реализации права на помилования, определяемый в ст. 46 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25.12. 1958 г., ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 г., ст. 56 УК РСФСР от 27.10.1960 г., ст. 5 УПК РСФСР от 27.10.1960 г., ст. 98 ИТК от 18.12.1970 г., в которых «помилование отдельных лиц» детализации подлежало исходя из таких институтов, как «обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу», основание «освобождения от наказания», «смягчения наказания», «освобождения от отбывания наказания».

В дальнейшем законодатель, сохранив преемственность положений о помиловании в Конституции СССР 1977 г., закрепил данное право за Президиумом Верховного Совета СССР и установил, что если инициатива по объявлению амнистии исходит от верховного органа законодательной власти, то помилование подлежит осуществлению как по инициативе данного органа, так и по ходатайству осужденного, его родственников, общественных организаций, наблюдательных комиссий или администрации исправительных учреждений (ст. 121). Также реализация права на помилование предусматривала комплексный анализ личности преступника, характера совершенного деяния и поведения осужденного за весь период отбывания наказания. Удовлетворение ходатайства о помиловании зависело от отношения осужденного к труду и обучению, наличия поощрений и отсутствия взысканий. В результате помилование как правовой институт стали рассматривать в качестве стимула социально полезного поведения осужденного, ориентирующего на исправление в условиях отбывания наказания.

Ученые, прослеживая эволюцию юридической природы помилования, указывают на ее двойственный характер. В частности, по мнению Н.Д. Дурманова, приоритетной следует считать волю представительных органов государственной власти, вследствие чего данный институт имеет государственно-правовую природу [19, С. 36]. Реализация права помилования влечет принятие уполномоченным органом акта во внесудебном порядке, который не изменяет уголовный закон и не отменяет вынесенный ранее приговор суда. Результатом действия права помилования является видоизменение или аннулирование индивидуально определенных ранее судом уголовно-правовых последствий путем частичного и полностью освобождения осужденного от назначенного наказания, замены наказания на более мягкое или снятия судимости [20, С. 168-172; 21, С. 78-80]. Таким образом, юридическая природа помилования, подлежащая трансформации по мере эволюции государственно-правового регулирования, стала предусматривать издание уполномоченным органом верховной власти акта, на

основании которого индивидуально определенное осужденное по приговору суда лицо подлежало освобождению от отбывания наказания либо имела место замена наказания на более мягкий вид, а также в качестве последствия его реализации могло быть снятие с лица судимости в случае отбытия им наказания.

Выводы. Помилование получает оформление в национальном праве как правовой институт, подлежащий последовательной законодательной регламентации в нормах государственного (конституционного) права. По мере развития законодательства в дореволюционный период оформление получили два правовых института – помилование и прощение. Введение института помилования обусловлено назначением судом наказания в виде смертной казни. Издание акта о помиловании влекло отмену смертной казни и замену ее более мягким наказанием. Основанием для издания главой государства в единоличном порядке акта о помиловании являлось совершение с проявлением милосердия богоугодного дела, имевшее место при определенных ситуациях, связанных с политическими внутренними и внешними событиями.

Конституционно-правовое предназначение института помилования состоит в выражении воли правомочного органа государственной власти как верховного суверена. Помилование как вид государственной деятельности преследует правовые цели, которые определяют содержание данного юридического института. Конституционно-правовое регулирование права на помилование обуславливает внесудебный характер его реализации. Акт помилования, представляющий собой внесудебный персонифицированный индивидуальный правовой акт, применяется в отношении осужденного, касается назначенного судом наказания, ориентирован на проявление гуманизма уполномоченным органом государственной власти, имеет однократное действие. Вместе с тем, к основным правовым целям помилования наряду с проявлением гуманного отношения к осужденному можно отнести поддержание государственного авторитета и экономию мер репрессии. Правовое регулирование права помилования предусматривает соответствие уголовно-правовых норм нормам конституционного законодательства.

По мере формирования отраслевого законодательства реализация права помилования обусловила необходимость установления межотраслевого взаимодействия норм государственного (конституционного), уголовного, административного и уголовно-исполнительного права. Признавая конституционную природу института помилования, законодатель предусматривает многоуровневый характер реализации права помилования.

Особенность регламентации права помилования на современном этапе заключается в его политико-правовом характере, означающем сочетание политических интересов государства с целями и задачами уголовно-правовой политики. В результате реализация института помилования помимо оснований, связанных с поведением осужденного в период отбывания наказания, и неучтенных судом при назначении наказания либо возникших обстоятельств, характеризующих как личность осужденного, так и само деяние, обеспечивает решение государственных, политических, правовых, социальных и иных задач, имеющих место как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Список литературы

1. Селиверстов, В.И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 г. и их влияние на расширение практики помилования / В.И. Селиверстов // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 222-228.
2. Донская (Кавелина), О.Г. Институт помилования в России: современный этап / О.Г. Донская (Кавелина) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 204-212.
3. Скуратов, Ю.И. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия / Ю.И. Скуратов, С.Н. Чурилов, Н.С. Грудинин // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 20-27.

4. Скопинцева, В.В. Необходимые условия для рассмотрения ходатайства о помиловании / В.В. Скопинцева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 75-84.
5. Барвинская, Ю.С. Амнистия и помилование: уголовно-правовой и криминологический анализ. Дисс. ... канд. юрид. наук 5.1.4. Уголовно-правовые науки. – Луганск, 2023. – 176 с.
6. Гукасов, И.А. Институт помилования в Российской Федерации: конституционно-правовые начала: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 32 с.
7. Елинский, А.В. Помилование в конституционно-правовом измерении / А.В. Елинский // Новый юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 101–115.
8. Кавелина, О.Г. Институт помилования: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.
9. Осмоловская, Н.В. Амнистия и помилование, как средства корректирования карательной политики государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тюмен. юрид. ин-т. – Тюмень, 2006. – 18 с.
10. Shang Shu. Canon of Shun. – URL: <http://chinese.dsturgeon.net/text.pl?node=21506&if=en> (дата обращения: 25.03.2026).
11. Го юй (Речи царств). Речи владения Цзинь. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – 474 с.
12. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. – М.: «Наука», 1993. – 370 с.
13. Statistique judiciaire de la Belgique (1904), (1905), (1906), (1907). P. LXVI, LXV, LXIV.
14. Одиночные тюрьмы в Бельгии, их физическая и нравственная гигиена: Пер. с фр. / Соч. Ж. Стевенса, инспектора всех тюрем.... 2-е изд., испр. и доп. – Москва : типо-лит. Г.И. Простакова, 1903. –167 с.
15. Гаджихамедов, К.Г. Амнистия и помилование в законодательном развитии (краткий исторический экскурс) / К.Г. Гаджихамедов, Р.Б. Гандалоев // Криминалисть. – 2018. – № 2 (23). – С. 75-82.
16. Люблинский, П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование / П.И. Люблинский. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1907. – 363 с.
17. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право : Часть общ. / Н.С. Таганцев. – Т. 2. – Тула, 2001. – 685 с.
18. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев : Типо-литография И.И. Чоколова, 1903. – 638 с.
19. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – М., 1967. – 310 с.
20. Балафендиев, А.М. Социально-правовое назначение института амнистии и помилования / А.М. Балафендиев // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – №1. – С. 168-172.
21. Некрасов, А.П. Помилование в России: история и современность / А.П. Некрасов, В.А. Некрасов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 27 (318). Право. Вып. 38. – С. 78-80.

УДК 343.98:629.7.017.3

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ С
ЭЛЕМЕНТАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА
ПРОИСШЕСТВИЯ: ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ)**

Александр Александрович Булавкин, кандидат социологических наук, профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки, Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции (г. Москва)

(e-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru)

Данг Тхи Кам Ту, слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

(e-mail: tudtc1706@xmail.ru)

В статье проведен сравнительный анализ технических и правовых проблем внедрения беспилотных воздушных судов (БВС) с элементами искусственного интеллекта (ИИ) в процесс осмотра места происшествия. На примере России и Китая выявлены концептуальные различия в подходах к стандартизации технических средств, обеспечению процессуальной допустимости полученных данных и регулированию оперативного применения дронов. Обосновывается необходимость гармонизации технических стандартов и совершенствования правовых механизмов с учетом требований уголовно-процессуального законодательства и международных норм защиты персональных данных.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда, искусственный интеллект, осмотр места происшествия, технические средства фиксации, допустимость доказательств, сравнительное правоведение, Российская Федерация, Китайская Народная Республика.

**PROBLEMS OF USING UNMANNED AERIAL VEHICLES WITH ELEMENTS OF
ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EXAMINATION OF THE SCENE OF AN
ACCIDENT: TECHNICAL AND LEGAL ASPECTS
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND CHINA)**

Bulavkin, A.A., Dang Thi Cam Tu

The article provides a comparative analysis of the technical and legal issues associated with the implementation of unmanned aerial vehicles (UAVs) with artificial intelligence (AI) elements in the process of examining crime scenes. Using the example of Russia and China, the article identifies conceptual differences in approaches to standardizing technical tools, ensuring the procedural admissibility of obtained data, and regulating the operational use of drones. The article substantiates the need for harmonization of technical standards and improvement of legal mechanisms, taking into account the requirements of criminal procedure legislation and international standards for protecting personal data.

Keywords: unmanned aerial vehicles, artificial intelligence, crime scene investigation, technical recording means, admissibility of evidence, comparative law, Russian Federation, People's Republic of China.

Актуальность темы исследования. Внедрение беспилотных воздушных судов (БВС) и технологий искусственного интеллекта в криминалистическую деятельность выступает одним из ключевых направлений цифровой трансформации правоохранительных органов.

Как отмечает Н.Г. Шурухнов, осмотр места происшествия сохраняет статус основного следственного действия, и качество его проведения предопределяет успех всего последующего расследования [1, С. 105]. Применение БВС позволяет осуществлять фиксацию обстановки с высоты, формировать метрически точные трехмерные модели и обеспечивать доступ к труднодоступным участкам местности [2, С. 44].

Вместе с тем, как подчеркивает О.А. Петухов, стремительное развитие технологий опережает процесс формирования адекватной правовой базы, что порождает множество неопределенностей в вопросах ответственности операторов и процессуального статуса получаемых данных [3].

В сложившихся условиях сопоставление подходов, реализуемых в Китае и России, приобретает особое значение, поскольку данные государства демонстрируют различные модели интеграции рассматриваемых технологий в следственную практику.

Анализ научных исследований. Теоретическую базу исследования составляют научные труды, посвященные применению технических средств в криминалистической деятельности. Н.Г. Шурухнов анализирует роль БВС как средства, способствующего повышению качества и безопасности осмотра [1, С. 106-108]. В.Н. Чаплыгина и В.Ф. Васюков детально исследуют тактические приемы использования дронов при дорожно-транспортных происшествиях, уделяя внимание техническим аспектам аэрофотосъемки и последующей фотограмметрической обработке материалов [2, С. 45-47]. Правовое регулирование эксплуатации БВС в гражданской и правоохранительной сферах становится предметом анализа в работе О.А. Петухова [3]. Значительный интерес представляют публикации, освещающие китайский опыт внедрения ИИ в правоохранительную деятельность, включая создание систем видеонаблюдения с элементами компьютерного зрения и интеграцию дронов в инфраструктуру «Безопасного города» [4; 5]. Технические ограничения, связанные с функционированием алгоритмов компьютерного зрения и роевых систем, рассматриваются в работах Ю.В. Капрального с соавторами [6, С. 51], а также в аналитических обзорах специализированных изданий [7; 8].

Цели исследования. Методологической основой нашей статьи стал комплекс общенаучных и специально-юридических методов: диалектический подход позволил нам рассмотреть технические и правовые аспекты применения БВС в их развитии, выявив взаимосвязи с социальными и технологическими факторами; основную нагрузку несет сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления российского и китайского законодательства, регулирующего оборот БВС, доказательственное право и защиту персональных данных; формально-юридический анализ был использован при изучении нормативных правовых актов. Системный подход обеспечил рассмотрение совокупности технических средств и правовых норм в качестве целостной криминалистической системы, а для оценки точности алгоритмов и эффективности технических решений применялись методы математического моделирования и статистического анализа.

Изложение основного материала. Что нам показывают результаты проведенного исследования?

Во-первых, наличие технических проблем применения БВС на основе ИИ в осмотре места происшествия.

Современные системы фиксации места происшествия с использованием БВС базируются на комплексе технологий, включающих компьютерное зрение, алгоритмы построения трехмерных моделей и системы глобального позиционирования. Как указывает В.Н. Чаплыгина, качество получаемых материалов напрямую зависит от конструктивных характеристик дрона, стабильности его полета, калибровки подвеса камеры и точности навигационных систем [2, С. 45].

Проблема точности позиционирования и устойчивости алгоритмов компьютерного зрения остается одной из центральных. Нейросетевые алгоритмы демонстрируют высокую точность распознавания объектов в лабораторных условиях, однако в реальной следственной практике, как отмечается в аналитических обзорах, точность снижается при окклюзии следов или недостаточном уровне освещения, а доля ложных срабатываний может достигать 25% [7]. Стоит согласиться с мнением А.А. Булавкина и А.И. Носовой, которые подчеркивают, что в городской среде работа с БВС требует особой внимательности из-за большого количества препятствий [17, С. 518].

В условиях плотной городской застройки, характерной для крупных городов Китая и России, электромагнитные помехи и турбулентность вызывают искажения в данных лазерного сканирования. Согласно данным, представленным в исследовании китайских разработчиков, точность позиционирования в таких условиях существенно снижается, что критично для фиксации микроследов [5].

Ограниченная энергоэффективность и автономность полета также выступают значимыми техническими барьерами. Литий-полимерные батареи обеспечивают время полета от 20 до 40 минут. Нагрузка, связанная с работой ИИ на борту, сокращает этот показатель примерно вдвое. Как обосновывают Ю.В. Капральный с соавторами, для осмотра протяженных мест происшествий требуется применение роевых систем, однако в режиме роя возрастают риски коллизий и потери связи, что негативно сказывается на полноте покрытия территории [6, С. 51; 8].

Существенные различия между Россией и Китаем проявляются в уровне технологического развития и доступности передовых решений. Китай, контролируя значительную часть мирового рынка дронов, интегрирует в свои системы отечественные чипы и мультиспектральные сенсоры, обеспечивающие субсантиметровую точность даже в условиях смога [4]. Россия, находясь под санкционным давлением, вынуждена развивать импортозамещение, что ограничивает доступ к высокоточным лидарам премиального класса. При этом, как отмечается в пилотных проектах МВД России, отечественные системы демонстрируют устойчивость к экстремальным климатическим условиям, что является важным преимуществом для арктических и сибирских регионов России [9].

Во-вторых, существование правовых проблем применения БВС на основе ИИ в осмотре места происшествия.

Правовое регулирование применения БВС при осмотре места происшествия охватывает три ключевые группы вопросов: процессуальный статус полученных данных, соблюдение законодательства о персональных данных и разрешительный порядок использования воздушного пространства.

Процессуальный статус данных, получаемых с помощью БВС, в российском уголовно-процессуальном законодательстве четко не определен. В соответствии со ст. 176-178 УПК РФ осмотр места происшествия производится следователем с участием специалиста, а результаты фиксации отражаются в протоколе. Материалы аэрофотосъемки квалифицируются как «иные документы» (ст. 84 УПК РФ) [10]. Как отмечает О.А. Петухов, отсутствие обязательных стандартов аутентификации создает риск признания таких доказательств недопустимыми [3]. Судебная практика знает случаи, когда отсутствие журнала предполетных проверок и регистрации аппарата служило основанием для исключения материалов из дела.

В Китае правовой статус цифровых доказательств урегулирован более детально. Уголовно-процессуальный закон КНР (ст. 48) относит материалы аэрофотосъемки к категории «электронных данных» [11]. В рамках реализации стратегии «Умный суд» Верховный народный суд КНР ввел обязательное требование об использовании технологии распределенного реестра (блокчейн) для фиксации цепочки хранения доказательств [12]. Благодаря такому решению существенно снижается вероятность оспаривания допустимости улик, а у суда формируется более высокий уровень доверия к цифровым материалам.

Вопросы защиты персональных данных и обеспечения неприкосновенности частной жизни выступают одними из наиболее острых правовых проблем при эксплуатации БВС. В

России действует Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [13], в соответствии с которым сбор биометрической информации допускается исключительно при наличии согласия субъекта. Более того, в Постановлении Верховного Суда РФ, принятом в 2023 году, разъясняется, что даже непреднамеренная фиксация изображений граждан может повлечь признание полученных улик недопустимыми, если подобный сбор не был прямо предусмотрен законом.

Китайский закон «О защите персональных данных» (PIPL), вступивший в силу в 2021 году, также предъявляет жесткие требования к обработке биометрических данных [14]. В Китае от разработчиков систем требуют, чтобы алгоритмы автоматической анонимизации встраивались уже на этапе съемки. Благодаря такому решению правовые риски, сопряженные с обработкой персональных данных, удается минимизировать еще до того, как информация окажется в материалах дела. С одной стороны, это снижает уязвимость перед юридическими претензиями. С другой – нельзя не заметить, что подобный подход одновременно расширяет возможности для государственного контроля.

Третья значимая правовая проблема связана с разрешительным порядком использования воздушного пространства. В России действуют Воздушный кодекс и Федеральные авиационные правила, которые обязывают регистрировать БВС массой более 150 граммов и согласовывать полеты с органами управления воздушным движением [15]. Как справедливо отмечает О.А. Петухов, процедура получения разового разрешения порой растягивается на длительное время, и в условиях острого дефицита времени оперативность применения дронов оказывается под вопросом [3]. В Китае же для правоохранительных органов предусмотрены упрощенные механизмы: провинциальные пилотные зоны располагают специальными разрешениями на проведение полетов в рамках системы «Безопасный город», что позволяет реагировать незамедлительно [5].

В-третьих, сравнительный анализ подходов к техническому и правовому регулированию в Российской Федерации и Китайской Народной Республике говорит о следующем.

Сравнительный анализ позволяет выявить две принципиально различные модели интеграции технологий БВС и ИИ в осмотр места происшествия.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов к техническому регулированию.

Критерий	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Аппаратное обеспечение	Импортозамещение, ограниченный доступ к высокоточным лидарам	Лидерство в производстве, отечественные чипы, субсантиметровая точность
Алгоритмы и данные	Локальные датасеты, доменное смещение	Национальные датасеты, федеративное обучение
Роевой интеллект	Пилотные проекты (3-5 дронов)	Масштабные системы (20+ дронов), отказоустойчивость [6, С. 51; 8]
Климатическая устойчивость	Эффективность в экстремальных условиях	Работоспособность в условиях смога и дождя

Таблица 2. Сравнительный анализ подходов к правовому регулированию.

Критерий	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Процессуальный статус	«Иные документы» (ст. 84 УПК РФ), отсутствие обязательных стандартов аутентификации	«Электронные данные» (ст. 48 УПК), обязательный блокчейн-аудит [12]

Защита персональных данных	ФЗ-152, жесткие ограничения, риск недопустимости улик [13]	PIPL + обязательная анонимизация [14]
Разрешительный режим полетов	Согласование с органами воздушного транспорта, ограничения на полеты вне визуальной видимости [15]	Упрощенные процедуры для правоохранительных органов
Ответственность оператора	Персональная (ст. 1079 ГК РФ), фрагментированная по ведомствам [3]	Гибридная (оператор + сертификация алгоритмов)

Сопоставление двух моделей позволяет увидеть как сильные, так и слабые стороны каждой из них. Российский подход строится на использовании отечественных разработок. В этом есть своя логика: в условиях экстремального климата, а для огромных северных территорий страны это фактор первостепенной важности, именно такая техника показывает себя с лучшей стороны. Однако проблемы все же остаются. Технологическое отставание в области алгоритмов искусственного интеллекта и сенсорного оборудования пока не преодолено. Добавим сюда же фрагментарность правового регулирования. В совокупности эти факторы создают риски – причем сразу в двух измерениях: страдает и процессуальная надежность получаемых улик, и гарантии защиты прав граждан.

Китайская модель, встроенная в национальную стратегию развития искусственного интеллекта и цифровой экономики, обеспечивает высокий уровень технической оснащенности, унификацию стандартов обработки данных и оперативность применения. Однако, как отмечается в международных аналитических докладах, сосредоточение технологических ресурсов в руках государства несет в себе риски использования этих инструментов в целях, выходящих за рамки судебного контроля.

Для обоих государств общей проблемой остается несоответствие действующего законодательства требованиям международных норм в области защиты персональных данных и прав человека.

Так, А.А. Булавкин справедливо отмечает, что внедрение БВС в работу полиции требует тщательного рассмотрения вопросов правового регулирования и обеспечения личной безопасности граждан, подчеркивая при этом, что необходима разработка четких норм и стандартов, которые помогут избежать нарушений прав граждан при проведении воздушного наблюдения [18, С. 104].

В то же время, Россия, будучи участником Международного пакта о гражданских и политических правах, до сих пор не выработала унифицированных подходов к регулированию применения ИИ в уголовном судопроизводстве. Китай, несмотря на активное развитие законодательной базы в этой сфере, продолжает сталкиваться с критикой со стороны международных организаций относительно соблюдения права на неприкосновенность частной жизни.

Выводы. Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. К числу технических проблем применения БВС с элементами ИИ при осмотре места происшествия относятся: недостаточная точность работы алгоритмов компьютерного зрения в неконтролируемых условиях, ограниченная энергоэффективность, низкая устойчивость к электромагнитным помехам и климатическим факторам. Россия и Китай демонстрируют разные уровни технологического развития: Китай лидирует в области вычислительных мощностей, масштабов датасетов и роевых технологий, тогда как Россия сохраняет компетенции в адаптации техники к экстремальным климатическим условиям.

2. Правовые проблемы связаны с неопределенностью процессуального статуса цифровых доказательств, отсутствием обязательных стандартов аутентификации и фиксации цепочки хранения, противоречием между требованиями законодательства о персональных

данных и необходимостью оперативного сбора улик, а также бюрократическими барьерами при оформлении разрешений на полеты. Китайское законодательство, в отличие от российского, содержит более детальные нормы о статусе электронных доказательств и внедряет технологические механизмы для минимизации правовых рисков.

3. Обе модели характеризуются недостаточностью судебного контроля за применением ИИ-технологий в доказывании. В России отсутствуют четкие критерии допустимости алгоритмических доказательств, в Китае – механизмы независимого аудита решений, принимаемых на основе ИИ.

На основе вышесказанного, можно сформулировать следующие рекомендации.

1. Применительно к Российской Федерации представляется оправданным внести поправки в УПК РФ. Суть их – закрепить за данными, которые получают с помощью БВС, процессуальный статус «результатов применения технических средств». При этом обязательным условием должно стать требование фиксировать цепочку хранения с использованием криптографических методов. Помимо этого, назрела необходимость в ведомственном приказе, который бы регламентировал порядок применения дронов при осмотре места происшествия. Такой документ, на наш взгляд, должен охватывать вопросы регистрации полетов, калибровки оборудования, порядка протоколирования действий, а также анонимизации персональных данных.

2. В Китайской Народной Республике, как видится, назрела потребность в создании механизмов независимого судебного контроля за тем, как алгоритмические системы применяются в уголовном судопроизводстве. Речь идет о том, чтобы обеспечить прозрачность таких процедур и возможность проверять решения, которые были приняты на основе ИИ. Параллельно имеет смысл продолжить работу по стандартизации протоколов взаимодействия БВС с системами уголовного правосудия. Ключевой ориентир здесь – соблюдение баланса: с одной стороны, эффективность расследования, с другой – неукоснительное соблюдение прав человека.

3. Для обоих государств рекомендуется развивать двустороннее сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС по гармонизации технических стандартов и правовых подходов к обеспечению допустимости трансграничных цифровых доказательств. Целесообразно проведение лонгитюдных эмпирических исследований, направленных на количественную оценку влияния внедрения БВС с элементами ИИ на ключевые показатели деятельности следственных органов. Полученные в ходе таких исследований данные позволят сформировать научно обоснованную базу для последующего совершенствования как технических, так и правовых механизмов.

Интеграция беспилотных летательных аппаратов и технологий искусственного интеллекта в практику осмотра места происшествия знаменует собой не просто техническое переоснащение, но качественную трансформацию парадигмы криминалистической деятельности. Успешное разрешение проблем, возникающих в этом процессе, требует скоординированных усилий законодателя, правоприменителя и научного сообщества. Главная задача при этом – обеспечить сбалансированное сочетание эффективности расследования с неукоснительным соблюдением конституционных прав граждан.

Список литературы

1. Шурухов, Н.Г. Беспилотные летательные аппараты – дополнительные средства повышения качества и безопасности производства осмотра места происшествия / Н.Г. Шурухов // Вестник криминалистики. – 2024. – № 2. – С. 102-110. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bespilotnye-letatelnye-apparaty-dopolnitelnye-sredstva-povysheniya-kachestva-i-bezopasnosti-pr...> (дата обращения: 25.03.2026).
2. Васюков, В.Ф. Тактические особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия с использованием беспилотных летательных аппаратов / В.Ф. Васюков, В.Н. Чаплыгина // Road Safety. – 2025. – №3. – С. 43-47. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-osobennosti-osmotra-mesta-dorozhno-transportnogo-proisshestviya-s-ispolzovaniem-b> (дата обращения: 25.03.2026).
3. Петухов, О.А. Беспилотные летательные аппараты: риски, перспективы и правовое регулирование / О.А. Петухов // Legascom. – 2026. – № 1. – С. 15-22. – URL: <https://legascom.ru/notes/10528-bespilotnye-letatelnye-apparaty-riski-perspektivy-i-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 25.03.2026).
4. КНР запускает ИИ-платформу для повышения эффективности судебной системы / Коллектив авторов // РАПСИ. – 2024. – № 310. – URL: http://rapsinews.ru/digital_law_news/20241205/310468907.html (дата обращения: 25.03.2026).
5. В Китае разработали ИИ-прокурора / Коллектив авторов // Skillbox Media. – 2023. – № 8. – URL: <https://skillbox.ru/media/business/v-kitae-razrabotali-ii-prokurora/> (дата обращения: 25.03.2026).
6. Капральный, Ю.В. Применение искусственного интеллекта в управлении группой беспилотных летательных аппаратов в ликвидации межрегиональных чрезвычайных ситуаций на северных территориях России / Ю.В. Капральный, А.М. Иванова, А.М. Воротников // Арктика 2035. – 2025. – №2 (22). – С. 69-75. – URL: <https://arctic2035.ru/n22-p69> (дата обращения: 25.03.2026).
7. Некоторые аспекты осмотра места происшествия при расследовании террористических актов, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов / Коллектив авторов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 2. – С. 45-52. – URL: <https://vestnikesiirk.ru/ru/nauka/article/86636/view> (дата обращения: 25.03.2026).
8. Брагинский, О. Роевые технологии управления дронами /О. Брагинский. – 2025. – № 4. – С. 12-18. – URL: <https://braginskyoleg.com/ru/content/2025/04/15/roevye-tekhnologii-upravleniya-dronami/> (дата обращения: 25.03.2026).
9. Актуальные вопросы правового регулирования беспилотных летательных аппаратов / Коллектив авторов // Law.Cifra.Science. – 2025. – Т. 3, № 7. – С. 25-32. – URL: <https://law.cifra.science/archive/3-7-2025-august/10.60797/LAW.2025.7.5> (дата обращения: 25.03.2026).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.03.2026): [ст. 176-178, 84] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
11. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики: принят 01.07.1979 (ред. 2024): [ст. 48] // Национальный народный конгресс КНР. – 1979. – URL: https://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202112/t20211217_292878.shtml (дата обращения: 25.03.2026).
12. China | AI deeply embedded in criminal justice system / Collective authors // Techand Justice.BSG.Ox.ac.uk. – 2025. – URL: <https://www.techandjustice.bsg.ox.ac.uk/research/china> (accessed: 25.03.2026).
13. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
14. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL): adopted on 20.11.2021 // National People's Congress of the PRC. – 2021. – URL: https://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202112/t20211229_292910.shtml (accessed: 25.03.2026).
15. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Требования к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим коммерческие воздушные перевозки...» (ФАП-128): Приказ Минтранса РФ от 31.07.2020 № 285 // Официальная публикация. – 2020. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723406/> (дата обращения: 25.03.2026).

16. 最高人民法院发布6件检察技术支持公益诉讼检察典型案例 / 集体作者 // 12309中国检察网. – 2025. – № C015. – URL: <https://www.12309.gov.cn/12309/C015/1980904094895874049.html> (查阅日期：2026年3月25日).
17. Булавкин, А.А. Основные перспективы использования беспилотных воздушных судов в деятельности МВД России / А.И. Носова, А.А. Булавкин // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22-24 мая 2025 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 516-519. – EDN VBCASP.
18. Булавкин, А.А. Использование беспилотных воздушных судов в процессе расследования преступлений / А.А. Булавкин, А.А. Белякова // Государство, общество и личность в современных условиях: актуальные вопросы правового регулирования: сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 20 мая 2025 года. – Саратов : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2025. – С. 103-107. – EDN YSJQI.

УДК 343.4

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЖИМА КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ: ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Александр Леонидович Вострокнутов, кандидат технических наук, профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях УНК СП, Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

(e-mail: al_vostroknutov@mail.ru)

Данг Тхи Кам Ту, слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

(e-mail: tudtc1706@xmail.ru)

Тембот Хабасович Люев, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт, филиал Краснодарского университета МВД России (г. Нальчик)

(e-mail: loov2012@mail.ru)

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу российского института контртеррористической операции и вьетнамской системы противодействия терроризму. Выявлены концептуальные различия в подходах к разграничению полномочий органов власти и ограничению прав человека. Обосновывается необходимость совершенствования законодательных механизмов контроля за применением чрезвычайных полномочий с учетом международных стандартов прав человека.

Ключевые слова: *Контртеррористическая операция, правовой режим, Российская Федерация, Социалистическая Республика Вьетнам, ограничение прав человека, разграничение полномочий, сравнительное правоведение, чрезвычайное положение.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE COUNTER-TERRORISM OPERATION REGIME IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE LEGAL REGULATION OF COUNTER-TERRORISM MEASURES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM: ISSUES OF DELINEATION OF POWERS AND RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS

Vostroknutov, A.L., Dang Thi Cam Tu, Lyuev, T.Kh.

The article provides a comparative legal analysis of the Russian counter-terrorist operation regime and the Vietnamese system of counter-terrorism regulation. The study identifies conceptual differences in approaches to the delimitation of powers of state authorities and restrictions on human rights. The necessity of improving legislative mechanisms for controlling the application of emergency powers is substantiated, taking into account international human rights standards.

Keywords: *Counter-terrorism operation, legal regime, Russian Federation, Socialist Republic of Vietnam, restriction of human rights, delineation of powers, comparative law, state of emergency.*

Транснациональный терроризм представляет серьезный вызов национальной безопасности. В этих условиях государства вынуждены искать баланс между защитой общества и соблюдением прав человека. Российская Федерация использует режим

контртеррористической операции (КТО) – временный исключительный правовой режим, тогда как Социалистическая Республика Вьетнам (далее – Вьетнам) применяет систему постоянных административных мер без введения специального оперативного режима. Сравнительный анализ этих двух моделей позволяет выявить их преимущества и недостатки в контексте обеспечения прав человека.

Теоретическую основу исследования составляют работы, посвященные проблемам противодействия терроризму и защите прав человека. Так, Л.В. Дериглазова анализирует факторы политического поражения сильной стороны в асимметричных конфликтах [1, С. 26], а О.В. Нардина исследует правовую природу КТО и необходимость контроля за чрезвычайными полномочиями [5, С. 62]. А.А. Булавкин освещает сотрудничество государств евразийского региона в рамках региональных организаций в сфере противодействия терроризму и экстремизму [12, С. 88]. G. Merom рассматривает дилеммы демократий в антиповстанческих войнах [15, С. 229-231], тогда как Phan Quang Vinh анализирует эволюцию вьетнамского антитеррористического законодательства [17, С. 3-5]. Особое значение имеют доклады Human Rights Watch [14, С. 12-15] и заявления экспертов ООН [18], фиксирующие нарушения прав человека при применении антитеррористических мер во Вьетнаме. Вопросы совершенствования законодательства в данной сфере поднимают также А.Р. Манукян [4, С. 46-47] и Л.В. Дериглазова [1, С. 50-52].

Исследование проведено с использованием комплекса общенаучных и специально-юридических методов. Диалектический метод позволил рассмотреть правовые институты противодействия терроризму в их развитии и взаимосвязи с политическими и социальными факторами. Основным выступает сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления российского и вьетнамского законодательства. Формально-юридический метод использован при анализе нормативных правовых актов. Метод системного анализа обеспечил рассмотрение антитеррористического законодательства как целостной системы, а историко-правовой метод позволил выявить эволюцию подходов к правовому регулированию в исследуемых государствах.

Результаты.

1. Правовая природа и содержание режима КТО в Российской Федерации.

Режим контртеррористической операции в России регламентируется Федеральным законом № 35-ФЗ [11]. КТО вводится для пресечения террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства. Решение принимает руководитель оперативного штаба и подлежит незамедлительному обнародованию.

Предусмотренные законом ограничения можно объединить в несколько групп: проверка документов и доставление лиц для установления личности; ограничение передвижения и временное отселение граждан; контроль телефонных переговоров и информации; использование транспортных средств граждан и проникновение в жилые помещения; усиление охраны объектов, приостановление деятельности опасных производств и ограничение оборота оружия [11]. Режим КТО может вводиться также при захвате заложника, угоне судов и преступлениях террористической направленности. Максимальный срок проведения операции законодательно не установлен.

Практика применения КТО в России демонстрирует определенные проблемы, связанные с отсутствием законодательных ограничений срока операции. Наиболее показательным примером является проведение КТО в Чеченской Республике, продолжавшаяся с 1999 по 2009 год, что, по оценке Нардиной О.В., противоречит международным обязательствам России [10]. В ходе данной операции ФСБ активно использовала систему СОПМ [11] (система оперативно-розыскных мероприятий) для контроля телефонных переговоров и интернет-трафика без необходимости предъявления конкретных обвинений. Практиковалось принудительное изъятие транспортных средств и принудительная эвакуация населения.

В 2024 году режим КТО вводился в приграничных регионах России – Курской и Белгородской областях – в связи с действиями украинских диверсионных групп. Отсутствие четких временных рамок создало условия для длительных ограничений прав местного населения. В отличие от режима чрезвычайного положения, предусмотренного Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» [8], режим КТО не требует уведомления международных организаций и не устанавливает предельных сроков действия ограничений.

2. Правовое регулирование борьбы с терроризмом во Вьетнаме.

Закон Вьетнама «О предупреждении терроризма и борьбе с ним» 2013 года определяет терроризм через перечень конкретных действий: посягательство на жизнь и здоровье, захват имущества, нарушение работы компьютерных сетей, незаконный оборот оружия и взрывчатых веществ, пропаганда и вовлечение в террористическую деятельность, создание террористических организаций [7]. Принципами противодействия выступают руководство Коммунистической партии, соблюдение Конституции, приоритет профилактики и защита безопасности граждан.

Постановление № 62/2023/NĐ-CP детализирует структуру и полномочия руководящих комитетов. Система органов имеет трехуровневую структуру: Национальный руководящий комитет при Правительстве (постоянный орган – Министерство общественной безопасности), провинциальные комитеты при Народных комитетах и ведомственные комитеты. В состав комитетов входят руководители полиции, военного командования, пограничной службы и профильных департаментов. Серьезным недостатком выступает отсутствие независимого судебного контроля: решения о включении в список лиц, связанных с террористической деятельностью, не подлежат обжалованию [16].

Показательным примером административного ужесточения служит ситуация с представителями коренных народов Монтаньяров и христианскими религиозными меньшинствами в Центральном нагорье Вьетнама. Согласно докладу Human Rights Watch и заявлениям экспертов ООН [18], антитеррористическое законодательство систематически применяется для подавления законной деятельности правозащитников, включая произвольные аресты, домашние аресты, запреты на выезд и замораживание активов без предварительного уведомления.

3. Сравнительный анализ подходов к разграничению полномочий.

Критерий	Российская Федерация	Вьетнам
Уровень централизации	Единоличное решение руководителя оперативного штаба	Коллегиальная система руководящих комитетов
Субъекты принятия решений	Руководитель оперативного штаба, назначаемый Президентом	Руководящие комитеты различных уровней
Объем полномочий	Широкие дискреционные полномочия (проникновение в жилище, использование транспорта граждан)	Детальная регламентация полномочий, ограничение усмотрения
Координация действий	Через оперативный штаб для конкретной КТО	Разветвленная межведомственная система на всех уровнях
Роль вооруженных сил	Активное участие, специально предусмотренное законом	Наравне с полицией, без особого статуса
Судебный контроль	Ограниченный	Отсутствует (нет обжалования включения в списки)

4. Ограничения прав человека: сравнительный анализ.

Аспект	Российская Федерация	Вьетнам
Характер ограничений	Временные, на период КТО	Постоянные, административные
Сроки ограничений	Не установлены законом (риск длительных ограничений)	Без временных рамок
Перечень ограничений	Закрытый перечень в ст. 11 Закона № 35-ФЗ	Широкий спектр превентивных мер (контроль регистрации, оружия, транспорта, финансов, границ, информации)
Гарантии для граждан	Отсутствие уведомления международных организаций	Отсутствие законодательных гарантий, замораживание активов без уведомления
Международная оценка	КТО в Чечне (1999-2009) – пример длительного ограничения прав	Доклады Human Rights Watch о произвольных арестах и запретах на выезд; заявления экспертов ООН о дискриминационном применении закона
Соответствие ICCPR	Статья 4 МПГПП допускает отступление от обязательств [3], однако режим КТО в России не квалифицируется как чрезвычайное положение, что позволяет избегать официального уведомления международных организаций	Отсутствие официального объявления чрезвычайного положения при постоянных административных ограничениях также затрудняет международный контроль.

Проведенный анализ позволяет выявить достоинства и недостатки каждой модели.

Российский подход обеспечивает оперативное реагирование на террористическую угрозу благодаря широким полномочиям силовых структур в рамках временного режима КТО, однако отсутствие законодательно установленных сроков операции и недостаточный парламентский контроль создают риск несоразмерного ограничения прав человека. Как отмечает Л.В. Дериглазова, в асимметричных конфликтах соблюдение прав человека становится не только правовым императивом, но и условием сохранения общественной поддержки антитеррористических мер [2, С. 26]. А.А. Булавкин указывает, что важное значение имеет верное определение форм и методов реализации территориальными органами внутренних дел своих полномочий во всех областях деятельности, в том числе и в сфере обеспечения прав и свобод граждан [13, С. 4066].

Вьетнамская модель, основанная на постоянных административных мерах и межведомственной координации, обеспечивает системный контроль и возможность предотвращения угроз на стадии подготовки. Вместе с тем, отсутствие временных ограничений и размытость определений террористической деятельности создают предпосылки для использования законодательства в политических целях. Дискуссия о расширении понятия терроризма во Вьетнаме, отмечаемая Phan Quang Vinh, увеличивает соответствующие риски [17, С. 7].

Важной проблемой выступает несоответствие антитеррористического законодательства обоих государств международным обязательствам в области прав человека.

Россия является участником Международного пакта о гражданских и политических правах (ICCPR), статья 4 которого допускает отступления от обязательств только при официальном объявлении чрезвычайного положения. Однако режим КТО не квалифицируется как чрезвычайное положение, что позволяет избегать уведомления международных организаций и установления временных рамок ограничений.

Во Вьетнаме постоянное применение административных мер также не сопровождается официальным объявлением чрезвычайного положения, что противоречит духу ICCPR, поскольку ограничения прав носят бессрочный характер без какой-либо процедуры международного уведомления.

Особую обеспокоенность вызывает использование антитеррористического законодательства для давления на политическую оппозицию и религиозные меньшинства, что подтверждается документами ООН [18] и докладами Human Rights Watch [14, С. 32-35].

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Россия и Вьетнам демонстрируют принципиально различные подходы: временный исключительный режим КТО в России и система постоянных административных мер во Вьетнаме.

2. Российское законодательство предоставляет руководителю КТО широкие дискреционные полномочия, но не ограничивает срок проведения операции, что создает риск длительных ограничений прав граждан.

3. Вьетнамское законодательство ориентируется на коллегиальное принятие решений и детальную регламентацию, однако отсутствие временных рамок и процессуальных гарантий создает предпосылки для систематических ограничений прав.

4. Обе модели характеризуются недостаточностью контроля за применением антитеррористического законодательства: в России отсутствует уведомление международных организаций, во Вьетнаме – право на обжалование решений о включении в список лиц, связанных с терроризмом.

5. Международные организации фиксируют случаи использования антитеррористического законодательства в политических целях, включая нарушения прав коренных народов и религиозных меньшинств во Вьетнаме.

На основе исследования, можно сформулировать следующие рекомендации:

1. В Российской Федерации целесообразно законодательно установить максимальный срок проведения контртеррористической операции, необходимо предусмотреть возможность перехода из режима КТО в режим чрезвычайного или военного положения при необходимости длительного применения исключительных мер.

2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» следует дополнить положением об обязательном уведомлении международных организаций (включая Совет Европы и ЕСПЧ) об отступлениях от обязательств по защите прав человека при введении режима КТО. Данная процедура должна соответствовать требованиям, установленным для режима чрезвычайного положения.

3. В законодательстве Вьетнама требуется уточнение понятия терроризма в законодательстве. Необходимо исключить возможность его расширительного толкования и использования в политических целях, привести определение в соответствие с международными стандартами, включая ASEAN Human Rights Declaration.

4. Во Вьетнаме целесообразно создание эффективных механизмов судебного контроля за применением антитеррористических мер. Следует предусмотреть право на обжалование решений о включении в список лиц, связанных с террористической деятельностью, и о запрете на выезд из страны.

5. В обоих государствах необходимо обеспечение соответствия национального антитеррористического законодательства международным стандартам прав человека. Применяемые меры должны соответствовать принципам соразмерности, необходимости и временной ограниченности, закрепленным в ICCPR.

6. Целесообразно развитие международного сотрудничества в области противодействия терроризму с обязательным включением в повестку вопросов о соблюдении прав человека и обмене положительным опытом в этой сфере. Для России важным является восстановление диалога с ЕСПЧ по вопросам антитеррористических мер, для Вьетнама –

имплементация стандартов ASEAN Human Rights Declaration в национальное законодательство.

Список литературы

1. Дериглазова, Л.В. Негосударственные акторы в асимметричных конфликтах / Л.В. Дериглазова // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 44-59. – URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/567> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Дериглазова, Л.В. Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века / Л.В. Дериглазова // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 24-43. – URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/422> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (ICCPR): принят 16 декабря 1966 г.: [ст. 4] // Организация Объединенных Наций. – 1966. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.02.2026).
4. Манукян, А.Р. Конституционно-правовые основы противодействия терроризму / А.Р. Манукян // Право. – 2020. – № 5. – С. 45-49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-protivodeystviya-terrorizmu> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Нардина, О.В. Является ли исключительным режим контртеррористической операции? Различия в конституционно-правовом регулировании в зависимости от ответа на поставленный вопрос / О.В. Нардина // Право. – 2011. – № 3-4. – С. 60-65. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-isklyuchitelnyy-rezhim-kontrterroristicheskoy-operatsii-razlichiya-v-konstitutsionno-pravovom-regulirovanii-v> (дата обращения: 15.02.2026).
6. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
7. О предупреждении терроризма и борьбе с ним: Закон Социалистической Республики Вьетнам: [принят в 2013 году] // Cong Bao. – 2013. – № 455-456.
8. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2276.
9. Об утверждении мер по предупреждению терроризма: Постановление Правительства Вьетнама № 62/2023/НД-СР от 05.10.2023 // Cong Bao. – 2023. – № 789-790.
10. Режим КТО в Чечне (1999-2009) и Курской области (2024) // TASS. – 2024. – URL: <https://tass.ru/info/18104245> (дата обращения: 15.02.2026).
11. СОПМ в режиме КТО: [комментарий к Федеральному закону № 35-ФЗ] // GARANT. – 2025. – URL: <https://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения: 15.02.2026).
12. Булавкин, А.А. Сотрудничество стран евразийского региона в сфере противодействия терроризму и экстремизму / А.А. Булавкин, А.М. Шаповалова // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 11. – С. 88-95. – EDN YXSKMP (дата обращения: 15.02.2026).
13. Булавкин, А.А. Основные направления деятельности полиции по обеспечению прав и свобод гражданина в современном обществе / А.А. Булавкин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т.13. – С. 4066-4070. – EDN TWCQSR (дата обращения: 15.02.2026).
14. Human Rights Watch. Locked Inside Our Home: Movement Restrictions on Rights Activists in Vietnam. – New York: Human Rights Watch, 2022. – 85 p. – URL: <https://www.hrw.org/report/2022/02/17/locked-inside-our-home/movement-restrictions-rights-activists-vietnam> (accessed: 15.02.2026).
15. Merom, G. How Democracies Lose Small Wars: State, Society, and the Failures of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam / G. Merom. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 312 p.

16. Nghị định 62/2023/NĐ-CP sửa đổi Nghị định 07/2014/NĐ-CP về Ban Chỉ đạo phòng, chống khủng bố các cấp: do Chính phủ Việt Nam ban hành ngày 18.08.2023 // Công báo. – 2023. – № 789-790. – URL: <https://vbpl.vn/TW/Pages/vbpq-toanvan.aspx?ItemID=167660> (дата обращения: 15.02.2026).
17. Phan Quang Vinh. Vietnamese Law on Anti-Terrorism / Phan Quang Vinh // Proceedings of the XVIIth Congress of the International Association of Democratic Lawyers. – Hanoi : Vietnam Lawyers Association, 2009. – P. 1-12. – URL: <http://iadllaw.org/files/Phan%20Quang%20Vinh%20VIETNAMESE%20LAW%20ON%20ANTI-TERRORISM.pdf> (accessed: 15.02.2026).
18. United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. Experts condemn misuse of counter-terrorism law against Montagnards in Viet Nam: Press release. – Geneva : OHCHR, 28 August 2024. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2024/08/experts-condemn-misuse-counter-terrorism-law-against-montagnards-viet-nam> (accessed: 15.02.2026).

УДК 343.3/7

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Юлия Викторовна Грачева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)
(e-mail: JVGRACHEVA@msal.ru)

Статья посвящена новелле уголовного закона, преступлению, закрепленному в ст. 294¹ УК РФ. Отмечено, что новая уголовно-правовая норма относится к таким называемым блокирующим законам (blocking statute), т.е. к законам одной юрисдикции, призванным препятствовать применению на территории государства закона, принятого в другой юрисдикции. Она призвана способствовать предупреждению осуществления иностранным государством или международной организацией, в нарушение существующих нормативных положений, своей юрисдикции на территории другого государства, тем самым посягая на его суверенитет.

Ключевые слова: уголовное право, иностранное государство, следственное, судебное и иное процессуальное действие, оперативно-розыскные мероприятия, суверенитет правосудия.

CRIMINAL AND LEGAL SUPPORT OF THE SOVEREIGNTY OF RUSSIAN JUSTICE

Gracheva, J.V.

The article is devoted to the novel of the criminal law, a crime fixed in art. 294¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that the new criminal law norm refers to the so-called blocking statute, i.e. to the laws of one jurisdiction designed to prevent the application of a law adopted in another jurisdiction on the territory of the State. It is intended to prevent a foreign State or an international organization from exercising its jurisdiction in the territory of another State in violation of existing regulations, thereby infringing on that State's sovereignty.

Keywords: criminal law, foreign state, investigative, judicial, and other procedural actions, operational and investigative measures, and the sovereignty of justice.

Актуальность исследования обусловлена вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], дополнившего Уголовный кодекс РФ ст. 294¹ «Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации», согласно которой преступным признается «совершение иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации или международного органа, в которых не участвует Российская Федерация, на территории Российской Федерации действия, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации относится к следственному или иному процессуальному действию или оперативно-розыскному мероприятию в интересах иностранного государства, публичной международной организации или международного

органа, в которых не участвует Российская Федерация, в том числе путем использования систем видео-конференц-связи или других средств связи с лицом, находящимся на территории Российской Федерации, в нарушение порядка взаимодействия с иностранными и международными правоохранительными и судебными органами, предусмотренного международным договором Российской Федерации и (или) законодательством Российской Федерации, и в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 276 или 284³ ... Кодекса».

Объектом преступления, по мнению разработчиков проекта закона, выступает порядок осуществления уполномоченными органами Российской Федерации взаимодействия с зарубежными и международными правоохранительными и судебными органами, установленный в международном договоре и (или) уголовно-процессуальном законодательстве РФ и Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. Подобная характеристика указанного элемента состава преступления вызывает большие сомнения, по крайней мере по двум обстоятельствам.

Во-первых, термин «порядок» полисемантичен (выделяется более 10 смысловых единиц), его лексическое значение во многом зависит от контекста. Так, порядок может означать состояние налаженности, организованности; принятое правило, норму; строгую определенность в расположении и др. [3, С. 556]. Во-вторых, взаимодействие судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, и международными организациями регламентировано в разд. XVIII части пятой УПК РФ [4]. Правовая помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий оказывается в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности. Международные договоры являются: а) многосторонними, заключенными в рамках ООН, Гагской конференции по международному частному праву, Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в рамках СНГ и др.; б) двусторонние, заключенные Российской Федерацией с отдельным государством (например, Венгрией) [5]. Принцип взаимности (в литературе его еще называют принципом вежливости) подтверждается письменным обязательством Верховного Суда РФ, Следственного комитета РФ, Министерства иностранных дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ или Генеральной прокуратуры РФ (ч. 2 ст. 453 УПК РФ) и иностранного государства (ч. 1 ст. 457 УПК РФ). При исполнении запроса о правовой помощи по уголовным делам [6, С. 67] применяются нормы УПК РФ, однако может быть применено и законодательство иностранного государства, если это не противоречит законодательству и международным обязательствам Российской Федерации. При исполнении запроса могут присутствовать представители запрашивающего государства. Если он не может быть реализован, то полученные документы возвращаются в тот орган иностранного государства, от которого исходил запрос. В УПК РФ отдельно выделены два обстоятельства, исключающих оказание правовой помощи: во-первых, запрос противоречит законодательству РФ; во-вторых, его исполнение может нанести ущерб суверенитету или безопасности России (ч. 4 ст. 457).

Таким образом, ни сам порядок как таковой, ни порядок взаимодействия суда, прокурора, руководителя следственного органа с компетентными органами иностранного государства не может входить в содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 294¹ УК РФ, поскольку их содержание не согласуется с сущностью правосудия, признанного законодателем его видовым объектом.

Следует заметить, что Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7] преступным признано оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов об уголовном преследовании должностных лиц органов публичной власти Российской Федерации в связи с осуществлением ими служебной деятельности, иных лиц в связи с прохождением ими военной

службы или пребыванием в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 275, 275¹, 276, 276¹ УК РФ. В отличие от рассматриваемого деяния ему придана иная правовая природа – преступление включено в гл. 29 УК РФ, следовательно, признано посягающим основы конституционного строя и безопасности государства [8, С. 46-66], [9, С. 129–141] [10, С. 15-21].

В ст. 294¹ УК РФ речь идет о досудебном производстве. В связи с этим возникает вопрос о значении правосудия в уголовном праве, являющийся дискуссионным практически на протяжении полувека. Дискуссия во многом обусловлена тем, что в уголовном законодательстве оказались интегрированными в одну группу деяния, посягающие на деятельность суда по отправлению правосудия, и деятельность органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и органов исполнения уголовного наказания, не являющаяся правосудием, но непосредственно связанная с ним. Именно это обстоятельство породило концепцию двух значений правосудия в уголовном праве. И.М. Черных (Тяжкова), стоявшая у ее истоков, в 60-е гг. прошлого столетия предложила выделять его процессуальное и уголовно-правовое значение, причем в последнем смысле оно представлялось более широким, чем в собственном, включает деятельность не только суда, но и органов прокуратуры, предварительного расследования, исполнения наказаний [11, С. 8], [12, С. 31]. Надо сказать, что этот подход в теории уголовного права был превалирующим, по сути, до начала XXI в. [13, С. 56], [14, С. 46], [15, С. 21], [16, С. 207], [17, С. 59], [18, С. 41], [19, С. 17], [20, С. 50]. В рамках указанной концепции за это время сложилось несколько модификаций, правда, имеющих незначительные различия, не затрагивающих ее основу, хотя развитие некоторых из них могло бы существенно повлиять на учение об объекте преступлений против правосудия [21, С. 6, 158].

В настоящее время концепция двух значений правосудия в литературе встречается лишь в отдельных случаях [22, С. 237].

Впервые, по нашему мнению, обоснованность подобной характеристики поставил под сомнение С.Э. Асликян, правомерно подчеркнувший, что деятельность правоохранительных органов не является правосудием, она по своей сути является вспомогательной по отношению к осуществлению судом правосудия [23, С. 16]. В дальнейшем эту позицию развил А.В. Федоров [24, С. 90]. В последнее время многие криминалисты в преступлениях против правосудия выделяют две группы отношений, поставленных под охрану уголовного закона: во-первых, общественные отношения, характеризующие деятельность органов, содействующих суду в реализации его социального назначения; во-вторых, общественные отношения, характеризующую деятельность суда по отправлению правосудия [25, С. 27]. «Видовой объект преступлений против правосудия, – пишет А.П. Неупокоев, – можно охарактеризовать как сложное образование, включающее общественные отношения, характеризующие деятельность суда по реализации функций судебной власти, и общественные отношения, характеризующие вспомогательную деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и исполнения судебных решений и приговоров, объединенных общими интересами, вытекающими из социально-правового назначения правосудия» [26, С. 103].

Эта дефиниция, в целом верно, на наш взгляд, раскрывающая суть видового объекта преступлений против правосудия, также неприемлема для характеристики социальной направленности деяния, предусмотренного ст. 294¹ УК РФ. До принятия рассматриваемого уголовно-правового запрета нормы гл. 31 УК РФ обеспечивали деятельность органов предварительного расследования и деятельность, обеспечивающую выполнение оперативно-розыскных мероприятий как необходимых условий для реализации судом своего социально-правового назначения. В ситуации, описанной в указанной статье, этого нет; проводимые следственные и иные процессуальные действия, а также оперативно-розыскные мероприятия

противоречат интересам Российской Федерации, а следовательно – интересам российского правосудия.

По нашему мнению, для того чтобы определить объект преступления, предусмотренного ст. 294¹ УК РФ, следует хотя бы абрисно очертить проблему уголовно-процессуального права и суверенитета государства. В литературе выделяется несколько подходов к характеристике их соотношения. Классический подход к уголовному судопроизводству означает проявление внутренних суверенных прерогатив государства. «Другими словами, государственный суверенитет немыслим без уголовного процесса, а уголовный процесс, в свою очередь, черпает свою легитимность исключительно в государственном суверенитете...» [27, С. 22].

От классического подхода намечилось несколько отклонений: во-первых, добровольное ограничение государством своего суверенитета по взаимной договоренности с другими государствами; во-вторых, может иметь место противоположная ситуация – самопроизвольное (одностороннее) расширение суверенитета, означающее осуществление уголовно-процессуальных действий на территории другого государства (универсальная юрисдикция, цифровизация и иные способы получения доказательств в обход традиционных процедур международного сотрудничества) [27, С. 43,72]. Новая уголовно-правовая норма относится к таким называемым блокирующим законам (blocking statute), т.е. к законам одной юрисдикции, призванным препятствовать применению на территории государства закона, принятого в другой юрисдикции [28, С. 24-28; С. 16-22], [29]. «Блокирующие» нормы служат также дополнительным средством оспаривания допустимости доказательств, полученных указанным в них способом.

Таким образом, иностранное государство или международная организация, в нарушение существующих нормативных положений осуществляя юрисдикцию на территории другого государства, посягает на его суверенитет. Исходя из этого, видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 294¹ УК РФ, выступают интересы [30, С. 18], [31, С. 11] российского правосудия, а непосредственным – суверенитет уголовного судопроизводства. В п. 2 ст. 5 Конвенции ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям от 24 декабря 2024 г. говорится: «Ничто в настоящей Конвенции не наделяет Государство-участник правом осуществлять на территории другого государства юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию органов этого другого государства в соответствии с его внутренним законодательством» [32].

Объективная сторона преступления характеризуется совершением действия, в соответствии с законодательством РФ относящегося к следственному или иному процессуальному либо к оперативно-розыскному мероприятию. В этом случае процессуальные действия выступают родовым понятием, оно охватывает следственное, судебное или иное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством (п. 32 ст. 5 УПК РФ). Следовательно, по отношению к ним термин «следственные действия» отражает видовое понятие, однако «законодатель по непонятной причине отказался от легального определения следственных действий – соответствующая норма-дефиниция, которая могла бы обеспечить единообразное понимание сущности указанного процессуального феномена, почему-то отсутствует» [33, С.75], [34, С. 33], [35, С. 20].

В уголовно-процессуальной теории сложилось два подхода к определению следственных действий: широкий и узкий. Сторонники первого из них считают таковыми все процессуальные действия, совершаемые органом дознания или следователем, независимо от их предназначения [36, С. 147]. Приверженцы узкого подхода, сложившегося, в первую очередь, под влиянием исследований С. А. Шейфера [37], придавали следственным действиям познавательный характер (надо заметить, что он не был однородным, выделяются различные его модификации). В этом случае под следственными действиями предлагается «понимать производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные

действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства» [33, С. 81-82].

Судебные действия в уголовно-процессуальном законодательстве также не определены. Их конкретные виды могут быть установлены по нормам, содержащимися в части 3 «Судебное производство» УПК РФ.

Дефиниция оперативно-розыскных мероприятий в законодательстве отсутствует, в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» [38], [39] дается их исчерпывающий перечень: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации (ст. 6). В ст. 6 указанного закона прямо сказано: «Запрещается проведение оперативно-розыскных мероприятий ... не уполномоченными на то ... физическими и юридическими лицами».

В ст. 294¹ УК РФ акцентируется внимание на том, что рассмотренные процессуальные действия должны относиться к таковым в соответствии с законодательством России. На наш взгляд, это нужно понимать так – они (действия) по своей природе и целям совершения должны соответствовать действиям, которые российским законодательством отнесены к процессуальным действиям или ОРМ. Это, в частности, обусловлено тем, что, например, в англо-американской модели уголовного судопроизводства предварительное расследование по большей части носит деформализованный характер [40, С. 179-182], [41, С. 140-143]. В ряде континентальных моделей «прокурорского дознания» (например, Германии) в ходе предварительного расследования собирается информация, а не полноценные доказательства, как в российской модели предварительного производства [42, С. 23-27]. Поэтому понимание условного «следственного действия» в Германии и в России формально будет различным. Это, в частности, касается и процедуры его проведения и статуса получаемых сведений (доказательство). Однако принципиальное значение имеет то, что оба эти действия совершаются в рамках уголовного судопроизводства в порядке, установленном УПК, и направлены на сбор «доказательств».

Объективной стороной рассматриваемого состава преступления не охватывается административная по своей природе деятельность указанных в ней лиц.

Обстоятельством места совершения преступления выступает территория Российской Федерации, где должен находиться виновный либо территория другого государства, если последний использует видео-конференц-связь или другие средства связи при нахождении его на территории другого государства.

Деяние признается преступным, если указанные в ст. 294¹ УК РФ действия совершены в интересах иностранного государства, публичной международной организации или международного органа, в которых Российская Федерация не участвует.

В некоторых уголовных законах других стран предусмотрена ответственность за аналогичные деяния, однако обращает на себя внимание отсутствие в них указания на то, что эти действия совершаются в интересах иностранного государства и т.д. Так, в УК Швейцарской Конфедерации установлена ответственность за осуществление на территории Швейцарии без официального разрешения для иностранного государства действий, свойственных органу или должностному лицу, либо способствование таким действиям. Свод законов США и Свод федеральных правил США устанавливают, что «лицо, действующее в США в качестве агента иностранного правительства (в том числе по линии правоохранительных и судебных органов) без предварительного уведомления Генерального прокурора США, подлежит наказанию в виде штрафа и (или) лишения свободы на срок до 10 лет» [43].

Согласно ст. 2 Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» [44]. под иностранным государством понимается:

- «1) государство иное, чем Российская Федерация, и его органы государственной власти;
- 2) составные части данного иностранного государства (субъекты иностранного федеративного государства или административно-территориальные образования иностранного государства) и их органы в той мере, в какой они правомочны совершать действия в целях осуществления суверенной власти данного иностранного государства и действуют в этом качестве;
- 3) учреждения или иные образования независимо от того, являются ли они юридическими лицами, в той мере, в которой они правомочны совершать и фактически совершают действия в целях осуществления суверенной власти данного иностранного государства».

Публичная международная организация представляет собой объединение государств или негосударственных структур, созданное на основе международного договора для реализации общих целей в какой-либо области, обладающее статусом субъекта международного права. Выделяются межправительственные [45] организации (ООН, ВТО), неправительственные организации (Красный крест и др.). Их также можно классифицировать по составу участников (универсальные, региональные и межрегиональные, а также по другим основаниям [46].

Международные органы представляют собой составную часть какой-либо международной организации, образуются на основании учредительного договора или иных актов, наделены определенной компетенцией, полномочиями и другими функциями, обладают собственной структурой.

Надо иметь в виду – деяние подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 294¹ УК РФ, лишь в том случае, если Российская Федерация не участвует в указанных международных организациях и международных органах.

Исходя из смысла уголовно-правовой нормы не исключается ситуация, когда виновный, являясь должностным лицом одного государства, совершает описанные в законе действия в пользу третьего государства или международной организации и международного органа.

Деяния должно совершаться в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Однако «интересы Российской Федерации» могут пониматься довольно широко. В соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213) [47] использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела суверенных государств является одной из основных угроз международной информационной безопасности. Поэтому, с учетом объекта рассматриваемого посягательства, вполне допускаем, что подобный незаконный трансграничный запрос на практике может быть квалифицирован по ст. 294¹ УК РФ. Вместе с тем, проведение с нарушением установленного порядка иностранным должностным лицом трансграничного допроса лица, находящегося на территории России, который является свидетелем или потерпевшим по «бытовому» делу, расследование которого не противоречит интересам России, скорее всего, не будет квалифицировано по ст. 294¹ УК РФ.

Преступление имеет формальный состав, считается оконченным с момента совершения следственных или иных процессуальных действий. Фактически наступившие последствия не влияют на квалификацию содеянного, но могут учитываться при определении вида и размера (срока) наказания.

Субъект преступления указан в самом законе. Таковым признается иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации или международного органа. Их понятие раскрывается в примечании 2 к ст. 290 УК РФ. Под иностранным должностным лицом понимается любое назначаемое или избираемое лицо,

занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, либо любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия. Должностным лицом публичной международной организации или международного органа признается международный гражданский служащий или любое лицо, которое уполномочено такими организацией или органом действовать от их имени.

Подобное определение субъекта рассматриваемого преступления в целом основано на международных актах, определяющих, в первую очередь, меры борьбы с коррупцией. При этом их название, выступающее, скорее, формальной характеристикой, может и не совпадать полностью с национальным наименованием соответствующей должности, но обладающей аналогичной компетенцией. Например, в ст. 2 Конвенции ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) [48] говорится об иностранном публичном должностном лице, а в УК РФ – иностранном должностном лице. В Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Стамбул, 1997) [49] в качестве субъекта названо иностранное должностное лицо.

В литературе обоснованно отмечается, что «понятие иностранного должностного лица в его широком понимании по уголовному праву России представляет собой некоторый симбиоз определений этого понятия на международном уровне. Сходство ... подходов проявляется и в том, что в международных правовых документах наличие должностного лица соотносится с определенной структурой...» [50, С. 29].

В уголовно-правовой норме специально оговорено, что рассматриваемые действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 294¹ УК РФ, только в том случае, если они не являются шпионажем (ст. 276 УК РФ) или оказанием содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284³ УК РФ). Указанное обстоятельство выступает отрицательным (негативным) его признаком, который ограничивает круг указанных в законе международных организаций и международных органов, следовательно, подлежит учету при квалификации деяния.

В заключение следует отметить, что реализация рассматриваемой нормы вскроет как положительные, так и отрицательные моменты законодательной конструкции отраженного в ней состава преступления.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4636.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1995. – 928 с.
4. Указание Генерального прокурора РФ от 16 января 2020 г. № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» // Законность. 2020. – № 2.
5. Перечень многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по гражданским, семейным, административным и уголовным делам, а также по делам об административных правонарушениях. – М., 2025.
6. Клевцов, К.К. Правовая природа оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам / К.К. Клевцов // Законность. 2023. – С. 67-70.
7. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. – № 18. Ст. 3234.

8. Ермолович, Я.Н. Совершенствование норм об уголовной ответственности за государственную измену, шпионаж и сопряженные с ним и преступления (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ» / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах. – 2025. – № 4. – С. 46–56.
9. Скобликов, П.А. Уголовная ответственность за оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует / П.А. Скобликов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 4. – С. 129-141.
10. Скобликов, П.А. Круг действий, влекущих наказание по ст. 284³ УК РФ: проблемы толкования нового закона и ее решение / П.А. Скобликов // Российская юстиция. 2024. – № 1. – С. 15-21.
11. Черных, И.М. Преступления против социалистического правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1962. – 24 с.
12. Власов, И.С. Ответственность за преступления против правосудия / И.С. Власов, И.М. Тяжкова. – М., 1968. – 134 с.
13. Дворянсков, И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств / И.В. Дворянсков. – Ульяновск, 2001. – 175 с.
14. Друзин, А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта / А.И. Друзин. – Ульяновск, 2001. – 181 с.
15. Иванов, В.Д. Преступления против правосудия / В.Д. Иванов. – Ростов-на-Дону, 1997. – 174 с.
16. Кудрявцев, А.В. Уголовная ответственность как гарантия осуществления правосудия / А.В. Кудрявцев // Пять лет действия УК: итоги и перспективы. – М., 2003. – С. 207–210.
17. Курбанов, М.М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса / М.М. Курбанов. – Махачкала, 2001. – 259 с.
18. Носкова, Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия / Н.А. Носкова. – М., – 1975. – 41 с.
19. Голоднюк, М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия / М.Н. Голоднюк // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 1996. – № 6. – С. 16-25.
20. Субботина, В.И. Уголовная ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 158 с.
21. Рашковская, Ш.С. Преступления против правосудия / Ш.С. Рашковская. – М., 1978. – 104 с.
22. Преступления против правосудия / под ред. Н.А. Лопашенко. – М., 2023. – 558 с.
23. Асликян, С.Э. Уголовно-правовое обеспечение реализации конституционных принципов осуществления правосудия: автоеф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 26 с.
24. Федоров, А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия, классификации) / А.В. Федоров. – Калуга, – 2004. – 283 с.
25. Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград, 1999. – 267 с.
26. Неупокоев, А.П. Уголовно-правовое обеспечение свойств решения по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – 256 с.
27. Головкин, Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство / Л.В. Головкин. – М., 2022. – 458 с.
28. Литвишко, П.А. Первый «блокирующий» закон против неправомерной трансграничной иностранной и международной правоохранительной и судебной деятельности в киберпространстве / П.А. Литвишко // Законность. 2025. – № 10. – С. 24-28; № 11. – С. 16-22.
29. Регламент (ЕС) № 2271 «О мерах защиты от экстерриториального применения законодательства третьих стран и действий на его основе или из него вытекающих»,

получившем неофициальное название «Блокирующий статут ЕС» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Агузаров, Т.К. Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 25 с.
31. Гулый, А.А. К вопросу о разграничении преступлений, посягающих на нормальную деятельность органов правосудия / А.А. Гулый, М.В. Денисенко // Российский судья. – 2024. – № 6. – С. 11-15.
32. ООН. Конвенции и декларации. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 01.02.2026).
33. Россинский, С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... / С.Б. Россинский, // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. – № 1. – С. 73-83.
34. Кальницкий, В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе / В.В. Кальницкий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. – № 2. – С. 33-43.
35. Семенцов, В.А. Следственные действия в досудебном производстве / В.А. Семенцов. – М., – 2017. – 254 с.
36. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация / А.М. Ларин. – М., 1970. – 223 с.
37. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер – М., 2001. – 206 с.
38. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. – № 33. – Ст. 3349; 2025. – № 14. – Ст. 1574.
39. Указ Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» // СЗ РФ. 1999. – № 24. – Ст. 2954.
40. Мельников, Е.А. Влияние кампании по ограничению дискреционных полномочий судей в 70-х годах XX века в США на усиление дискреционных полномочий прокуроров в уголовном судопроизводстве / Е.А. Мельников // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 9. – С. 179-182.
41. Полномочия исполнительной власти в сфере уголовного судопроизводства в США в контексте системы сдержек и противовесов / Е.А. Мельников // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 11. – С. 140-143.
42. Мельников, Е.А. Разграничение полицейской, прокурорской и судебной функций в ходе предварительного расследования уголовного дела: общие положения / Е.А. Мельников // Российский следователь. – 2024. – № 3. – С. 23-27.
43. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 462337-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс».
44. Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. – № 45. – Ст. 6198; 2022. – № 1 (ч. 1). – Ст. 39.
45. Письмо МИД России от 10 июля 2013 г. № 10540/дп «Об определении некоторых понятий, связанных с международными организациями» термины «межгосударственная» и «межправительственная», являются синонимичными // СПС «КонсультантПлюс».
46. Тункин, Г.И. Теория международного права / Г.И. Тункин. – М., 2023. – С. 283–322.
47. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46614> (дата обращения: 01.02.2026).

48. Конвенции ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г. // СЗ РФ. 2006. – № 26. – Ст. 2780.
49. Собрание законодательства РФ 2012. – № 17. – Ст. 1899.
50. Бриллиантов, А.В. Должностное лицо по уголовному законодательству Российской Федерации: понятие, виды, признаки / А.В. Бриллиантов, Е.Ю. Четвертакова. – М., 2017. – 57 с.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Вячеслав Станиславович Капица, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Краснодар)

(e-mail: capica@yandex.ru)

Татьяна Александровна Капица, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Краснодар)

(e-mail: tatochka08@nextmail.ru)

Для обеспечения достижения целей исследования проводится анализ статистических данных, отражающих состояние преступности рассматриваемого вида, социологический анализ условий, способствующих вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественные действия на основе изучения мнений ученых социологов и криминологов в контексте данного вопроса, изучение положений, отраженных в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации, действующего уголовного законодательства и судебной практики.

На основе общенаучных и частнонаучных методов, использованных в данном исследовании обозначены вопросы, требующие глубокого осмысления и практической реализации в целях воспитательного и профилактического воздействия на субъектов рассматриваемых правоотношений.

Ключевые слова: *судебная власть, воспитательное воздействие, профилактическое воздействие, судебное решение, вовлечение, несовершеннолетний, преступление, антиобщественные действия, детерминанты преступности несовершеннолетних.*

ON THE PREVENTIVE SIGNIFICANCE OF COURT DECISIONS IN CASES OF INVOLVING MINORS IN CRIMES AND ANTISOCIAL ACTIONS

Kapitsa, V.S., Kapitsa, T.A.

To achieve the study's objectives, we will analyze statistical data on the prevalence of this type of crime, conduct a sociological analysis of the conditions that contribute to the involvement of minors in criminal and antisocial activities, based on the opinions of sociologists and criminologists, and examine the provisions of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as current criminal legislation and judicial practice.

Based on the general scientific and specific scientific methods used in this study, the authors identify issues that require in-depth analysis and practical implementation in order to educate and prevent the subjects of the legal relations under consideration.

Keywords: *judicial authority, educational influence, preventive influence, court decision, involvement, minor, crime, antisocial actions, determinants of juvenile crime.*

Актуальность темы исследования. Исследование представляется актуальным, поскольку судебное производство в отношении несовершеннолетних является достаточно чувствительной областью правоотношений как для государства, так и для общества в целом.

На основе разъяснений Верховного суда Российской Федерации по вопросам применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, делается вывод о ключевой роли суда в профилактическом воздействии на всю систему рассматриваемых правоотношений, исходя из этого – о необходимости учета и отражения в судебных решениях детерминирующих факторов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления для целей профилактического воздействия на всех субъектов рассматриваемых правоотношений.

Анализ научных исследований. В разное время вопросам вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления свои работы посвятили: В.Б. Боровиков, Н.В. Иванцова, В.С. Капица, Т.А. Олейникова, Ю.В. Петрова, И.И. Пилипенко, Ю.Е. Пудовочкин, Ю.В. Сокол, А.В. Ткаченко, Д.О. Туманов, Н.П. Шевченко, и др.

Целью исследования является выявление и анализ некоторых факторов, способствующих вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественные действия, а также обозначение их значимости для достижения профилактических целей.

Изложение основного материала. В настоящее время в Российской Федерации выстроилась целостная, упорядоченная и в целом эффективная система правоотношений, которая включает в себя достаточно полный объем регулятивных норм всех отраслей права. Однако, не менее важным является вопрос разработки эффективной системы профилактики преступности для предупреждения угроз криминального характера как в целом, так и отдельных видов преступлений. Особое внимание в данном контексте следует обратить на криминальные проявления в подростковой среде. Данное направление является приоритетным для системы государственного регулирования, так как вопросы преступности несовершеннолетних связаны с нормальным, всесторонним, здоровым развитием российского общества.

В последнее время проявляется тенденция «омоложения преступности». Это связано как с социальными условиями жизни, так и с расширением информатизации всех слоев граждан, доступа к различного рода информации, в том числе неправомерной. В настоящее время подростковая среда развивается значительно стремительнее в связи с вышеуказанным фактором. В свою очередь, данное динамичное развитие откладывает определенный отпечаток на личности несовершеннолетнего, его действиях и их причинах. Развитие технических возможностей, например, отразилось на развитии преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и их прекурсоров среди несовершеннолетних, т.к. зачастую оборот происходит посредством использования информационных технологий, с использованием неконтролируемых средств платежа, что порождает еще большую латентность преступной деятельности в данной области.

Кроме прочего, возникшие условия способствуют наиболее упрощенному доступу к личности несовершеннолетнего для злоумышленников, преследующих цели вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Примером, в данном случае, может служить достаточно большое количество преступлений террористического, экстремистского характера, а также преступлений против государственной власти.

Также уместно говорить о меньшей защищенности несовершеннолетних от потенциальных и реальных криминальных угроз по сравнению со взрослыми субъектами правоотношений, когда уже в отношении самих несовершеннолетних совершаются преступления. Данная опасность обусловлена комплексом условий, непосредственно связанных не столько с законодательным охранением личности потерпевшего несовершеннолетнего, сколько с самой личностью, ее развитием на определенном этапе, включая неразвитость сознания несовершеннолетнего и неокрепший ум, отсутствие жизненного опыта.

В этом смысле происходящее развитие всех сфер общественных отношений в Российской Федерации отражает сложные социально-экономические и политические процессы, а также характеризуется теми проблемными ситуациями, которые имеют тесную

связь со всеми общественными явлениями, в число которых входит и такое негативное явление, как преступность.

Исходя из ограниченных статистических данных, опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, показатели преступности среди несовершеннолетних в последние годы остаются относительно стабильными и не имеют тенденции к снижению, однако остаются достаточно высокими.

Так в период с 2020 по 2024 гг. в Российской Федерации показатели по отдельным видам преступлений, наказание за которые предусмотрено ст. 105, 111, 131, 158, 161, 162, 163, 166, 213, 222-226.1, 228-234.1 УК РФ выглядят следующим образом:

– 2020 год – 14702 осужденных, совершивших преступления в возрасте 14-17 лет, в 2021 – 14863, в 2022 – 14214; 2023 – 12769; 2024 – 11944 осужденных несовершеннолетних лиц. При этом наибольший удельный вес в общем числе осужденных, в процентах, занимают лица, совершившие кражи – от 40 до 50%, грабежи – около 10%, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения – от 8 до 11 %, преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами – порядка 10 % относительно вариативности по годам [5].

Характеристика осужденных, совершивших преступления в возрасте 14-17 лет разнородна, при этом некоторые ее показатели преобладают над остальными. Например, по возрасту, преобладающие показатели – около 70 % присущи лицам в возрасте от 16 до 17 лет; учащиеся, в том числе высших учебных учреждений, курсанты военных училищ – около 60 %, примерно в равной степени относительно каждого года; совершившие преступления в группе – около 50 %, в том числе с участием взрослых – 20 % от общего числа осужденных [5].

Следует отметить, что по данным Федеральной службы государственной статистики общая численность населения, проживающего на территории Российской Федерации, учтенная при всероссийской переписи населения 2020 года, составляет 147 млн 590 тыс., 600 человек, среди которых 27 млн. 715 тыс. 612 несовершеннолетних лиц [4].

Основной закон Российской Федерации закрепляет обязанности государства, среди которых одной из важнейших выступает соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а также охрана прав потерпевших от преступных деяний.

Состояние и уровень преступности напрямую зависит от благополучия и устойчивого антикриминального поведения несовершеннолетних лиц, которые представляют достаточно большую долю от общего количества населения Российской Федерации. Именно поэтому правоохранительные органы обращают пристальное внимание на профилактику преступности несовершеннолетних и характеристики антиобщественных посягательств в отношении несовершеннолетних лиц.

Определенные положительные результаты в профилактике преступности несовершеннолетних и защиты их интересов дала Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 [9]. В настоящее время действует Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года [10].

Считаем необходимым отметить, что несмотря на положительный результат в профилактике преступности с участием несовершеннолетних лиц, в отдельных субъектах Российской Федерации произошло качественное ухудшение структуры преступности несовершеннолетних. Так, число совершения некоторых преступных деяний резко увеличилось, в том числе произошел рост случаев участия несовершеннолетних совместно со взрослыми лицами в совершении преступных деяний.

Переходя к основному вопросу, следует обратить внимание на то, что Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [7], прямо разъясняет в п. 44 о том, что «Судам следует повышать воспитательное значение судебных процессов по делам о преступлениях

несовершеннолетних, уделяя особое внимание их профилактическому воздействию: по каждому делу устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению несовершеннолетними преступления, не оставлять без реагирования установленные в судебном заседании недостатки и упущения в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учебных заведений и общественных организаций, выносить частные определения (постановления) с указанием конкретных обстоятельств». Исходя из рассматриваемого положения, можно сделать вывод о необходимости учета детерминирующих факторов преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественные действия при рассмотрении уголовных дел в судах.

В этой связи, прежде всего необходимо обратить внимание на занятость несовершеннолетнего. Одной из причин, способствующей вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, является фактор отсутствие занятости. На это обращают внимание криминологи, изучающие данную проблему. По данным исследования, проведенного З.Р. Хановой, «свыше половины несовершеннолетних, попавших в колонию, не работали и не учились. До 70% различного рода респондентов (взрослых и несовершеннолетних) одним из условий антиобщественной деятельности считают слабую организацию досуга по месту жительства» [11, С. 173].

Следует согласиться, что незанятость несовершеннолетнего «как определенное состояние, интегрирующее многие негативные стороны действительности, включает в себе сильный криминогенный заряд. С незанятостью в значительной степени связан наблюдаемый рост правонарушающего поведения среди несовершеннолетних» [1].

Обращение внимания судов на данный фактор безусловно способствует оказанию профилактического воздействия как на самих несовершеннолетних в рамках рассмотрения уголовного дела, так и на систему государственного управления, в той ее части, которая является ответственной за контроль над несовершеннолетними, организации их жизни и деятельности.

Судебная система и присущие ей властные полномочия, обусловленные вхождением в одну из ветвей власти, обязана формировать отношения в обществе, отвечающие требованиям, способствующим нормальному, всестороннему его развитию, а также создавать условия, способствующие повышению уровня законопослушности в обществе.

Именно посредством обращения внимания судов на такие вопросы и установление причин и условий, создающих условия вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественные действия, совершению преступления самим несовершеннолетним, в судебном процессе возможно достижение результата в профилактических целях.

Судам следует обращать особое внимание и на некоторые другие факторы, создающие условия для преступности в отношении несовершеннолетних лиц.

Как уже отмечалось ранее, Верховный суд обращает внимание судов на необходимость учета недостаточности и ошибочности в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Имея в виду необходимость отражения в процессуальных документах обстоятельств, связанных с существенными упущениями в ходе такой деятельности. Естественным, что в связи с ранее описанными причинами суды в этом смысле исполняют регулятивную функцию по отношению к таким органам, и отражение результатов их деятельности в судебных решениях способствует устранению причин и условий, создающих предпосылки для таких нарушений и недоработок. В контексте данного вопроса высказываются А.Н. Петрухина, В.В. Попова, указывая на то, что «несмотря на снижение числа преступлений, совершаемых подростками (по данным МВД РФ за 11 месяцев 2020 года с участием несовершеннолетних совершено на 9,1 % меньше преступлений, чем за аналогичный период 2019 года) число несовершеннолетних, состоящих на учете в ПДН ОВД достигло 145 000 человек, при этом половина из них не достигли 16 лет» [6, С. 147]. Авторы указывают на следующие факты: «Практически 41 % от общего числа вовлеченных

несовершеннолетних ранее уже имели опыт совершения правонарушений», «под негативное влияние взрослых попадают не все подростки, а лишь те, у которых сформировались определенные установки: асоциальное поведение, отрицательные привычки и навыки, готовность к преступному поведению» [6, С. 148]. Исходя из данных, приведенных авторами, можно сделать вывод о том, что примерно половина из общего числа несовершеннолетних лиц, вовлекаемых в совершение преступления или антиобщественные действия, ранее совершали правонарушения и состоят на учете у органов ПДН. Это говорит об особой необходимости судам обращать внимание на качество работы указанных органов.

Следует согласиться с мнением авторов в том, что «типичный портрет несовершеннолетнего, вовлекаемого в совершение преступлений, может быть сформулирован следующим образом: подросток мужского пола, в возрасте 14-16 лет, воспитывающийся в неблагополучной семье, ранее уже совершавший противоправные деяния и состоящий на учете в органах внутренних дел, с несформировавшейся системой идеалов и ценностей, низким правосознанием и недостаточным образованием. Изучение личности вовлеченного несовершеннолетнего в совершение преступления необходимо для правильной квалификации преступления, определения его мотивов, роли вовлечателя, устранении причин и условий, способствующих совершению преступления» [6, С. 148].

Естественно, помимо профилактических целей изучения личности вовлекаемого несовершеннолетнего для судов, изучение личности формирует наиболее полную картину обстоятельств, способствующих вовлечению и совершению преступления, что способствует наиболее верной квалификации как в отношении взрослого лица (вовлечателя), так и в отношении самого несовершеннолетнего, совершившего преступление.

В продолжении рассмотрения вопросов профилактического воздействия судов при вынесении решений по делам о вовлечении в преступление, судам необходимо обращать внимание на условия воспитания несовершеннолетних, среду их обитания и детерминирующие факторы преступности, сложившиеся в семье несовершеннолетнего. Так, зачастую, семьи, в которых воспитывается несовершеннолетний субъект преступления, обладают признаками неблагополучности, что отражается в условиях жизни несовершеннолетнего, организации его досуга. Нередким случаем является злоупотребление алкоголем в таких семьях, употребление наркотических средств, довольно жестокое и грубое обращение между членами такой семьи. Стоит сказать о том, что более 50% взрослых преступников выступали в качестве жертв аналогичных противоправных деяний до достижения совершеннолетнего возраста. Следует учитывать, что подростковый возраст характеризуется процессом роста и совершенствования различных органов и организма в целом, в том числе и мозговой ткани, которая проходит стадию структурного и функционального совершенствования, в связи с чем употребление алкогольных напитков и различных одурманивающих веществ оказывает негативное влияние на психику несовершеннолетнего лица, то есть происходит задержка развития, деградация интеллектуальная, эмоциональная и нравственная. В данном контексте, безусловно, следует учитывать и то, что как справедливо замечают А.А. Булавкин и С.Ю. Мироненко, «явления и процессы как таковые, как правило, не вызывают решимости совершить преступление, а именно – постепенно влияют на лицо, формируют в его сознании определенную антиобщественную установку, которая и вызывает решимость совершить умышленное преступление или приводит к совершению преступления по неосторожности. Поэтому негативные явления и процессы непосредственно вряд ли могут быть причинами конкретного преступления» [2, С. 54]. С точки зрения эффективности профилактического воздействия судов, здесь необходимо также обращать внимание на недостаточную полноценность работы органов ПДН и оказывать воздействие на деятельность таких органов, посредством отражения всех указанных обстоятельств в судебных процессуальных документах.

Здесь, как с наиболее удачным примером, следует согласиться с мнением Л.С. Радьковой, рассматривающей один из наиболее распространенных видов вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, связанный с вовлечением

несовершеннолетнего в незаконный оборот наркотических средств, исследуя детерминанты данного явления. Автор указывает на то, что «Основными институтами социализации несовершеннолетних являются семья, школа, культурно-досуговые учреждения» [8, С. 251], далее автор, рассматривая вопрос о влиянии семьи на формирование мировоззрения несовершеннолетнего, справедливо отмечает: «Данное отрицательное влияние осуществляется либо в непосредственной передаче опыта потребления наркотиков одних членов семьи другим, либо в приобщении одних членов семьи другими через демонстрацию стандарта образа жизни, связанного с потреблением наркотических и психотропных средств, либо участием в наркобизнесе» [8, С. 252]. Безусловно, внимание судов к вопросам среды воспитания несовершеннолетнего в семье должно иметь достаточно существенное профилактическое воздействие как на отдельных субъектов правоотношений, так и на государственные органы, отвечающие за контроль и надзор за несовершеннолетними и семьями.

Выводы. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступных деяний и антиобщественных действий происходит с помощью различных механизмов негативного характера, которые с каждым годом имеют тенденцию к возрастанию. Вовлечение несовершеннолетних взрослыми в данную деятельность (преступные деяния и антиобщественные действия) в большей мере предопределяют дальнейшую криминальную активность самого несовершеннолетнего лица, а равно оказывают негативное влияние на нормальное развитие его психики [3, С. 202]. В связи с этим, приоритетной задачей судов является оказание профилактического воздействия при реализации своих полномочий по осуществлению правосудия.

Рост вовлечения несовершеннолетних в совершение преступных деяний и различных антиобщественных действий отражает опасность криминогенной ситуации, и именно поэтому в уголовном законодательстве РФ появляются нормы комплексной защиты несовершеннолетнего от криминального влияния со стороны взрослых лиц. Использование только репрессивных мер при предупреждении фактов вовлечения подростков в совершение преступных деяний и антиобщественных действий, а также в криминальную деятельность, не гарантирует положительный результат. В связи с этим, можно утверждать, что одним из наиболее приоритетных направлений борьбы как с преступностью в целом, так и с рассматриваемыми противоправными явлениями является профилактическое воздействие судов, при рассмотрении чувствительных вопросов, связанных с оценкой всей совокупности обстоятельств, способствующих вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления.

В целом, в современном обществе необходимо проводить реализацию концепции профилактики преступной деятельности несовершеннолетних лиц для того, чтобы эффективно профилировать вовлечение несовершеннолетних со стороны взрослых в совершение преступных деяний и антиобщественных действий.

С точки зрения судебного воздействия, мы рассматриваем суд как наиболее эффективный инструмент такой деятельности. Не случайно Пленум Верховного суда считает это вопросы значимыми и нуждающимися в разъяснении, обращая на них внимание.

Безусловно, для достижения цели эффективного профилирования рассматриваемого вида преступной деятельности необходимо законодательное совершенствование механизмов контроля за семейным благополучием и осуществлением своих обязанностей со стороны учреждений, осуществляющих воспитательную функцию, однако на современном этапе основополагающая роль суда, в рамках реализации функции власти, остается наиболее значимой.

Список литературы

1. Астемиров, З.А. Криминология: курс лекций / З.А. Астемиров. – Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2002. – 277 с.

2. Булавкин, А.А. Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений / А.А. Булавкин, С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 1(3). – С. 47-57. – EDN NJRVCN.
3. Бушков, Д.В. Регламентация ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий в законодательстве иностранных государств / Д.В. Бушков, В.С. Капица // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11(174). – С. 202-204. – EDN ALCJBS.
4. Итоги ВПН – 2020. Численность и размещение населения / возрастно- половой состав и состояние в браке. Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 23.02.2026)
5. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020 – 2024 годы. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 23.02.2026)
6. Петрухина, А.Н. Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений: криминологический аспект / А.Н. Петрухина, В.В. Попова // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1А. – С. 146-151. – DOI 10.34670/AR.2020.42.60.022. – EDN JCQYFV.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». – СПС «КонсультантПлюс».
8. Радькова, Л.С. Факторы, обуславливающие вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / Л.С. Радькова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 4(31). – С. 247-257. – EDN YKNEZO.
9. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418> (дата обращения: 24.02.2026).
10. Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49230> (дата обращения: 24.02.2026).
11. Ханова, З.Р. Факторы, способствующие адаптации несовершеннолетних в антиобщественной деятельности / З.Р. Ханова // Проблемы экономики и судебной практики. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-sposobstvuyushchie-vovlecheniyu-nesovershennoletnih-v-antiobschestvennuyu-deyatelnost> (дата обращения: 24.02.2026).

УДК 343.3

ВОЗБУЖДЕНИЕ ВРАЖДЫ И НЕНАВИСТИ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ ВРАЖДЫ И НЕНАВИСТИ (НА ПРИМЕРАХ КОНФЛИКТНЫХ ТЕКСТОВ)

Евгений Леонидович Косяк, кандидат юридических наук, доцент кафедры права и национальной безопасности, Донецкий государственный университет (г. Донецк)

(e-mail: e.kosyak.dguyu@mail.ru)

Ольга Федоровна Боговая, старший преподаватель кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Донецкий государственный университет (г. Донецк)

(e-mail: o.bogovaya@mail.ru)

В статье рассматриваются иерархия конфликтных текстов по степени их общественной опасности и особенности лингвистических приёмов, используемых при возбуждении вражды и ненависти. Делается попытка разграничить возбуждение вражды и возбуждение ненависти как самостоятельные формы противоправных деяний.

Ключевые слова: конфликтные тексты, негативные факты, ненависть, вражда.

EXCITING ENEMY FEARS AND HATRED AS A CRIMINAL AND LINGUISTIC CATEGORY. LINGUISTIC TECHNIQUES USED IN EXCITING ENEMY FEARS AND HATRED (EXAMPLES OF CONFLICT TEXTS)

Kosyak, E.L., Bogovaya, O.F.

The article examines the hierarchy of conflict texts according to their degree of public danger and the features of linguistic techniques used in inciting hostility and hatred. It attempts to distinguish between inciting hostility and inciting hatred as separate forms of illegal acts.

Keywords: conflict texts, negative facts, hatred, and enmity.

Актуальность темы исследования. Возбуждение социальной, расовой, национальной, религиозной розни является одним из достаточно распространённых и опасных видов экстремистской деятельности. Несмотря на то, что такая разновидность экстремистской деятельности непосредственно не связана с посягательством на конституционные права человека и гражданина, будет ошибкой преуменьшать её общественную опасность. Такие экстремистские проявления воздействуют на менталитет достаточно широкой аудитории реципиентов и при надлежащей постановке соответствующей «работы» со стороны заинтересованных лиц способны мобилизовать реципиентов на активные действия агрессивного характера в отношении объектов возбуждения такой розни.

Уголовная и административная ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение вражды и ненависти, предусмотрена соответственно ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) и ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ).

Следует отметить, что в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», УК РФ и КоАП РФ применительно к указанным действиям используется различающаяся терминология – «возбуждение розни» согласно ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и «возбуждение вражды и ненависти» согласно УК РФ и КоАП РФ.

Приведенные расхождения в используемой терминологии требуют толкования, которое в настоящее время не дано ни на законодательном уровне, ни на уровне Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности».

Поэтому, исследование возбуждения вражды и ненависти как уголовно-правовой и лингвистической категории (через призму лингвистики и её понятийного аппарата осуществляется толкование исследуемой юридической терминологии), исследование соотношения понятий «рознь», «вражда», «ненависть», а также анализ лингвистических приёмов, используемых для возбуждения розни (вражды, ненависти) является актуальным, особенно в условиях современной активизации политического и национального экстремизма.

Анализ научных исследований. В современной юридической литературе рассматривались отдельные аспекты юридической квалификации возбуждения ненависти и вражды по ст. 282 УК РФ. Данный вопрос исследовался в научных работах А.А. Бульбачевой и А.В. Котязова, В.С. Скурлатова, В.И. Табанаковой, Н.В. Тыдыковой и др.

Так, А.А. Бульбачева и А.В. Котязов рассматривают ненависть и вражду в отношении представителей отдельных национальностей и социальных групп как мотив для совершения иных преступлений, в частности, преступлений против личности [1, С. 43].

В.С. Скурлатов анализирует проблемы юридической квалификации деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, делая акцент на способе совершения преступления (высказывания, публикации и пр.) и на их субъективной стороне [2, С. 471-480].

В.И. Табанакова обращает внимание на отличие возбуждения вражды и ненависти от призывов к осуществлению экстремистской деятельности [3, С.193].

В то же время, в приведенных выше исследованиях не поднимаются вопросы отличия возбуждения вражды от возбуждения ненависти. В определённой мере такой вопрос исследовался Ю.Е. Пухирь [4, С. 193] и М.А. Осадчим [5, С.21]. Однако, по нашему мнению, более подробный анализ таких отличий представляется необходимым в свете того, что в диспозициях ст. 282 УК РФ и ст. 20.3.1 КоАП РФ – это альтернативные разновидности объективной стороны указанных составов преступления и административного правонарушения.

Целью статьи является рассмотрение проблемных вопросов отграничения возбуждения вражды от возбуждения ненависти, которые возникают в правоприменительной и экспертной практике, а также проблемных вопросов отграничения экстремистского контента, связанного с возбуждением вражды и ненависти, от текстов, в которых содержится критика отдельных действий или решений.

Изложение основного материала. Объективная сторона возбуждения вражды и ненависти представляет собой, в первую очередь, вербальные акты, в которых для достижения желаемого результата используются разнообразные лингвистические средства. Естественно, что возбудить вражду и/или ненависть возможно не только в вербальной форме, но и путём распространения различного рода изображений, в том числе в составе креолизованных текстов (то есть, текстов, содержащих как вербальную часть, так и невербальную часть, принадлежащую к другим знаковым системам, например, изображения; примерами креолизованных текстов являются реклама, комиксы, афиши, плакаты). В то же время, даже в креолизованных текстах основную смысловую нагрузку по возбуждению вражды и ненависти в отношении конкретного адресата (адресатов) будет нести именно вербальная часть. Значение вербальной составляющей в возбуждении вражды и ненависти состоит в том, что именно благодаря текстовым формулировкам возможно достаточно чётко выделить конкретного адресата (адресатов), в отношении которого (которых) вражда и ненависть возбуждаются.

Поскольку при освещении поднятых в статье вопросов мы имеем дело с вербальной информацией, являющейся предметом изучения лингвистики, анализ отличительных черт вражды и ненависти будет осуществляться через призму лингвистических приёмов и средств, используемых для возбуждения вражды и ненависти.

Прежде, чем перейти к рассмотрению таких лингвистических приёмов, необходимо определиться, возможно ли ставить знак равенства между такими понятиями, как «рознь», «вражда» и «ненависть». Рассмотреть данный вопрос следует ввиду того, что в основополагающих нормативно-правовых актах, посвящённых борьбе с экстремизмом, – Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», УК РФ и КоАП РФ указанные термины используются параллельно.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет понятие «рознь» как «вражду», «ссору» [6]. То есть, между понятиями «рознь» и «вражда» в цитируемом словаре ставится знак равенства, что делает их синонимами.

Под «враждой» указанные авторы понимают «отношения и действия, проникнутые неприязнью и ненавистью».

В том же Толковом словаре понятие «ненависть» определяется как «чувство сильной вражды, злобы». При наличии определённой связи между понятиями «вражда» и «ненависть» и при их внешней схожести, тем не менее, следует констатировать, что по своему содержанию «ненависть» по отношению к «вражде» первична. То есть, ставить знак равенства между указанными понятиями будет неправильным.

По мнению М.А. Осадчего, ненависть – это психологическое состояние, а вражда – это деятельность или готовность к деятельности [5, С. 24].

С позиции данного автора следует согласиться, поскольку она соответствует филологическому толкованию понятий «ненависть» и «вражда», данному в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Авторы указанного словаря в качестве ключевой характеристики понятия «ненависть» используют лексему «чувство», тогда как в отношении понятия «вражда» (если следовать от общего к частному) в качестве ключевых характеристик выступают лексемы «отношение» и «действие», чего в толковании понятия «ненависть», данном в цитируемом словаре, не присутствует.

Применительно к «чувству» следует отметить, что это – нейтральная лексема с широкой (и не обязательно негативной) сочетаемостью, – глубокое чувство, чувство долга и пр.

«Ненависть» является экспрессивной лексемой, в которой ярко выражена негативная коннотация. Таким образом, следует констатировать, что лексемы «чувство» и «ненависть» в лингвистическом аспекте соотносятся как род и вид, то есть, ненависть является разновидностью чувства.

Лексема «вражда», как уже отмечалось выше, в определённой мере является синонимом лексемы «ненависть», однако соотношение данных синонимов не свидетельствует об их полной идентичности.

Исходя из толкования указанных понятий в приведенном выше Толковом словаре, возможно сделать вывод, что ядром значения «ненависть» является внутренний психологический процесс, эмоция, которая формируется на основе негативного восприятия субъектом конкретных явлений объективной действительности (действий, событий и пр.). Ядром значения «вражда» является отношение, внешнее проявление, среди признаков которого можно отметить конкретные причины и продолжительный характер.

Если ненависть сочетается с глаголами внутреннего состояния (испытывать, питать, чувствовать), то вражда сочетается с глаголами действия и состояния (прекратить, разжигать, находиться во...).

Лексемы-понятия «ненависть» и «вражда» также различаются и по стилистическим особенностям текстов, в которых они используются. Если для возбуждения ненависти характерны тексты художественного и публицистического характера, то для возбуждения вражды характерны тексты официально-делового, политико-публицистического стиля. Как правило, вражда является признаком уже имеющего место конфликта и её возбуждение в конкретных текстах преследует цель дальнейшего развития такого конфликта, чего сознательно добивается автор текста, возбуждающего вражду.

С практической точки зрения, в том числе в части разграничения понятий вражды и ненависти, представляет интерес иерархия конфликтных текстов, выстраиваемая М.А. Осадчим [5, С. 25] и Ю.Е. Пухирь [4, С. 93].

Согласно предлагаемой иерархии текстов, на самой низшей ступени конфликтности находятся тексты, нейтрально констатирующие негативные факты и не несущие в себе какого-либо отрицательного эмоционального заряда. Такие тексты, как правило, носят исследовательский, аналитический характер, цели возбуждения ненависти и вражды не преследуют. Их конструирование и распространение не влекут юридической ответственности, поскольку свобода слова и выражения своих мыслей гарантирована ст. 29 Конституции Российской Федерации. Вот пример такого текста – приводится скриншот фрагмента публикации «Россия исчерпала все запасы советского оружия», размещённой 28 июля 2025 года в интернет-издании «Репортёр» [7]:

Россия практически исчерпала запасы советского оружия, используя их во время украинского конфликта. Об этом со ссылкой на новый анализ Киевской школы экономики (KSE) пишет британское издание The Financial Times. В публикации отмечается, что объёмы поставок с российских военных складов могут сократиться с пикового уровня в 242 тысячи тонн в 2022 году до 119 тысячи тонн в 2025-м, что может свидетельствовать об истощении внутренних ресурсов.

Данный текст имеет публицистический стиль с чертами официально-делового стиля. Он сориентирован на общественно значимую тему (поставки вооружения и военной техники) и по своей направленности призван довести до читателя объективные статистические данные, касающиеся указанной сферы деятельности. Определённая негативная направленность текста (констатация факта снижения темпов поставок оружия с российских военных складов, что по мнению автора текста может свидетельствовать об истощении внутренних ресурсов России) не несёт какой-либо эмоциональной окраски. Объективность текста подчёркивается сделанной автором опорой на числовые данные. Лингвистический анализ приведенного текста показывает, что в нём не содержится признаков возбуждения ненависти или вражды.

На следующей ступени по конфликтности, по нашему мнению, совпадающему с мнением Ю.Е. Пухирь и М.А. Осадчего, находятся тексты, возбуждающие ненависть. В таких текстах, как уже отмечалось выше, появляется ярко выраженная негативная коннотация. В текстах формируется негативный образ группы лиц, которые объединяются по конкретному признаку (национальности, расы, языка, социальной принадлежности и пр.). В них также присутствуют высказывания, позиционирующие неполноценность, порочность, опасность группы, создаётся контрастность между «своими» и «чужими» группами на почве позитивных характеристик первых и негативных характеристик вторых, закрепляются отрицательные представления о группе, в отношении которой возбуждается вражда, через искусственный перенос негативных характеристик отдельных представителей группы на всю группу. Негативно характеризуемой группе приписывается негатив: враждебные намерения, стремление к заговорам, причинению вреда другим и пр. На всю группу возлагается ответственность за деятельность её отдельных представителей и используется технология превосходства одной группы над другой. Тем самым авторами текстов формируется у аудитории читателей последующее негативное восприятие ассоциируемых с конкретной социальной группой предметов, явлений, действий либо событий, что в конечном счёте возбуждает ненависть к ним у читателей.

Ниже приводится пример такого текста – скриншот стихотворения Акима Апачева (российского певца и блогера А.В. Гасанова) «Нацики и комуняки» [8]:

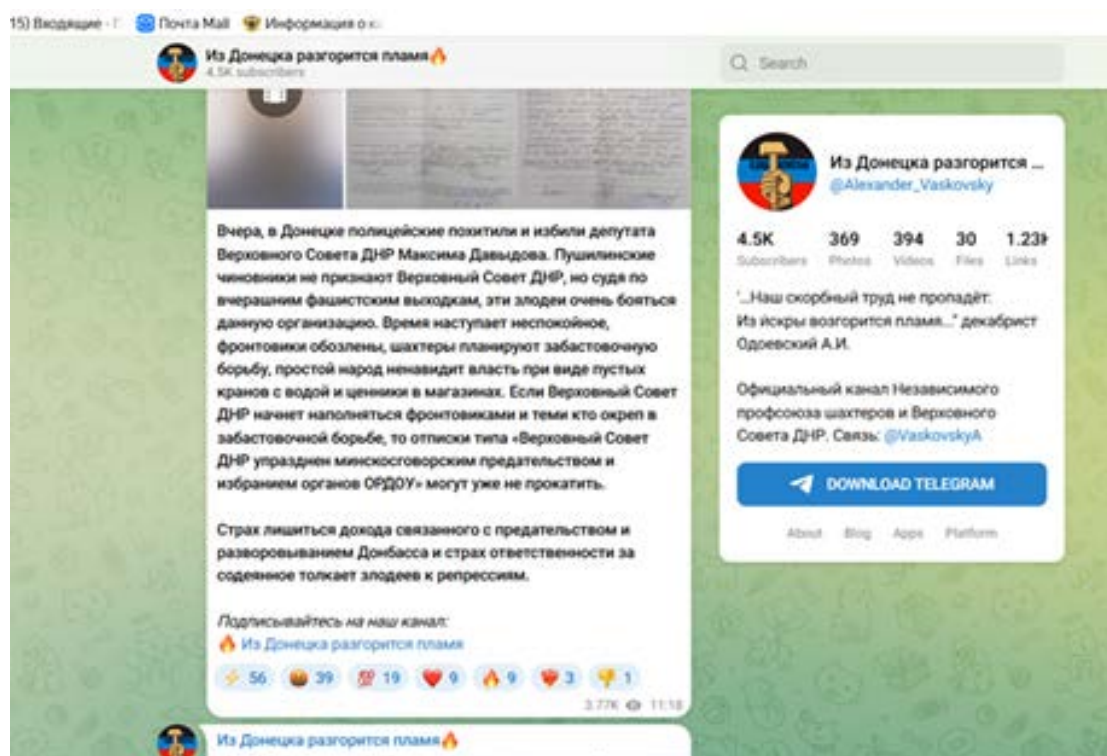
Все вы одной крови, все вы один помет
 Все вы опять ждете тридцать восьмой год
 Что вы с собой несете, кроме свинца в ТТ
 Списки расстрельные, тройки НКВД?
 Вам бы волю дали, вы б устроили террор
 Соловки, Гулаг, на десерт голодомор
 Вам бы буераки, полные бараки
 Вы не люди, краснопузые собаки!
 Вы все - нацики и комуняки!

Стихотворение, фрагмент которого приведен, содержит негативную характеристику двух социальных групп, которые автор называет как «нацики» и «комуняки». Используемый в стихотворении термин «нацики» является жаргонным синонимом термина «националист» [9]. Используемый автором стихотворения термин «комуняки» является оскорбительным названием коммунистов противниками коммунистического строя [10]. Используемая автором стихотворения применительно к социальным группам «нацики» и «комуняки» метафора «краснопузые» является бранным презрительным синонимом слова «коммунист» [11].

Употребление автором стихотворения применительно к социальной группе коммунистов приведенного выше оскорбительного названия коммунистов в совокупности с использованием им же фраз «что вы с собой несете, кроме свинца в ТТ (пистолет конструкции Ф.В. Токарева), списки расстрельные, тройки НКВД», «Вам бы волю дали, вы б устроили террор, Соловки, Гулаг, на десерт голодомор» (синонимичные ассоциации, характеризующие проводившиеся в СССР политические репрессии 30-х годов XX в.) пренебрежительным образом характеризует представителей социальной группы коммунистов, то есть членов Коммунистической партии РФ, являющейся официально зарегистрированной политической партией в Российской Федерации как лиц, придерживающихся идеологии насилия. Такое сравнение наряду с искусственным переносом отрицательных характеристик отдельных членов Коммунистической партии, причастных к политическим репрессиям 30-х годов XX в., на всю социальную группу коммунистов, способствует закреплению отрицательных характеристик коммунистов как личностей, что имеет признаки возбуждения ненависти к коммунистам по признаку принадлежности к социальной группе.

Следующая группа конфликтных текстов по степени их социальной опасности – это конфликтные тексты, возбуждающие вражду. Они по своему содержанию занимают промежуточное положение между текстами, содержащими призывы к экстремистской деятельности и текстами, таких призывов не содержащими. Наиболее близко примыкают к рассматриваемой группе тексты, содержащие скрытые призывы к экстремистской деятельности, которые М.А. Осадчий определяет как призывы, характеризующиеся «отсутствием главной внешней приметы призыва – императивной формы глагола» [5, С. 23].

Проанализируем лингвистические приёмы, используемые при возбуждении вражды, на примере приведенного ниже конфликтного текста – скриншота телеграмм-канала «Из Донецка разгорится пламя».

Данный текст, как и цитиrowавшийся выше текст «Россия исчерпала все запасы советского оружия», также носит публицистический характер и ориентирован на общественно значимую тему (задержание сотрудниками правоохранительных органов ДНР М. Давыдова, позиционируемого как депутат так называемого «Верховного Совета ДНР»). В то же время текст отличается от цитиrowанного ранее своей эмоциональной окраской: вместо лингвистически-нейтральной констатации факта задержания лица в нём присутствует отражение сильного чувства недовольства и протеста, вызванного негативным восприятием автором властей ДНР, осуществивших указанное задержание. Используемая в тексте экспрессивная лексика в виде уничижительных метафор («фашистские выходки», «злодеи», «предательство», «разворовывание») служит средством усиления негативной окраски повествования. Для визуализации социальных последствий указанного задержания и создания эффекта прямой коммуникации с читателями автор употребляет высказывания «фронтовики обозлены», «простой народ ненавидит власть», «шахтёры планируют забастовочную борьбу». В тексте демонстрируется высокая степень когезии (грамматической и лингвистической связности), направленной на усиление негативного восприятия читателями властей ДНР. Автор текста привлекает внимание читателей к уже имеющему место конфликту (задержание лица органами власти) и преследует цель дальнейшего его развития, оперируя понятием «забастовочная борьба» и позиционируя её как возможное последствие задержания. Совокупность приведенных лингвистических приёмов позволяет сделать вывод о присутствии в цитиrowанном тексте возбуждения вражды в отношении органов власти ДНР.

В то же время данный текст нельзя признать таким, который содержит какие-либо призывы. Констатация автором текста возможных последствий задержания активиста ещё не является подстрекательством к совершению указанных действий ввиду отсутствия в тексте императивных форм глаголов.

Выводы. Предлагаемая в настоящей статье иерархия текстов по степени их конфликтности позволяет сформулировать конкретные признаки возбуждения ненависти и вражды и используемые для достижения указанного эффекта лингвистические приёмы. В связи с изложенным и принимая во внимание отсутствие критериев разграничения возбуждения ненависти и возбуждения вражды в пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по

делам о преступлениях экстремистской направленности» (которые бы позволили отграничить возбуждение ненависти от возбуждения вражды), предлагается дополнить указанный пункт Постановления положением о том, что критерием возбуждения ненависти следует считать высказывания по созданию у читателей негативного восприятия конкретной социальной группы, а критерием возбуждения вражды – высказывания по формированию негативного отношения к такой группе и по усилению такого негативного отношения. Само собой разумеется, что вывод о наличии или об отсутствии таких критериев должен делаться на основании заключения лингвистической экспертизы конфликтного текста.

Список литературы

1. Бульбачева, А.А. Актуальные проблемы квалификации преступлений против личности, содержащих признаки ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства / А.А. Бульбачева, А.В. Котязов // Полицейская деятельность. – 2022. – № 3. – С. 41-52.
2. Скурлатов, В.С. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: особенности квалификации экстремистской деятельности в теории и правоприменительной практике по статье 282 УК РФ / В.С. Скурлатов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11 – С. 471-480.
3. Табанакова, В.И. Характеристика объективной стороны возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства / В.И. Табанакова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 4 (115) – С. 190-202.
4. Пухирь, Ю.Е. Проблема соотношения ненависти и вражды в рамках статьи 282 УК РФ через призму публичности и СМИ / Ю.Е. Пухирь // Вестник Омского юридического института. – 2011. – № 1 (14). – С. 92-94
5. Осадчий, М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ / М.А. Осадчий // Право и безопасность. – 2007. – № 3-4. – С. 21-25.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва: Азбуковник. – 1997, 1999, 2001, 2003. – 943 с. – ISBN 5-89285-003-X.
7. Россия исчерпала все запасы советского оружия // Интернет-издание Репортёр. – дата размещения 28.07.2025. – URL: <https://topcor.ru/62509-ft-u-rossii-zakanchivajutsja-zapasy-sovetskogo-oruzhija.html> (дата обращения: 16.02.2026).
8. Аким Апачев. Наики и комуныки // интернет-сайт Shazam. – дата размещения 17.01.2025. – URL: <https://www.shazam.com/song/1851718136/d0bdd0b0d186d0b8d0bad0b8-d0b8-d0bad0bed0bcd183d0bdd18fd0bad0b8> (дата обращения: 16.02.2026).
9. Елистратов, В.С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов. Авторский коллектив: МГУ им. М.В. Ломоносова // Москва: Русские словари. – 2000. – 693 с. – URL: https://russian_argo.academic.ru/7401/наик/ (дата обращения: 16.02.2026). – Режим доступа – свободный.
10. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразоват. Единиц / Т.Ф. Ефремова // Москва : Астрель : АСТ, – 2005. – 638с. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/275832/коммуняка/> (дата обращения: 16.02.2026). – Режим доступа – свободный.
11. Мокиенко, В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // Санкт-Петербург : издательство «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с. – URL: <https://sovdep.academic.ru/1665/краснопузый> (дата обращения: 16.02.2026). – Режим доступа – свободный.

УДК 343.27

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ

Виктор Юрьевич Мельников, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Ростов-на-Дону)

(e-mail: juliameln@mail.ru)

Денис Евгеньевич Толочко, технический редактор научного журнала «Проблемы права: теория и практика», Луганский государственный университет имени Владимира Даля (г. Луганск)

(e-mail: tolochko.denis@bk.ru)

В статье исследуется проблема реализации превентивной функции уголовного права в сфере экономической деятельности. Актуальность темы обусловлена высоким уровнем латентности экономических преступлений и необходимостью поиска оптимальных средств воздействия на участников экономических отношений. Авторы анализируют теоретические подходы к пониманию общей и специальной превенции, их нормативное закрепление и практическое воплощение. Особое внимание уделяется поиску баланса между целями наказания и необходимостью сохранения условий для законной экономической активности. Новизна исследования заключается в критическом анализе правоприменительной статистики, выявлении дисфункций превентивных механизмов и обосновании предложений по их преодолению с учетом специфической мотивации экономических деликвентов.

В работе исследуются особенности воздействия уголовно-правовых запретов на правосознание законопослушных граждан и лиц, совершивших то или иное преступное деяние.

Обосновывается важность совершенствования предупредительных механизмов, предлагаются конкретные направления повышения эффективности превентивной функции, включая развитие института освобождения от уголовной ответственности и расширение сферы применения судебного штрафа.

Ключевые слова: превентивная функция, общая превенция, специальная превенция, экономические преступления, уголовная ответственность, цели наказания, криминологическая безопасность.

IMPLEMENTATION OF THE PREVENTIVE FUNCTION OF CRIMINAL LAW IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: CORRELATION OF GENERAL AND SPECIAL PREVENTION

Melnikov, V.Yu., Tolochko, D.E.

This article examines the problem of implementing the preventive function of criminal law in the sphere of economic activity. The relevance of the topic is due to the high latency level of economic crimes and the need to find optimal means of influencing participants in economic relations. The author analyzes theoretical approaches to understanding general and special prevention, their normative consolidation, and practical implementation. Special attention is paid to finding a balance between the goals of punishment and the need to preserve conditions for legitimate economic activity. The novelty of the research lies in a critical analysis of law enforcement statistics, identifying

dysfunctions of preventive mechanisms, and substantiating proposals to overcome them, taking into account the specific motivation of economic delinquents.

The study explores the specifics of the impact of criminal law prohibitions on the legal consciousness of law-abiding citizens and persons who have committed crimes.

The importance of improving preventive mechanisms is substantiated; specific directions for enhancing the effectiveness of the preventive function are proposed, including the development of the institution of exemption from criminal liability and expanding the application of judicial fines.

Keywords: *preventive function, general prevention, special prevention, economic crimes, criminal liability, purposes of punishment, criminological security, entrepreneurial activity.*

В условиях современной экономической нестабильности, санкционного давления и необходимости обеспечения экономического суверенитета государства вопросы уголовно-правовой охраны экономической деятельности приобретают особую значимость. Традиционно уголовное право рассматривается как крайнее средство (*ultima ratio*) государственного реагирования на противоправное (общественно опасное) деяние [1, С. 45].

В экономической сфере применение мер уголовно-правового воздействия имеет свою специфику, связанную с двойственной природой предпринимательства: с одной стороны, это двигатель экономического развития, с другой – область повышенных рисков нарушения установленных правил законодательства [2, С. 250].

Актуальность темы исследования обусловлена наличием ряда факторов, требующих научного осмысления. Во-первых, статистика свидетельствует о сохранении высокого уровня латентности экономических преступлений, что актуализирует поиск путей повышения эффективности существующей модели общей превенции [3, С. 45]. Во-вторых, как отмечает П.С. Яни, «вопрос об оптимальных пределах уголовной ответственности за отдельные виды экономических преступлений, а также о влиянии уголовно-правовых запретов на деловой климат» остается открытым [4, С. 34].

В-третьих, требуется дальнейшее теоретическое осмысление вопроса о том, каким образом уголовно-правовой запрет влияет на поведение добросовестных участников оборота (общая превенция) и на лиц, уже совершивших преступление (специальная превенция), в условиях специфической мотивации лиц совершающих экономические преступления [5, С. 345].

Проблема целей наказания и превентивной функции уголовного права традиционно находится в центре внимания ученых-криминалистов. Классические представления о сущности общей и специальной превенции были заложены в трудах Ч. Беккариа и И. Бентама, а позже развиты в немецкой классической школе уголовного права (А. Фейербах). В отечественной науке значительный вклад в разработку данной проблематики внесли такие ученые, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, М.Д. Шаргородский, И.И. Карпец, В.К. Дуюнов и др.

Современные ученые (А.В. Наумов, В.С. Комиссаров, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог) акцентируют внимание на социальной обусловленности уголовно-правовых запретов и их эффективности. Особое место занимают работы, посвященные уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности (Б.В. Волженкин, Н.А. Лопашенко, П.С. Яни). В них поднимаются вопросы криминообразующих признаков, проблем квалификации и эффективности назначения наказания.

Как отмечает Н.А. Лопашенко, «до настоящего времени не выработано единой концепции соотношения частной и общей превенции применительно к экономическим преступлениям» [6, С. 112]. Отсутствуют комплексные исследования, рассматривающие превентивный потенциал не только в качестве наказания, но и иных мер уголовно-правового характера в контексте их влияния на экономическое поведение, а также критически оценивающие реальную эффективность существующих механизмов.

Целью настоящего исследования является комплексный теоретико-прикладной анализ механизмов реализации общей и специальной превенции в сфере экономической деятельности, выявление проблем их соотношения и дисфункций, а также выработка предложений по оптимизации уголовно-правового воздействия для повышения эффективности защиты экономических правоотношений.

Реализация превентивной функции уголовного права в экономической сфере имеет свои особенности, детерминированные характером общественных отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны.

Экономическая деятельность базируется на принципах свободы экономического выбора, инициативы и риска. Вторжение уголовного закона в данную сферу должно быть предельно взвешенным, чтобы не подавить экономическую активность, но в то же время обеспечить защиту прав и законных интересов граждан, организаций и государства [7, С. 560].

Традиционно в теории уголовного права выделяют два основных направления превентивного воздействия: общую превенцию (предупреждение совершения преступлений иными лицами) и специальную превенцию (предупреждение совершения новых преступлений самим осужденным). Рассмотрим специфику их реализации применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) [8].

Механизм общей превенции заключается в психологическом воздействии угрозы наказания на сознание потенциальных правонарушителей. Ч. Беккариа сформулировал теорию «психологического принуждения», согласно которой закон должен оказывать сдерживающее влияние, чтобы удерживать граждан от совершения преступления [9, С. 145]. В современном контексте общая превенция включает в себя не только сдерживание, но и формирование уважения к закону, убежденности в его справедливости [9, С. 101].

В экономической сфере деятельности реализация общей превенции имеет свою специфику. Во-первых, это высокая степень латентности. Многие экономические преступления (уклонение от уплаты налогов, незаконное предпринимательство) не имеют непосредственного потерпевшего, что снижает риск выявления правонарушения. Как отмечают В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, «уровень латентности экономических преступлений остается значительным» [7, С. 178]. Если риск быть привлеченным к ответственности оценивается правонарушителем как минимальный, то угроза наказания может утрачивать свою сдерживающую силу [2, С. 401].

Во-вторых, существенным фактором является «рациональность» экономического преступника. Еще Г. Беккер в рамках экономического анализа права обосновал, что потенциальный преступник действует как рациональный максимизатор полезности, сопоставляя ожидаемые выгоды от преступления с издержками, включающими вероятность наказания и его строгость [10, С. 176]. В отличие от насильственных преступников, субъекты экономических деликтов совершают так называемое «калькулируемое деяние».

Они сопоставляют потенциальную выгоду от преступления с размером предполагаемого наказания и вероятностью его применения. Данное обстоятельство обуславливает необходимость поиска оптимальной модели санкций, при которой обеспечивается баланс между соразмерностью ответственности и ее неотвратимостью. Чрезмерно суровые санкции, не подкрепленные неотвратимостью, могут не достигать поставленных целей. Как утверждает А.И. Ситникова, «чрезмерная суровость способна порождать обратный эффект, влияя на восприятие легитимности закона в предпринимательской среде» [11, С. 48].

Позитивная общая превенция в экономической сфере призвана реализовываться через формирование стандартов добросовестного поведения. Уголовный закон выполняет здесь роль ориентира, обозначая границы дозволенного [12, С. 210]. Например, установление ответственности за рейдерские захваты (ст. 170.1, 185.5 УК РФ) не только оказывает сдерживающее воздействие, но и сигнализирует добросовестным участникам оборота о том, что государство берет под защиту корпоративные процедуры.

Однако механизм формирования позитивной превенции в условиях высокого уровня правового нигилизма в предпринимательской среде остается крайне сложным.

Когда в деловой культуре распространено восприятие закона как препятствия, которое можно обойти, а государства – как источника необоснованных притязаний [13, С. 100], уголовно-правовой запрет рискует восприниматься не как легитимный ориентир, а как один из многих рисков, подлежащих минимизации. В такой среде позитивная превенция уступает место негативной: закон удерживает от действий не столько в силу его морального авторитета, сколько из страха наказания, который, в свою очередь, существенно ослабляется фактором латентности.

Кроме того, в правоприменительной практике наблюдается феномен, который в литературе обозначается как «сверхисполнительность» (overcompliance) или «гиперкоррекция поведения» [14, С. 490].

В отличие от добросовестного заблуждения, когда лицо неверно толкует закон, или от объективно-противоправного деяния, где отсутствует вина, сверхисполнительность представляет собой сознательное самоограничение законопослушных участников оборота, вызванное страхом перед потенциальной уголовной ответственностью из-за неясности законодательства или непредсказуемости правоприменения.

Например, сложность разграничения законной оптимизации налогообложения и уклонения от уплаты налогов может побуждать предпринимателей отказываться от вполне легитимных, но экономически эффективных схем, что сдерживает деловую инициативу и приводит к экономическим потерям. Это явление есть не что иное, как дисфункция общей превенции, когда закон оказывает избыточное сдерживающее влияние на социально полезное поведение.

Цель специальной превенции достигается путем применения к лицу, совершившему преступление, конкретных мер уголовно-правового характера. Классическими средствами здесь выступают наказание (лишение свободы, штраф, лишение права занимать определенные должности) и иные меры уголовно-правового характера [14, С. 489].

Применение наказания к предпринимателям имеет свою специфику, анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенным наказанием за экономические преступления является штраф. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2025 год, штраф был назначен более чем 66,2% осужденных по статьям гл. 22 УК РФ [15].

Лишение свободы назначается в случаях, предусмотренных законом, чаще всего при наличии крупного и особо крупного размера ущерба или при рецидиве.

Исправительное воздействие наказания на лицо, совершившее экономическое преступление, также имеет свои особенности. Однако тезис о том, что для экономической преступности характерен «низкий процент рецидива», требует существенной оговорки. Действительно, официальный статистический рецидив среди лиц, осужденных за экономические преступления (так называемых «элитарных» преступников), ниже, чем среди общеуголовной преступности [4, С. 34]. Это объясняется, в том числе, социальным статусом осужденных, для многих из которых сам факт уголовного преследования является значимым сдерживающим фактором [9, С. 278].

Однако криминологи обращают внимание на высокий уровень латентного рецидива в этой сфере. Лицо, однажды привлеченное к ответственности, может не прекратить преступную деятельность, а видоизменить ее, перейдя к более скрытым, сложно выявляемым формам (например, использование подставных лиц, офшорных схем, коррупционных связей) [16, С. 214]. Статистика не учитывает такие случаи, что создает иллюзию благополучия и эффективности специальной превенции.

При этом важно учитывать, что уголовное наказание может приводить к исключению лица из экономической деятельности, что способно влечь последствия не только для него, но и для наемных работников, контрагентов [2, С. 312]. Данное обстоятельство актуализирует

поиск таких мер реагирования, которые позволяли бы достигать целей специальной превенции без необоснованного разрыва социально полезных связей.

В последние годы все большее значение в механизме специальной превенции приобретают иные меры уголовно-правового характера, в частности, судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ). Данный институт, позволяющий освободить от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде штрафа, обладает значительным превентивным потенциалом.

Он позволяет достичь целей специальной превенции (лицо осознает противоправность деяния, несет определенные имущественные потери) без негативных последствий судимости. Анализ правоприменения показывает, что суды используют данную возможность по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести в сфере экономики (например, по ч.1 ст. 171, ст. 173.2 УК РФ) [11, С. 47].

Проблема соотношения двух форм превенции является одной из ключевых в уголовной политике [2, С. 415]. В сфере экономической деятельности это соотношение приобретает особые очертания. Законодатель, конструируя санкции в статьях гл. 22 УК РФ, стремится сбалансировать оба направления. Наличие высоких штрафов направлено на общую превенцию, создавая для рационального субъекта невыгодность совершения преступного деяния [12, С. 267]. Одновременно с этим наличие альтернативных лишению свободы наказаний и возможности для освобождения от уголовной ответственности ориентированы на специальную превенцию и минимизацию негативных последствий для бизнеса.

Вопрос о достижении оптимального баланса между общей и специальной превенцией может быть проиллюстрирован на примере соотношения размера штрафа и его реальной взыскиваемости (таблица 1)

Таблица 1. Соотношение назначения и исполнения наказания в виде штрафа по преступлениям в сфере экономической деятельности (анализ данных за 2023-2025 гг.)

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Динамика
Доля осужденных по гл.22 УК РФ, которым назначен штраф (%)	63,1	64,8	66,2	+3,1%
Средний размер назначенного штрафа (тыс. руб.)	250	275	310	+24,0%
Доля взысканных штрафов (добровольно и принудительно) (%)	35	36	38	+3%
Количество отмен штрафов в связи с заменой на лишение свободы (ед.)	340	325	295	-13,2%

Составлено по данным Судебного департамента при ВС РФ 2023-2025 гг. [15].

Представленные в таблице 1 данные требуют не просто констатации, а глубокого критического осмысления.

На первый взгляд, наблюдаемый рост доли осужденных, к которым применяется наказание в виде штрафа (с 63,1% до 66,2%), а также увеличение его среднего размера могут свидетельствовать о последовательной реализации политики гуманизации уголовной ответственности. Однако более пристальный анализ выявляет системный кризис правоприменения, ставящий под сомнение эффективность всей превентивной модели.

Ключевая проблема заключается в катастрофически низком уровне фактической взыскиваемости штрафов. Несмотря на формальный рост показателя с 35% до 38%, этот прогресс является статистически незначимым на фоне общего провала: почти две трети (62%) назначенных судами штрафов в 2025 году остаются невзысканными. Это означает, что мера наказания, призванная быть основным инструментом воздействия на «рационального» экономического преступника [10, С. 200], в большинстве случаев остается декларативной.

Данный факт имеет разрушительные последствия для обоих видов превенции:

1. Дискредитация специальной превенции для осужденного, невзысканный штраф означает фактическое отсутствие наказания. Цель исправления не достигается, лицо не несет реальных имущественных потерь и не осознает неотвратимости ответственности. Более того, оно может воспринимать приговор как формальность, что создает предпосылки для продолжения противоправной деятельности, возможно, в более скрытых, латентных формах [16, С. 215].

2. Полная девальвация общей превенции, данный аспект является еще более тревожным. Потенциальный правонарушитель, действующий как рациональный максимизатор полезности, оценивает не столько строгость наказания, сколько его ожидаемую суровость, умноженную на вероятность применения. Если в деловом сообществе формируется устойчивое представление (или обоснованное предположение), что назначенный штраф с вероятностью 62% не будет взыскан, то угроза наказания утрачивает свое сдерживающее значение. Угроза неисполнимого наказания не может быть сдерживающим фактором.

Более того, осведомленность о низкой исполнимости приговоров подрывает легитимность судебной системы в глазах предпринимательского сообщества, усугубляя и без того высокий уровень правового нигилизма [17, С. 8]. В таких условиях формальное увеличение доли назначаемых штрафов создает лишь иллюзию правосудия.

Снижение количества замен штрафа лишением свободы (с 340 до 295) также не может быть однозначно истолковано как позитивный сигнал. Оно может быть следствием не только эффективности исправительного воздействия, но и перегруженности судов, сложности процедур, либо нежелания судей ужесточать наказание, что в условиях массовой невзыскиваемости выглядит как попытка скрыть проблему, а не решить ее.

Таким образом, анализ статистики вскрывает глубокую дисфункцию: при внешне благоприятной тенденции к гуманизации (больше штрафов) мы наблюдаем внутренний кризис исполнимости, который нивелирует потенциальные выгоды этой политики и подрывает основы как общей, так и специальной превенции.

Другим аспектом соотношения общей и специальной превенции является уже упомянутое влияние уголовно-правового запрета на третьих лиц – феномен «сверхисполнительности».

Опасность быть привлеченным к ответственности из-за несовершенства законодательства или сложностей правоприменения может сдерживать деловую инициативу добросовестных участников оборота. Данное явление представляет собой «негативную общую превенцию» в ее дисфункциональном проявлении.

Таким образом, соотношение общей и специальной превенции в экономической сфере представляет собой сложный динамический процесс, требующий поиска взвешенных решений. Оптимальная модель уголовной политики должна быть построена на принципе экономии уголовной репрессии: уголовное наказание должно применяться лишь тогда, когда иными средствами достичь целей превенции невозможно. При этом общая превенция должна обеспечиваться в первую очередь не суровостью, а реальной неотвратимостью (включая фактическую исполнимость наказания) и справедливостью, а специальная превенция — гибкостью системы наказаний и приоритетом восстановления нарушенных прав перед изоляцией.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на оптимизацию реализации превентивной функции уголовного права в сфере экономической деятельности.

Во-первых, требуется дальнейшее совершенствование модели уголовно-правового воздействия на экономические отношения в части обеспечения баланса между общей и специальной превенцией.

Простое увеличение сроков и размеров наказаний не приводит к ожидаемому снижению уровня экономической преступности, особенно на фоне низкой фактической взыскиваемости штрафов.

Во-вторых, эффективность общей превенции в экономической среде в значительной степени определяется не суровостью санкций, а фактором реальной, а не декларативной неотвратимости ответственности. В связи с этим важнейшим направлением является не только совершенствование правоприменительной практики по выявлению преступлений, но и кардинальное повышение эффективности исполнения назначенных наказаний, особенно в части взыскания штрафов. Без решения проблемы 62% невзысканных штрафов любые разговоры об эффективности превенции остаются теоретизированием.

В-третьих, для усиления специальной превенции требуется дальнейшее развитие и расширение сферы применения альтернативных лишению свободы мер, а также борьба с латентным рецидивом. В частности, целесообразно:

1. Рассмотреть возможность расширения перечня составов преступлений в сфере экономической деятельности, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, при условии полного возмещения ущерба.

2. Совершенствовать правовые механизмы, позволяющие при назначении наказания в виде штрафа учитывать имущественное положение осужденного и его бизнеса, а также предусматривать рассрочку выплаты, что будет способствовать предотвращению банкротства предприятий и повышению реальной взыскиваемости.

3. Активнее внедрять практику применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности, что для лица, совершившего экономическое преступление, может являться действенным специально-превентивным средством, затрудняющим латентное продолжение преступной деятельности.

4. Разработать методики выявления и профилактики латентного рецидива, включая усиление контроля за лицами, отбывшими наказание, но сохраняющими связи в криминальной экономической среде.

В-четвертых, на теоретическом уровне требуется дальнейшая разработка концепции целей наказания применительно к экономическим преступлениям с учетом теорий рационального выбора и поведенческой экономики.

Таким образом, реализация превентивной функции уголовного права в сфере экономической деятельности требует взвешенного подхода, основанного на поиске баланса между специальной превенцией, восстановлением социальной справедливости (в виде реального возмещения ущерба и исполнения наказания) и обеспечением экономической безопасности государства при сохранении условий для законной предпринимательской активности.

Список литературы

1. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. – 7-е изд. – Москва : Проспект, 2023. – 560 с.
2. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский // Избранные труды по уголовному праву. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – С. 245-580.
3. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2019. – 641 с.
4. Яни, П.С. Актуальные проблемы квалификации экономических преступлений / П.С. Яни // Законность. – 2022. – № 5. – С. 32–38.

5. Дуюнов, В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации / В.К. Дуюнов. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 512 с.
6. Лопашенко, Н.А. Введение в уголовное право : учебное пособие / Н.А. Лопашенко. – Москва : Проспект, 2022. – 224 с.
7. Криминология : учебник / под редакцией В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 800 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 25.12.2023 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 464 с.
10. Becker, G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76, No. 2. – P. 169-217.
11. Ситникова, А.И. Эффективность уголовного наказания в сфере экономической деятельности: социологический анализ / А.И. Ситникова, Д.А. Ситников // Российский криминологический взгляд. – 2021. – № 4. – С. 45–52.
12. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 300 с.
13. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практическое пособие / А.И. Рарог. – Москва : Проспект, 2023. – 272 с.
14. Krawiec, K.D. Cosmetic Compliance and the Failure of Negotiated Governance / K D. Krawiec // Washington University Law Quarterly. – 2003. – Vol. 81, No. 2. – P. 487-544.
15. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики за 2025 год. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
16. Долгова, А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение латентной преступности / А.И. Долгова // Российский криминологический взгляд. – 2019. – № 1. – С. 210–218.
17. Тихомиров, Ю.А. Правовой нигилизм: истоки и способы преодоления / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5-15.

УДК 343.2/.7 : 341.4

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Сергей Юрьевич Мироненко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: mironenko_2009@mail.ru)

В статье проводится анализ процесса развития международного уголовного права, внедрения международно-правовых актов в уголовное законодательство Российской Федерации. Одним из существенных признаков современной уголовно-правовой политики является то, что она не замыкается, как раньше, на внутреннее уголовное право, а осуществляется с учетом положений международного уголовного права. Международное уголовное право служит правовой основой сотрудничества государств в борьбе с преступлениями транснационального характера и представляет собой совокупность уголовно-правовых норм, устанавливающих на данном этапе его развития преступные деяния и наказуемость наиболее серьезных и вызывающих обеспокоенность всего международного сообщества посягательств, на международный мир, международную безопасность, человечность.

Ключевые слова: уголовное право, международное уголовное право, международная преступность, уголовная ответственность.

THE GENESIS OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Mironenko, S.Yu.

The article analyzes the process of development of international criminal law and the introduction of international legal acts into the criminal legislation of the Russian Federation. One of the essential features of modern criminal law policy is that it is not confined, as before, to domestic criminal law, but is implemented taking into account the provisions of international criminal law. International criminal law serves as the legal basis for cooperation between States in combating transnational crimes and is a set of criminal law norms that establish, at this stage of its development, criminal acts and the perishability of the most serious and disturbing attacks on international peace, international security, and humanity.

Keywords: criminal law, international criminal law, international crime, criminal liability.

Актуальность темы исследования. Уголовно-правовая политика Российской Федерации за годы независимости претерпела существенные изменения по сравнению с ее советским периодом. Одним из существенных признаков современной уголовно-правовой политики является то, что она не замыкается, как раньше, на внутреннее уголовное право, а осуществляется с учетом положений международного уголовного права, что служит правовой основой сотрудничества государств в борьбе с международной преступностью. Международное уголовное право, являющееся отраслью международного публичного права, в теории определяют как систему принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами.

Анализ научных исследований. Основная заслуга среди отечественных ученых в исследовании проблем международного уголовного права принадлежит И.Н. Арцибасову, И.П. Блищенко, И.В. Бутриму, Л.Н. Галенской, Л.В. Иногамовой-Хегай, И.И. Карпецу,

А.Р. Каюмовой, А.Г. Кибальнику, Ю.М. Колосову, В.П. Коняхину, И.И. Лукашуку, Ф.Ф. Мартенсу, А.В. Наумову, В.А. Номоконову, В.П. Панову, А.И. Полторакау, Ю.А. Решетову, А.Н. Трайнину, И.В. Фисенко, А.И. Чучаеву, М.Д. Шаргородскому и другим.

Цель исследования. Целью исследования является анализ развития и содержания норм международного уголовного права, его роли в борьбе с международной преступностью.

Изложение основного материала. В конце XX столетия международное сотрудничество заняло первоочередное место в мировой политике. Очевидным стал факт, что прогрессивное продвижение по всем направлениям международных отношений невозможно без тесного взаимодействия международных, национальных и негосударственных организаций, главной целью которого выступает охрана и защита прав человека и гражданина.

Весьма актуальным для правового регулирования внедрения международно-правовых актов в уголовное законодательство Российской Федерации является Устав ООН, который является общим международным договором [1]. Учитывая, что Устав ООН заложил фундамент современного международного правопорядка, он также установил основные международно-правовые принципы и определил нормы поведения государств и других субъектов международного права на мировой арене. Одно из направлений деятельности ООН, связанное с содействием заключению международных договоров и соглашений, является расширение сотрудничества правоохранительных органов мира и международных организаций в сфере борьбы с международной преступностью. На сегодня международное сообщество имеет систему международных договоров, которые были заключены в рамках ООН и других международных организаций. Например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Международная Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г., Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 г. и др. Особое внимание привлекают выводы и материалы Восьмого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: «о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие; о взаимной помощи в области уголовного правосудия; о передаче надзора за правонарушителями; о передаче судопроизводства по уголовным делам и о выдаче преступников» [2]. Следовательно, подписание ряда специальных договоров о предоставлении правовой помощи, в частности для получения доказательств преступления, между странами стало существенным шагом в консолидации членов международного сообщества в противодействии различным проявлениям общеуголовной преступности на транснациональном уровне. Основой для таких договоров служат «типовые юридические документы ООН, а также типовые договоры о международном полицейском сотрудничестве, которые были выработаны во время проведения 44-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола в 1975 г.» [2]. Таким образом, с учетом элементов типового законодательства на уровне каждого члена ООН «проводится соответствующая законотворческая работа по практическому применению типового договора. В то же время механизмы, регулирующие международное сотрудничество в области борьбы с преступностью на транснациональном уровне, нуждаются в постоянном усовершенствовании. Обуславливается это тем, что постоянное изменение методов, используемых транснациональной преступностью, время от времени требует пересмотра двусторонних и многосторонних договоренностей о сотрудничестве в правоохранительной сфере с учетом новых реалий, а именно: возникновение киберпреступности, повышение латентной преступности в сфере торговли людьми, расширение наркобизнеса и др.» [2]. Поэтому «на шестой сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в 1997 г. была принята резолюция «Международное сотрудничество в вопросах уголовного права». В этом документе государствам-членам международного сообщества в рамках национальных правовых систем в контексте использования и применения договоров о выдаче предлагалось принять ряд мер. Особое внимание уделялось обеспечению эффективного применения принципа *aut dedere aut judicare* («судить или выдать») – общепризнанного принципа международного права» [2]. Итак, основываясь на историческом опыте использования международно-правовых актов, внедрение международно-правовых актов в уголовное законодательство Российской Федерации является динамичным процессом, который зависит, прежде всего, от взаимного влияния международного и национального законодательства в

сфере борьбы с преступностью и развития средств обеспечения охраны и защиты прав граждан. Необходимо отметить, что типовые договоры ООН в данном случае являются важным средством расширения международного сотрудничества.

Актуальность международного сотрудничества в реализации задач уголовно-правовой политики обуславливается тем, что «наибольшей опасностью для человечества, его демократического и экономического развития, останется интенсивно растущая национальная и транснациональная преступность, которая сегодня содержит в себе и традиционно уголовные, и военные, и экологические, и генетические, и другие угрозы» [3, С. 3]. По мнению российских исследователей, доминирующей криминологической тенденцией в начале нового столетия остаются продолжающийся рост уровня преступности в мире, тенденция повышения общественной опасности преступности с одновременным отставанием социально-правового контроля от таких факторов криминализации общественных отношений, как их мобильность и мимикризация. Напомним, что начиная с 80-х гг. прошлого столетия темпы роста преступности в мире в среднем увеличивались на 5% ежегодно.

В этой связи принципиальным становится создание всеобъемлющей системы международной безопасности, охватывающей наряду с военной, политической и экономической областями также и гуманитарную сферу, в частности сотрудничество государств в борьбе с грубыми и массовыми нарушениями прав человека – геноцидом, апартеидом, военными преступлениями, дискриминацией по расовым, национальным, религиозным и другим мотивам, осуществление совместных действий по реализации международных договоренностей в сфере борьбы с преступностью и другими правонарушениями.

Обеспокоенность в связи с распространением масштабов международной преступности и убежденность государств-членов ООН в срочной необходимости более эффективных механизмов для оказания помощи и содействия государствам в осуществлении совместных стратегий в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, укрепление роли ООН как координационного центра в этой области привели к тому, что Генеральная Ассамблея ООН 18 декабря 1991 г. приняла Резолюцию «О создании эффективной программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» [4].

В резолюции делается вывод о том, что демократия и повышение качества жизни могут получить свое развитие только в условиях мира и безопасности для всех. Преступность несет в себе угрозу стабильности, а также безопасности окружающей среде. Предупреждение преступности и уголовное правосудие при надлежащем соблюдении прав человека вносят непосредственный вклад в дело поддержания мира и безопасности. Любому расширению возможностей и способностей правонарушителей совершать преступления государства должны противопоставить аналогичное расширение возможностей и способностей правоохранительных органов и уголовного правосудия.

Общие цели программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия заключаются в следующем:

- а) предупреждение национальной и транснациональной преступности;
- б) борьба с преступностью как на национальном, так и на международном уровнях;
- в) активизация регионального и международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и борьбы с транснациональной преступностью;
- г) объединение и консолидация усилий государств-членов в предупреждении транснациональной преступности и борьбы с ней;
- д) более действенное и эффективное отправление правосудия при надлежащем уважении прав всех лиц, столкнувшихся с преступностью, и всех тех, кто имеет отношение к системе уголовного правосудия;
- е) содействие соблюдению самых высших стандартов справедливости, гуманности правосудия и профессионального обращения [5, С. 176].

Следует отметить, что немалая часть статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) учитывают положения и рекомендации международных правовых актов по предупреждению и борьбе с преступностью, а раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» практически полностью базируется на них.

Вместе с тем, «важное значение для развития национальных систем уголовного права и для организации борьбы с международной преступностью и преступлениями против человечества, военными преступлениями, имеет как активно развивающееся международное уголовное право, так и международная юстиция. Российские исследователи уголовно-правовых и криминологических проблем все чаще обращаются к международному опыту и сравнительному исследованию уголовно-правовых и криминологических систем борьбы с преступностью» [6, С. 49; 7]. Очевидно, что необходимо обратить более пристальное внимание на проблему совершенствования уголовно-правовой политики государства в аспекте создания национальных законодательных условий для осуществления международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

На современном историческом этапе назрела реальная необходимость координации усилий мирового сообщества, основанной как на создании международных правовых механизмов, так и на совершенствовании национальных законодательных систем путем их унификации, использования эффективного опыта зарубежных стран, приведения в соответствие с международными обязательствами государства и тому подобное. Реальные предпосылки для внедрения международного опыта противодействия преступности в законодательство отдельных стран тоже происходят. Как отмечают Дж. Флетчер и А.В. Наумов, «между различными системами уголовного права на самом деле существует значительно больше общего, чем мы обычно считаем» [8, С. 8, 27]. В то же время, ожидать в ближайшем будущем полной гармонии уголовного законодательства Российской Федерации и зарубежных государств было бы достаточно самоуверенно. Слишком велика разница в их социально-культурных, экономических и политических условиях.

По своей сути и содержанию, гармонизация – это взаимный процесс, своеобразная конвергенция правовых идей и решений. Однако, пропорциональность частей участия в этом процессе не может быть равной. В большей степени задача заключается в совершенствовании отечественного национального уголовного законодательства. В частности, создание надежных национальных законодательных механизмов для международного сотрудничества в сфере противодействия преступности сегодня должно стать одним из главных направлений ее уголовно-правовой политики, направлением, в рамках которого отечественное законодательство будет следовать навстречу международно-правовым стандартам и лучшим достижениям национальных уголовных законодательств зарубежных дружественных стран.

В рамках выполнения международно-правовых обязательств, в ходе последней кодификации уголовного законодательства Российской Федерации в него были внесены новеллы, ставшие основой правового обеспечения международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. К таким новеллам, в частности, следует отнести положение о выдаче лиц, совершивших преступление (ч. 2 ст. 13 УК РФ).

В соответствии с частью 2 статьи 13 УК РФ «иностранцы граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации» [9, С. 16]. Таким образом, законодатель установил ряд условий, при совокупном наличии которых Российская Федерация может учесть приговор суда иностранного государства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России.

Традиционно «в качестве основных направлений осуществления уголовно-правовой политики выступают криминализация, декриминализация, пенализация и депенализация. По этим направлениям осуществляется уголовно-правовая политика и в современный период, однако ими не исчерпывается. Весомое значение приобретает сегодня такое направление осуществления уголовно-правовой политики, как создание национальных законодательных механизмов для международного сотрудничества государств в сфере противодействия преступности» [10, С. 64-65].

Развитие отечественного законодательства в направлении реформирования политики нашего государства в сфере противодействия преступности требует осмысления общетеоретических вопросов криминализации общественно опасных деяний с учетом действительных изменений социально-экономических отношений с целью повышения эффективности действия Уголовного закона, достижения поставленных перед ним целей.

Криминализация проводится в соответствии с общими принципами уголовно-правовой политики и формируется на основании криминологических, социально-экономических и социально-психологических факторов. В частности, в процессе криминализации подлежат выяснению такие вопросы, как «обусловленность повышенной степени общественной опасности данного правонарушения; его распространенность; способы и эффективность противодействия ему до установления уголовной ответственности, а также возможные причины их недостаточной эффективности; соотношение данного деяния с правосознанием общества, а именно подготовленностью общества к тому, чтобы противодействие таким правонарушениям проводилось средствами уголовно-правового принуждения; последствия, к которым приведет установление данной уголовно-правовой нормы. Только после выяснения этих вопросов можно судить о наличии критериев установления уголовной ответственности – повышенной степени общественной опасности и условий, необходимых для реализации принципа неотвратимости государственного реагирования на совершение криминализированных деяний, а следовательно, и сделать вывод о необходимости уголовно-правового противодействия тем или иным общественно опасным деяниям» [11, С. 48-61].

Декриминализация, как направление уголовно-правовой политики, является по своему содержанию противоположной криминализации и заключается в процессе выявления предусмотренных уголовным законом общественно безопасных форм индивидуального поведения, признания недопустимости, невозможности и нецелесообразности их уголовно-правового запрета путем их фиксации в законе как преступных и уголовно-наказуемых. Исходя из этого, основания декриминализации противоположны основаниям криминализации. Иначе говоря, основаниями декриминализации является выявленное на определенном историческом этапе отсутствие оснований для криминализации деяния. Декриминализация преступлений может заключаться в переводе прежнего преступного деяния в категорию правомерных деяний или к правонарушениям иного вида (например, административным).

Насущной потребностью современного периода развития уголовно-правовой политики является осуществление глобального мониторинга всех статей Особенной части УК РФ на предмет соответствия установленных ими уголовно-правовых запретов основаниям криминализации общественно опасных деяний.

Адекватное, справедливое и целесообразное сопровождение криминализированных деяний уголовными санкциями является следствием такого направления уголовно-правовой политики государства как пенализация преступных деяний. Пенализация заключается в определении в законе об уголовной ответственности конкретных видов и размеров наказаний, которые могут быть применены к лицу, совершившему преступление. При этом пенализация преступлений будет соответствовать основным принципам и задачам уголовно-правовой политики, а также будет иметь результатом адекватность установленного наказания степени общественной опасности (тяжести) совершенного преступления только при условии выработки единого мерила наказуемости преступлений и установления его выражения в конкретных единицах отдельных видов наказаний.

На наш взгляд, на сегодняшнем этапе развития уголовно-правовой политики отмечаются существенные недостатки в пенализации отдельных видов преступлений, которые выражаются в следующем. Прежде всего, в отдельных случаях имеет место явное несоответствие предусмотренного в законе об уголовной ответственности наказания степени тяжести совершенного преступления. Причем такое несоответствие заключается как в явно заниженном размере наказания, так и в чрезмерно суровых видах и размерах наказаний, установленных за отдельные преступления. Кроме того, недостатком пенализации преступлений на современном этапе следует признать также несоизмеримость наказаний за отдельные преступления, которая проявляется как в установлении различных по своей строгости наказаний за преступления одинакового характера и степени общественной опасности, так и в установлении более строгих наказаний за менее тяжкие преступления и наоборот. Для устранения указанных недостатков представляется необходимым осуществление постоянного мониторинга санкций статей Особенной части УК РФ на предмет адекватности предусмотренных ими наказаний, характера и степени общественной опасности соответствующих преступлений.

На современном этапе развития отечественного уголовного законодательства такое направление уголовно-правовой политики, как депенализация преступлений, получило в своем развитии новый импульс. В процессах депенализации проявляется, прежде всего, гуманизация уголовно-правовой политики государства, а, во-вторых, таким образом расширяется арсенал средств для достижения основной ее цели – противодействия совершаемым преступлениям. Освобождая определенных лиц от уголовной ответственности или от наказания, государство тем самым достигает либо перевода под свой контроль определенных запрещенных к обороту вещей, либо совершения социально полезных действий, направленных на нейтрализацию общественно опасных последствий совершенного преступления, либо на создание надлежащей базы, прежде всего – доказательной, для раскрытия и пресечения преступлений. Поэтому основной вектор уголовно-правовой политики в этом случае разворачивается с направления наказания лица за совершенное им преступление на направление поощрения его к устранению последствий такого преступления или содействия государству в противодействии преступлениям, совершаемым другими лицами.

Проблема усовершенствования второго направления уголовно-правовой политики государства на данный момент становится все более актуальной. Представляется целесообразным дальнейшее осуществление углубленных научных исследований в сфере проблем депенализации преступлений с тем, чтобы на их базе создать научно обоснованную концепцию усовершенствования уголовного законодательства.

В современный период одной из особенностей мира стал рост угроз глобального характера, которые представляют опасность самому существованию человечества на планете. Поэтому разрозненные действия государств в сфере противодействия транснациональной преступности, в первую очередь – ее организованным формам, какими бы энергичными и обеспеченными (законодательно, финансово, организационно и т.п.) они бы не были, не дают ожидаемого эффекта. На нынешнем историческом этапе назрела реальная необходимость координации усилий мирового сообщества, основанной как на создании международных правовых механизмов, так и на совершенствовании национальных законодательных систем путем их унификации, широкого использования эффективного опыта зарубежных дружественных стран, приведения в соответствие с международными обязательствами государства и тому подобное. Внедрение в жизнь международных актов, одной из сторон которых является Российская Федерация и которые направлены на борьбу с преступлениями против мира и безопасности человечества (в том числе военными преступлениями), демонстрирует приверженность государства ценностям международного гуманитарного права [12, С. 78-79].

В науке международного уголовного права некоторыми учеными понятие международного уголовного права подменяется понятием международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Но этого делать нельзя, потому что фактически государства продвинулись вперед, прежде всего в сотрудничестве национальных правоприменительных органов, отдавая, пока что, предпочтение национальным решениям в борьбе с подавляющим большинством преступлений.

Что же касается большинства других международных договоров в области борьбы с преступностью, то они еще в большей степени связаны с усмотрением органов государства. Это всецело касается договоров об экстрадиции, о выполнении отдельных следственных действий на основе договоров о помощи.

В мире сохраняется широкая отрасль международно-правового сотрудничества в борьбе с преступностью. Эта отрасль сотрудничества постоянно увеличивается за счет проявления государствами интереса к расширению мер противодействия тем или иным преступлениям. В то же время некоторые виды преступлений не рассматриваются как посягающие на международную безопасность или связанные с обеспечением внешней безопасности государств, и поэтому борьба с ними остается в сфере исключительной внутренней компетенции государств. То же можно сказать и о таких специфических преступлениях, как шпионаж, разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Пока существует государство, трудно себе представить, что все государства начнут сотрудничать в борьбе с такими преступлениями.

Выводы. Таким образом, международное уголовное право служит правовой основой сотрудничества государств в борьбе с преступлениями транснационального характера и представляет

собой совокупность уголовно-правовых норм, устанавливающих на данном этапе его развития преступные деяния и наказуемость наиболее серьезных и вызывающих обеспокоенность всего международного сообщества посягательств на международный мир, международную безопасность, человечность.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций, 26 июня 1945 года, Сан-Франциско. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51455/ (дата обращения: 05.05.2026).
2. Документы ООН. «Развитие» Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно образовательным программам. – URL: <https://evolutio.info/ru/docs-un> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Международное сотрудничество в области прав человека : Документы и материалы / М-во иностр. дел РФ; [Редкол.: А.Л. Адамишин (отв. ред.) и др.]. Вып. 2. – Москва : Междунар. отношения, 1993. – 698 с.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1991 г. № 46/152 «О создании эффективной программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» / Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/2565318/> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Панов, В.П. Международное уголовное право Учеб. пособие / В.П. Панов. – Москва : Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 309 с.
6. Мелешко, Н.П. Преступность: проблемы правового реагирования / Н.П. Мелешко // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. – 308 с.
7. Иногамова-Хегай, Л.В. Международное уголовное право: учебное пособие для магистрантов / Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва : Проспект, 2021. – 112 с.
8. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. – Москва : Юрист, 1998. – 511 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ / отв. ред. А.И. Чучаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2024. – 848 с.
10. Мироненко, С.Ю. Основные направления уголовно-правовой политики / С.Ю. Мироненко // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : в 3 т. : сборник материалов Международной научно-практической конференции 22-23 мая 2024 г. / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – Воронеж, 2024. – 588 с.
11. Суденко, В.Е. Проблемы уголовного законодательства об уголовной ответственности / В.Е. Суденко // Транспортное право и безопасность. – № 2. – 2016. – С. 48-61.
12. Мироненко, С.Ю. Норма о применении запрещенных средств и методов ведения войны в системе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества / С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – № 1. – 2024. – С. 77-88.

УДК 343

ТЕОРЕМА РАВНОВЕСНОГО УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. РАВНОВЕСНЫЙ И СПРАВЕДЛИВЫЙ ПРИГОВОР

Сергей Геннадьевич Ольков, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории изучения актуальных вопросов права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: olkovsg@mail.ru)

В научной статье доказывается теорема равновесного уголовного наказания в состязательном уголовном процессе, показано различие между равновесным и справедливым приговором.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд, судья, приговор, уголовное наказание, обвиняемый, подсудимый, потерпевший, справедливость, состязательность, функция защиты, функция обвинения, равновесие, равновесная цена, теория игр.

THE THEOREM OF EQUILIBRIUM CRIMINAL PUNISHMENT IN ADVERSARIAL CRIMINAL PROCEEDINGS. EQUILIBRIUM AND FAIR SENTENCES

Ol'kov, S.G.

The scientific article proves the theorem of equilibrium criminal punishment in an adversarial criminal trial, and shows the difference between an equilibrium and a fair sentence.

Keywords: criminal process, court, judge, sentence, criminal punishment, accused, defendant, victim, justice, competitiveness, defense function, prosecution function, the equilibrium price.

Теорема. Равновесное уголовное наказание в состязательном уголовном процессе (в системе уголовно-процессуальных правоотношений сторон защиты и обвинения) эквивалентно среднему арифметическому конечных целевых позиций сторон защиты и обвинения: $p_0 = \frac{m+w}{2}$, где p_0 – равновесное уголовное наказание подсудимому, w – конечная целевая позиция стороны защиты (получить минимальное наказание данного вида), m – конечная целевая позиция стороны обвинения (добиться максимальной величины наказания данного вида).

Доказательство теоремы.

Поскольку уголовно-процессуальные правоотношения носят состязательный характер (ст. 15 УПК РФ), постольку система уголовно-процессуальных правоотношений представляет собой связь двух математических функций: 1) функции обвинения; 2) функции защиты. При этом функция обвинения заточена на максимизацию величины уголовного наказания обвиняемому (подсудимому, осужденному), а функция защиты на минимизацию величины уголовного наказания тому же субъекту уголовно-процессуальных правоотношений. Соответственно, с учётом структуры санкций уголовно-правовых запретов по конкретным видам уголовных наказаний в них заложенных, уместно записывать конкретные математические функции сторон защиты и обвинения по конкретным уголовным делам, и исследовать равновесие в системе, складывающихся уголовно-процессуальных правоотношений.

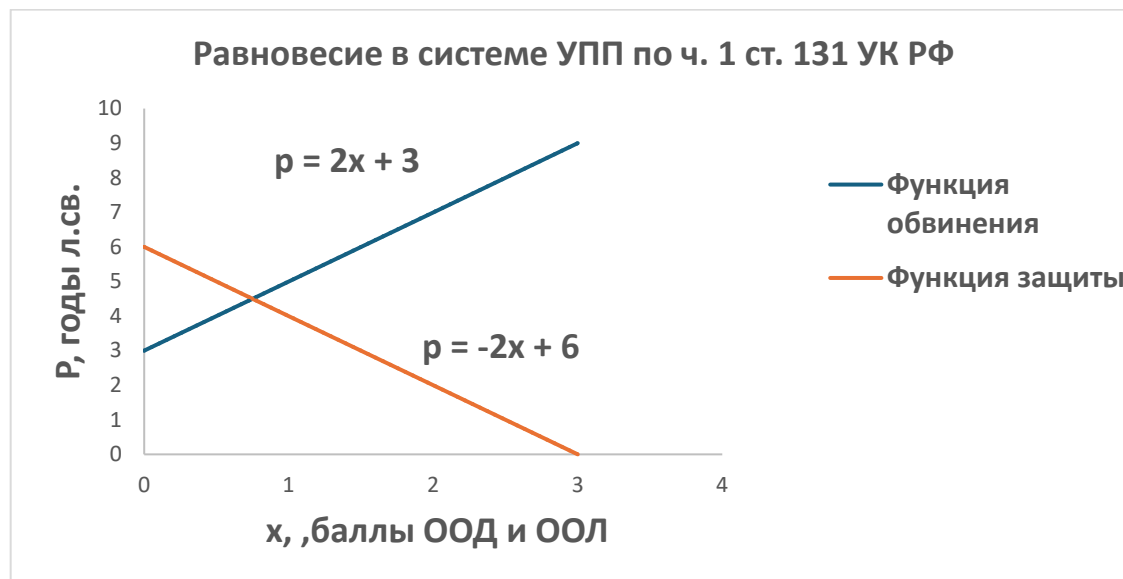
В санкциях уголовно-правовых запретов, как правило, задается минимальная и максимальная величина уголовных наказаний соответствующих видов, например, лишения свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ). Соответственно, **функция обвинения** будет записана в виде линейного уравнения: $p^o = w + bx$, а **функция защиты** в виде линейного уравнения: $p^3 = m - kx$, где p – величина уголовного наказания в единицах измерения соответствующего вида уголовного наказания, x – количество баллов общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей с учетом смягчающих и отягчающих величину наказания обстоятельств; m – максимальная величина уголовного наказания применяемого вида, w – минимальная величина уголовного наказания применяемого вида; b и k – параметры (константы, коэффициенты пропорциональности, первые производные): $b = \frac{dp^o}{dx} > 0$; $k = \frac{dp^3}{dx} < 0$.

Равновесие в системе уголовно-процессуальных правоотношений находим из условия: $p^o = p^3$, то есть $w + bx = m - kx$.

Решаем: 1) $bx + kx = m - w$; 2) $x(b + k) = m - w$; 3) $x_0 = \frac{m-w}{b+k}$.

Например, для случая квалификации деяния обвиняемого по ч. 1 ст. 131 УК РФ (изнасилование) обвиняемому может быть назначено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до шести лет, откуда функция обвинения примет вид: $p^o = 3 + 2x$, а функция защиты: $p^3 = 6 - 2x$, где $w = 3$, $m = 6$, $b = 2$ и $k = 2$. Равновесие в системе уголовно-процессуальных правоотношений достигается при условии: $x_0 = \frac{m-w}{b+k} = \frac{6-3}{2+2} = \frac{3}{4} = 0,75$ балла обобщенной общественной опасности содеянного.

Рис. №1. Равновесие в системе состязательных уголовно-процессуальных правоотношений (УПП) по ч. 1 ст. 131 УК РФ.

Очевидно, что при равновесном значении баллов обобщенной общественной опасности, содеянного обвиняемым, равном 0,75 равновесное уголовное наказание в виде лишения свободы по ч. 1 ст. 131 УК РФ получается простой подстановкой равновесного значения баллов обобщенной общественной опасности содеянного обвиняемым в любое из уравнений защиты или обвинения, например, при подстановке в уравнение обвинения получаем: $p^o = 3 + 2x = 3 + 2 \cdot 0,75 = \frac{9}{2} = 4,5$ года лишения свободы.

Соответственно, если суд назначает величину уголовного наказания подсудимому по ч. 1 ст. 131 УК РФ менее 4,5 лет лишения свободы, то в системе имеет место неравновесное наказание в пользу стороны защиты, а если уголовное наказание подсудимому назначается выше, чем 4,5 года лишения свободы, то в системе уголовно-процессуальных правоотношений

имеет место неравновесное уголовное наказание в виде лишения свободы в пользу стороны обвинения.

Обратим внимание на тот факт, что равновесное уголовное наказание эквивалентно среднему арифметическому конечных целевых позиций сторон защиты и обвинения. Так, для нашего примера с наказанием по ч. 1 ст. 131 УК РФ среднее арифметическое составляет: $\frac{m+w}{2} = \frac{6+3}{2} = 4,5$ года лишения свободы.

Таким образом, теорема доказана, поскольку в конечном итоге

$$p_0 = \frac{m+w}{2} = m - k \frac{m-w}{b+k} = w + b \frac{m-w}{b+k}.$$

С учетом того, что в функциях защиты и обвинения первые производные равны по модулю: $|k| = b$, уместно записать: $p_0 = \frac{m+w}{2} = m - k \frac{m-w}{2k} = w + b \frac{m-w}{2k}$ или $p_0 = \frac{m+w}{2} = m - k \frac{m-w}{2b} = w + b \frac{m-w}{2b}$.

Для нашего числового примера: $4,5 = \frac{6+3}{2} = 6 - 2 \cdot \frac{6-3}{2+2} = 3 + 2 \cdot \frac{6-3}{2+2}$.

Покажем, каким образом состязательная система уголовно-процессуальных правоотношений стремится к состоянию равновесия во времени (по стадиям уголовного процесса).

Поскольку тангенс угла наклона функции обвинения равен тангенсу угла наклона функции защиты: $|k| = b$, постольку система уголовно-процессуальных правоотношений «вращается» вокруг состояния равновесия, то есть не сходится к состоянию равновесия, и не уходит (расходится) от этого состояния в бесконечность, что можно доказать с помощью решения соответствующих линейных разностных уравнений для функций защиты и обвинения.

Уравнение вида $x_{n+1} = ax + b$, где a и b – константы называют линейным разностным уравнением. Решением подобного уравнения будет последовательность $x_0, x_1, x_2 \dots x_n$, где $x_{n+1} = ax_k + b$ при $k = 0, 1, 2 \dots$

В общем виде линейные разностные уравнения решаются по алгоритму:

1) записываем разностное уравнение: $x_{n+1} = ax_n + b$, для которого задано начальное значение x_0 . Ясно, что при $a = 1$ решением данного уравнения будет простая арифметическая прогрессия: $x_0, x_0 + b, x_0 + 2b$ и так далее, что можно записать: $x_n = x_0 + (n - 1)b$.

2) Для случая, когда $a \neq 1$ запишем: $x_{n+1} = ax_n + b$ и ему соответствует однородное уравнение: $x_{n+1} = ax_n$.

3) Допустим, что в уравнении $x_{n+1} = ax_n$ начальное значение $x_0 = A = \text{const}$, откуда $x_1 = aA, x_2 = a^2A, x_3 = a^3A$ и так далее, что в общем виде уместно записать: $x_n = a^nA$.

4) Далее положим в уравнении $x_{n+1} = ax_n + b$, что $x_n = B$ для всех значений n . В итоге получим: $B = aB + b$, и далее: $B = \frac{b}{1-a}$. При этом полагаем, что $a \neq 1$, чтобы в знаменателе дроби не появился нуль (на нуль делить нельзя).

5) Получаем: $x_n = \frac{b}{1-a}$ – частное решение данного линейного разностного уравнения.

6) Получаем общее решение исходного линейного разностного уравнения вида: $x_{n+1} = ax_n + b$ сложением уравнений $x_n = a^nA$ и $x_n = \frac{b}{1-a}$, что дает в итоге: $x_n = a^nA + \frac{b}{1-a}$.

7) По условию имеем заданное значение x_0 , и подставляем в уравнение $x_n = a^nA + \frac{b}{1-a}$ значение $n = 0$, откуда $x_0 = A + \frac{b}{1-a}$ и $A = x_0 - \frac{b}{1-a}$.

8) Из п. 7 следует, что выражение $x_n = a^nA + \frac{b}{1-a}$ преобразуется к виду:

$$x_n = a^n \left[x_0 - \frac{b}{1-a} \right] + \frac{b}{1-a}.$$

Используя уравнение $x_n = a^n \left[x_0 - \frac{b}{1-a} \right] + \frac{b}{1-a}$ применительно к исследованию равновесия в системе уголовно-процессуальных правоотношений в состязательном уголовном процессе с функциями защиты и обвинения, легко построить паутинообразную модель в системе уголовно-процессуальных правоотношений, чтобы строго доказать, что система находится в состоянии «безразличного» равновесия, с синусоид подобными колебаниями вокруг состояния равновесия во времени.

Можно посмотреть на динамику цены в свете состязательного уголовного процесса, где функцию защиты удобно представить в виде спроса на баллы совокупной общественной опасности, а функцию обвинения в виде предложения баллов совокупной общественной опасности данного преступного деяния, поскольку именно от их количества зависит итоговая величина уголовного наказания подсудимому. При этом весьма удобно то, что функции защиты и обвинения являются линейными, что было показано ранее, и это избавляет нас от проблемы исследования нелинейных функций в построении паутинообразной модели «спрос-предложение», «защита-обвинение», что усложнило бы анализ, поскольку в нелинейных функциях появляется ускорение в каждой точке, то есть непрерывно меняется тангенс угла наклона исследуемых кривых.

Следовательно, если обозначить текущую цену содеянного, как p_t , то функция обвинения в последующий период $t + 1$ будет выражаться функцией от p_t , а функция защиты, как функция от p_{t+1} , что уместно записать в виде уравнений: 1) $S_{t+1} = ap_t - b$, где для нас важно значение коэффициента при независимой переменной, которое должно быть строго положительным: $a > 0$. Что касается свободного члена в уравнении, то его значение теоретически может быть, как положительным, так и отрицательным, что зависит от тангенса угла наклона функции обвинения (свободный член в функции обвинения может «сваливаться» в четвертый квадрант декартовой системы координат правой ориентации, то есть уходить в область отрицательных чисел по ординате). 2) $D_{t+1} = -cp_{t+1} + d$, где $c < 0$, $d > 0$.

Очевидно, что стремление к положению равновесия сторон защиты и обвинения уместно записать в виде равенства функций защиты и обвинения: $S_{t+1} = D_{t+1}$, что эквивалентно записи: $ap_t - b = -cp_{t+1} + d$, откуда нужно выразить будущее значение цены содеянного обвиняемым:

$$p_{t+1} = -\frac{a}{c}p_t + \left(\frac{b}{c} + \frac{d}{c}\right).$$

Последнее выражение удобно преобразовать. Положим $\frac{a}{c} = A$, а выражение в скобках $\left(\frac{b}{c} + \frac{d}{c}\right) = B$, что дает: $p_{t+1} = -Ap_t + B$.

Выразим $\left(\frac{b}{c} + \frac{d}{c}\right) = B$ из уравнения $p_{t+1} = -Ap_t + B$, получив в итоге: $p_{t+1} + Ap_t = B$. Как видно, нами получено линейное разностное уравнение, которому соответствует однородное уравнение: $p_{t+1} + Ap_t = 0$.

Решением однородного уравнения $p_{t+1} + Ap_t = 0$ является уравнение вида: $p_t = C(-A)^t$, где C – константа.

Далее по алгоритму решения линейных разностных уравнений следует найти частное решение исходного уравнения $p_{t+1} + Ap_t = B$, для чего нужно положить текущее значение цены $p_t = V$, где V – константа для любых значений t .

Подставим V в уравнение $p_{t+1} + Ap_t = B$, получив: $V + AV = B$, откуда легко выразить V , записав: $V = \frac{B}{1+A}$.

Общее решение данного однородного линейного уравнения $p_{t+1} + Ap_t = B$ примет вид: $p_t = C(-A)^t + \frac{B}{1+A}$.

Поскольку в состязательном уголовном процессе сторона защиты стремится к минимальному наказанию, постольку эта величина может быть принята за начальное значение

цены данного инвэйдерного товара: $p_{t=0} = w$, откуда выражение $p_t = C(-A)^t + \frac{B}{1+A}$ логично переписать, подставив в него $t = 0$, получив: $p_{t=0} = C(-A)^0 + \frac{B}{1+A}$ и окончательно: $p_{t=0} = C + \frac{B}{1+A}$, откуда легко выразить константу: $C = p_{t=0} - \left[\frac{B}{1+A}\right]$.

Далее просто подставим значение для C в выражение $p_t = C(-A)^t + \frac{B}{1+A}$, получив в итоге: $p_t = p_{t=0}(-A)^t + \left(\frac{B}{1+A}\right)[1 - (-A)^t]$.

С использованием формулы: $p_t = p_{t=0}(-A)^t + \left(\frac{B}{1+A}\right)[1 - (-A)^t]$ для трёх ключевых областей A : 1) $0 < A < 1$; 2) $A = 1$; 3) $A > 1$ получаем три разных динамических состояния состязательного уголовного процесса.

Для случая $0 < A < 1$ система стремится к состоянию равновесия, и равновесие в системе является устойчивым – сходится к равновесной цене на плоскости: $t0p$, амплитуда колебаний в системе уменьшается.

Для случая $A > 1$ видим, что система уходит от состояния равновесия, амплитуда колебаний на плоскости $t0p$ растёт.

Для случая $A = 1$ отмечаем, что система состязательного процесса не меняет амплитуду колебаний, и колеблется около положения равновесия.

Судя по тангенсам углов наклона функций защиты и обвинения (равны по модулю) для системы состязательного уголовного процесса характерно состояние $A = 1$, и мы имеем безразличное равновесие в системе.

На самом деле нас интересует не равновесный приговор, а приговор справедливый, в котором и содержится объективная истина, поскольку величина уголовного наказания подсудимому зависит не от позиции сторон защиты и обвинения (их соревнования, «конкуренции» между собой), а от реальной величины общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей, которую оценивает независимый суд (судья), лишь, наблюдающий за «игрой» сторон защиты и обвинения. То есть нас интересует приговор, вынесенный по правилам условной максимизации справедливости с введением неопределенного множителя Лагранжа (лагранжиана) и линии допустимых комбинаций уголовных наказаний [2, С. 87-101]. Приговор равновесный может быть справедливым лишь в частных отдельных случаях, откуда очевидно, что справедливый приговор не обязательно должен быть равновесным, и к тому же мы видели, что в состязательном уголовном процессе имеет место «безразличное» равновесие, а не равновесие устойчивое, строго сходящееся в координату чистого равновесия.

В свете достижения справедливого приговора мало полезна и математическая теория конфликтных ситуаций, которую принято называть теорией игр. Стороны защиты и обвинения в уголовном процессе – это классические игроки в теории игр (математическая теория конфликтных ситуаций), ибо имеют противоположные интересы и сражаются друг с другом, как по писанным (установленным в законе), так и не писанным правилам, которые, тем не менее, можно определить (угадать). Исход игры (разрешение конфликта) называется выигрышем, но, естественно, в игре кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. При этом игра называется парной, если в ней учувствуют два игрока и множественной в противном случае. Игра называется антагонистической (игрой с нулевой суммой), когда выигрыш одного игрока равен проигрышу второго, откуда можно записать: $b = -a$, где a – выигрыш игрока А, b – выигрыш (проигрыш) игрока В. Ясно, что стороны в уголовном процессе могут рассматриваться, как агрегированные игроки А и В. Да, стороны защиты и обвинения могут «поиграть» в такие игры, но окончательное решение будет принято судом в виде справедливого приговора.

Согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ и п. 1 Постановления Пленума Верховного суда РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, а вовсе не равновесным. При этом определение справедливости дано в ч. 1 ст. 6 УК РФ, которая гласит:

«Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». В п. 1 Постановления Пленума Верховного суда РФ указывается, что в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

Из ч.1 ст. 6 УК РФ явно следует, что приговор суда есть функция от двух переменных: 1) общественной опасности собственно совершенного преступного деяния; 2) общественной опасности личности, совершившей инкриминируемое деяние. При этом общественная опасность деяния складывается из трёх переменных: 1) имущественного ущерба, причиненного преступлением; 2) физического вреда, причиненного преступлением; 3) морального вреда, причиненного преступлением; а общественная опасность личности складывается из: 1) наличия прежних судимостей; 2) способа совершения преступления в рамках квалифицируемого деяния; 3) поло-возрастных характеристик; 4) характеристики поведения в быту и трудовой деятельности обвиняемого (подсудимого); 5) формы вины (умысел (прямой или косвенный) или неосторожность (небрежность или самонадеянность)); 6) целей и мотивов физического лица, совершившего преступление.

При справедливом назначении уголовного наказания подсудимому нужно максимизировать величину функции справедливости: $p = f(x, y)$, где p – величина уголовного наказания применяемого вида в его единицах измерения, x – величина общественной опасности преступного деяния в баллах общественной опасности преступного деяния, y – величина общественной опасности личности в баллах общественной опасности личности; с учетом цен баллов общественной опасности преступного деяния (p_x) и личности (p_y), его совершившей. При этом обстоятельства, смягчающие наказание (ст. 61 УК РФ) и обстоятельства, отягчающие наказание (ст. 63 УК РФ) могут привязываться соответственно, либо к общественной опасности преступного деяния, либо к личности, его совершившей в заданной функции справедливости, которую и нужно максимизировать, то есть найти такую координату $A(x_0, y_0)$, подстановка которой в уравнение: $p = f(x, y)$ обеспечивает касание наивысшей кривой постоянных наказаний (КПН) с линией допустимых комбинаций уголовных наказаний (ЛДКУН) вида: $m = p_x x + p_y y$, где m – максимальное наказание данного вида, применяемое к подсудимому по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, p_x – цена одного балла общественной опасности преступного деяния, p_y – цена одного балла общественной опасности личности на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации.

Для того, чтобы найти координату оптимума $A(x_0, y_0)$ нужно составить и решить новое уравнение: $P = f(x, y) + \lambda(m - p_x x - p_y y)$, где λ – неопределенный множитель Лагранжа (лагранжиан). Функцию справедливости, которую мы задали в неопределенном виде $f(x, y)$ нужно задать в определенном виде, например, в виде: $p = xy$, и записать общее уравнение: $P = xy + \lambda(m - p_x x - p_y y)$, от которого по правилам математического анализа нужно взять первые частные производные по трём переменным: x, y, λ , и приравнять эти производные к нулю. После чего нужно составить и решить систему алгебраических линейных уравнений (СЛАУ), состоящую из трёх уравнений. В результате решения этой системы получим координаты оптимума: (x_0, y_0, λ) .

Стоит заметить, что первая частная производная функции справедливости, взятая по общественной опасности преступного деяния (P'_x), показывает величину предельной справедливости уголовного наказания по общественной опасности преступного деяния, приходящуюся на один балл общественной опасности преступного деяния; первая частная производная, взятая по общественной опасности личности, являет собой предельную справедливость общественной опасности личности, приходящуюся на один балл

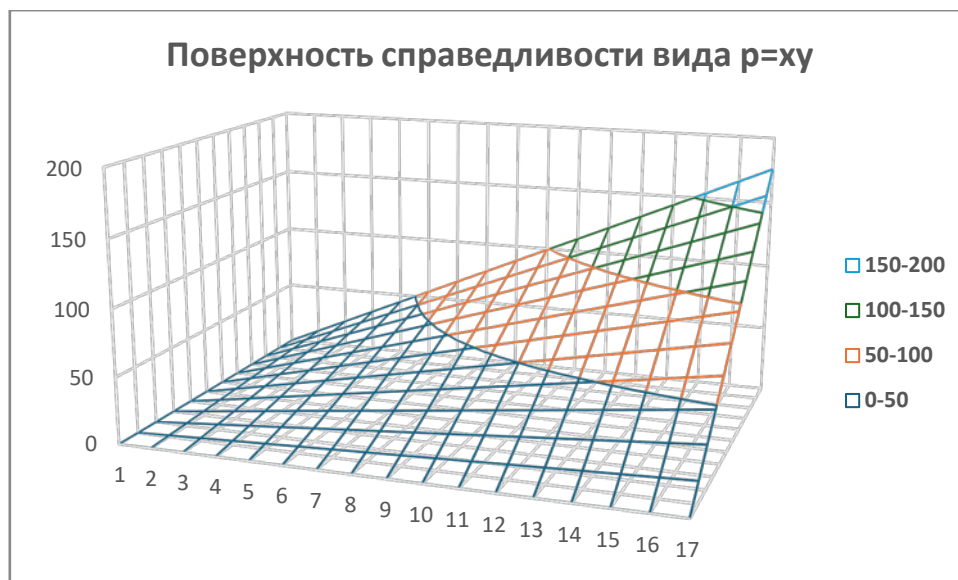
общественной опасности личности (P'_y); лямбда показывает предельную справедливость применяемого вида уголовного наказания(P'_λ), приходящуюся, например, на один месяц лишения свободы, принудительных или исправительных работ.

Переведём теорию в практическую плоскость. Положим теперь, что судье нужно назначить уголовное наказание подсудимому, которому инкриминировано деяние, предусмотренное ч. 1 ст.131 УК РФ, где максимальное уголовное наказание составляет 6 лет лишения свободы (72 месяца лишения свободы), о чем мы уже говорили ранее, формулируя теорему равновесного уголовного наказания в состязательном уголовном процессе.

Положим, что цена одного балла общественной опасности преступного деяния $p_x = 5$, а цена одного балла общественной опасности личности $p_y = 7$ месяцев лишения свободы, $m = 72$ месяца лишения свободы, откуда уравнение линии допустимых комбинаций в неявном виде выглядит следующим образом: $72 = 5x + 7y$ или в явном виде: $y = \frac{72}{7} - \frac{5}{7}x$ или $y = 10,29 - 0,71x$.

Полагая функцию справедливости: $p = xy$, можем записать общее уравнение оптимизации с введением лагранжиана: $P = xy + \lambda(72 - 5x - 7y)$.

Рис. №2. Поверхность справедливости, заданная уравнением: $p = xy$.

Далее берем первые частные производные по переменным данного уравнения: $P'_x = y - 5\lambda$; $P'_y = x - 7\lambda$ и $P'_\lambda = 72 - 5x - 7y$.

Далее по правилам математического анализа, чтобы найти экстремум функции приравниваем полученные первые частные производные к нулю:

$$\begin{cases} y - 5\lambda = 0 \\ x - 7\lambda = 0 \\ 72 - 5x - 7y = 0 \end{cases},$$

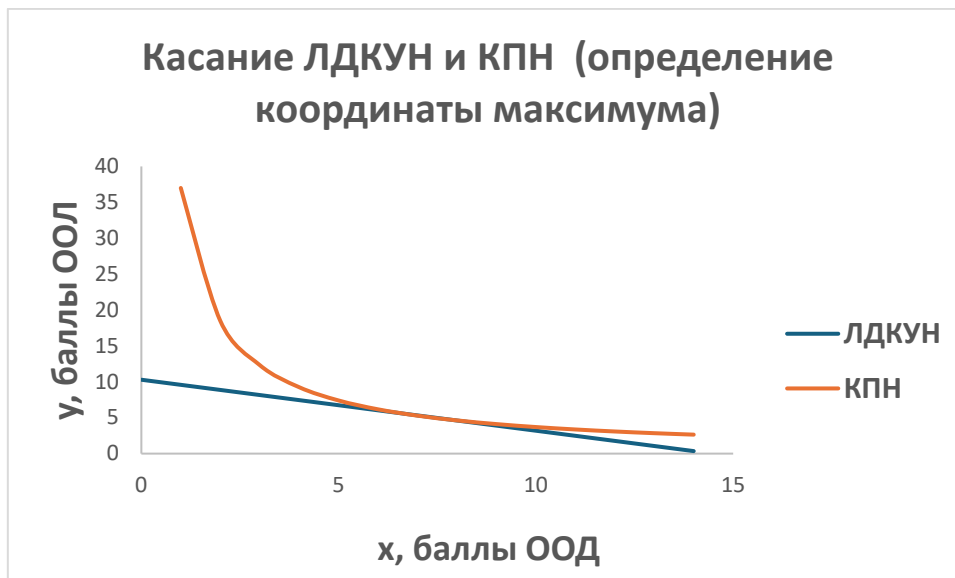
что эквивалентно нижеследующей системе алгебраических линейных уравнений с тремя неизвестными:

$$\begin{cases} 0 + 1y - 5\lambda = 0 \\ 1x + 0y - 7\lambda = 0 \\ 5x + 7y + 0\lambda = 72 \end{cases}$$

Остается только решить полученную систему алгебраических линейных уравнений любым удобным способом (методом детерминантов, матричным методом, методом Крамера или Гаусса-Жордана). В итоге получаем: $x_0 = 7,2$; $y_0 = 5,14$, $\lambda = 1,02$.

Величина уголовного наказания подсудимому составит: $p_0 = 7,2 \cdot 5,14 = 37$ месяцев лишения свободы при условии, что предельная справедливость одного месяца лишения свободы составила 1,02.

Рис. №3. Касание ЛДКУН: $y_1 = 10,29 - 0,71x$ и КПН: $y_2 = \frac{37}{x}$. Геометрическое определение координаты максимума.

Как видим в данном случае величина уголовного наказания по равносному приговору составила 4,5 года лишения свободы или 54 месяца, а по основной методике 37 месяцев лишения свободы.

Основная методика проверяется на соответствие второму закону Госсена, согласно которому частные производные, приведенные на цены баллов ООД и ООЛ, должны быть равны лямбде – предельной справедливости, приходящейся на один месяц лишения свободы: $\frac{p'_{x0}}{p_x} = \frac{p'_{y0}}{p_y} = \lambda$. Проверяем: $\frac{5,14}{5} = \frac{7,2}{7} = 1,02$, то есть $1,02 = 1,02 = 1,02$. Вывод: результат соответствует второму закону Госсена.

В данном примере мы наблюдаем максимально справедливое наказание подсудимому равное 37 месяцам лишения свободы. Это не равновесное наказание, поскольку идеально равновесное наказание составляет 54 месяца лишения свободы, и текущее наказание на 17 месяцев меньше, чем идеально равновесное. Естественно, изменив цены одного балла общественной опасности преступного деяния и личности, его совершившей, можно получить и более строгое уголовное наказание, приближающееся к равносному или выше него, но в этом случае лямбда, показывающая предельную справедливость, приходящуюся на один месяц лишения свободы, будет возрастать, показывая значение выше нормы.

Таким образом, была доказана теорема равносного уголовного наказания в состязательном уголовном процессе, показано различие между равносным и справедливым приговором. Равносный приговор имеет чисто теоретическое значение, а процессуальный принцип состязательности должен быть подчинён принципу материального уголовного права – принципу справедливости, поскольку принцип состязательности лишь ориентирует суд (судью) и других субъектов правоприменительной деятельности в уголовном процессе на создание относительно равных условий деятельности участников уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и стороны обвинения, в то время, как принцип справедливости есть стремление к установлению объективной истины по данному уголовному

делу, что соответствует достижению целей общей и специальной превенции преступлений наказаниями.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре» // Российская газета, № 277, 2016.
2. Ольков, С.Г. Математика многомерных оценочных пространств и формирование внутреннего убеждения судьи при вынесении оптимального приговора / С.Г. Ольков // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 3(5). – С. 87-101.
3. Ольков, С.Г. Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств / С.Г. Ольков // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – № 2(4). – С. 136-146.
4. Ольков, С.Г. Конституционные основы справедливого обвинительного приговора с назначением уголовного наказания в виде лишения свободы / С.Г. Ольков, О.А. Олькова // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 90-летию со дня рождения профессора В.А. Михайлова): сборник / под ред. Ю.В. Гаврилина, Б.Я. Гаврилова, Л.В. Лазаревой [и др.] – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – С. 84-91.
5. Ольков, С.Г. Максимизация справедливости при вынесении обвинительных судебных приговоров / С.Г. Ольков, О.А. Олькова // Университетская правовая наука и юридическое образование: к 100-летию юридического факультета Белорусского государственного университета: материалы Белорус. Науч.-образоват. конгр. Минск : БГУ, 2025. – С. 571-575.
6. Ольков, С.Г. Фундаментальная методика вынесения справедливых судебных приговоров / С.Г. Ольков, О.А. Олькова, Р.И. Тащилин // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2025.– №2. – С.15-23.
7. Ольков, С.Г. Теорема назначения уголовного наказания по правилу модернизированного рычага и сопутствующие ей теоремы уголовного процесса / С.Г. Ольков // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – №1. – С. 64-69.
8. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т.6. Назначение наказания / Математический подход к назначению наказания: теория С.Г. Олькова / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М.: «Юрлитинформ», 2021. – С. 469-544.

